

МОЛОДОЙ

ISSN 2072-0297

JOURNAL OF
NATURAL
HISTORY

УЧЁНЫЙ
научный журнал

An international journal of systematics, interactive biology, and
biodiversity, previously the *Annals & Magazine of Natural History*,
founded in 1841

Volume 39

Taylor & Francis
Taylor & Francis Group

9

2015

Часть XIV

ISSN 2072-0297

Молодой учёный

Научный журнал

Выходит два раза в месяц

№ 9 (89) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметова Галия Дуфаровна, *доктор филологических наук*

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, *доктор педагогических наук*

Иванова Юлия Валентиновна, *доктор философских наук*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук*

Лактионов Константин Станиславович, *доктор биологических наук*

Сараева Надежда Михайловна, *доктор психологических наук*

Авдеюк Оксана Алексеевна, *кандидат технических наук*

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, *кандидат географических наук*

Алиева Тарана Ибрагим кызы, *кандидат химических наук*

Ахметова Валерия Валерьевна, *кандидат медицинских наук*

Брезгин Вячеслав Сергеевич, *кандидат экономических наук*

Данилов Олег Евгеньевич, *кандидат педагогических наук*

Дёмин Александр Викторович, *кандидат биологических наук*

Дядюн Кристина Владимировна, *кандидат юридических наук*

Желнова Кристина Владимировна, *кандидат экономических наук*

Жуйкова Тамара Павловна, *кандидат педагогических наук*

Игнатова Мария Александровна, *кандидат искусствоведения*

Коварда Владимир Васильевич, *кандидат физико-математических наук*

Комогорцев Максим Геннадьевич, *кандидат технических наук*

Котляров Алексей Васильевич, *кандидат геолого-минералогических наук*

Кузьмина Виолетта Михайловна, *кандидат исторических наук, кандидат психологических наук*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук*

Кучерявенко Светлана Алексеевна, *кандидат экономических наук*

Лескова Екатерина Викторовна, *кандидат физико-математических наук*

Макеева Ирина Александровна, *кандидат педагогических наук*

Матроскина Татьяна Викторовна, *кандидат экономических наук*

Мусаева Ума Алиевна, *кандидат технических наук*

Насимов Мурат Орленбаевич, *кандидат политических наук*

Прончев Геннадий Борисович, *кандидат физико-математических наук*

Семахин Андрей Михайлович, *кандидат технических наук*

Сенюшкин Николай Сергеевич, *кандидат технических наук*

Ткаченко Ирина Георгиевна, *кандидат филологических наук*

Яхина Асия Сергеевна, *кандидат технических наук*

На обложке изображена Мэри Эннинг (1799–1847) — британский коллекционер окаменелостей и палеонтолог-любитель, известная целым рядом открытий, в основном, в области морской фауны юрского периода.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231. E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый»

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Ответственные редакторы:

Кайнова Галина Анатольевна

Осянина Екатерина Игоревна

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Голубцов Максим Владимирович

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Стешина Е. Г., Луничкина Е. В. Роль языкового сознания в формировании общекультурных компетенций	1411
Сушко М. В. Психолингвистический аспект обучения русскому языку иностранных курсантов высших военных учебных заведений	1415
Сысоева Н. В., Куимова М. В. Some challenges of translation of proper names from Russian into English (through the example of geographical names)	1418
Терре Д. А. Прагматический потенциал модальных высказываний необходимости	1419
Терре Д. А. Предложения с модальными лексемами со значением необходимости как вид конструкций с предикатными актантами	1428
Хамитова З. Ж., Джантасова Д. Д., Тугамбекова М. А., Сулейменова У. Е. Actuality of trilingual education of children in Kazakhstan	1432
Хоссейни А., Сиями Х. О неудачах иранских студентов в русской орфографии	1435
Черявко Т. П., Сенцов А. Э. Особенности выражения концепта «обладание» в романских языках	1438
Черявко Т. П., Сенцов А. Э. К вопросу о формировании выражения концепта «обладание» во французском языке (исторический аспект)	1441
Чибор И. С. Реализация представлений о духах природных локусов в украинской фразеологии	1443

Чубинец А. А., Болсуновская Л. М., Хоречко У. В. Приёмы перевода фразеологических единиц с китайского языка на русский (на материале фразеологизмов со значением «отношения мужчины и женщины»)	1446
Эргашева С. Б. От языка «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера до современного английского литературного языка: эволюция сленговых выражений	1449
Яковлева Е. А., Болсуновская Л. М., Суван-оол Е. С., Хоречко У. В. Способы и источники заимствований в терминологической лексике китайского языка (на примере лексики нефтегазовой отрасли)	1451
Яковлева Е. А., Дедеев П. О., Болсуновская Л. М. Ключ 目 mǐ «глаз» в составе китайских иероглифов	1454
Яковлева Е. А., Селина А. В., Болсуновская Л. М., Хоречко У. В. Экспрессивность как историческая категория 成语	1456

ФИЛОСОФИЯ

Абакумова Е. О. Дистанционное образование в условиях становления информационного общества ...	1459
Бежнар А. П. Basic philosophical aspects of comprehension of the phenomenon of mass culture	1463
Камбаров А. Б. Научное знание в системе духовных ценностей	1467
Камышин А. С. Властные элиты в рискогенном обществе	1470

Маматов О. В.	
Свобода и отчуждение в социальном развитии.....	1472
Рахматуллин Р. Ю.	
Гносеологические функции образа.....	1474
Рашидов А. М., Куимова М. В.	
About development of engineering thinking	1476
Семенова Э. Р.	
Нужна ли наглядность науке?	1477
Цупренко З. В.	
Развитие и человечность — ведущие тренды социальной жизнеспособности	1480

ПРОЧЕЕ

Алхрудхир Х. С.	
Автомобильные дороги Багдада и их соответствие мировым стандартам	1484
Игнатенко О. А.	
Проблемы современного архитектурно-дизайнерского образования	1486
Инжечик А. А., Полуйкова С. Ю.	
Языковые средства реализации суггестивного потенциала рекламного текста.....	1487

Исаев И. А.	
Получение, трансформация, анализ информации о массе движущихся большегрузных дорожных транспортных средств.....	1489
Ражабова Г. Ж., Самиева Ш. Х., Савриева Г. А.	
Золотое ремесло рукодельниц древней Бухары	1495
Солиев И. С.	
Маркетинговые исследования при проектировании формы для девочек профессиональных колледжей	1498
Тоноян С. С., Логинова А. В.	
Разработка детского игрового комплекса	1500
Федоткина А. И., Понаморёва Ю. В.	
Методы использования колористики в дизайн-проектировании.....	1502
Цветкова С. М.	
Значение и роль логистики для строительной отрасли в условиях загруженности территории г. Москвы.....	1505
Яковлева А. В., Логинова А. В.	
Проектирование детской площадки «Пиратский корабль».....	1507

ФИЛОЛОГИЯ

Роль языкового сознания в формировании общекультурных компетенций

Стешина Елена Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент;

Луничкина Елена Владимировна, студент

Пензенский государственный университет архитектуры и строительства

Вопросы изучения языка, взаимосвязи языка и культуры, взаимоотношения речевого мышления и социальной среды обитания индивида, отражения в глубинных слоях концептосферы своеобразия этнокультурных особенностей социума в настоящее время обретают особую актуальность. Несомненным фактором, влияющим на воспитание и обучение молодежи, является познание их языкового сознания, а также развитие общекультурных компетенций, т.е. способность представить современную картину мира на основе целостной системы естественнонаучных знаний, умение ориентироваться в ценностях бытия, жизни и культуры.

В нашем исследовании одной из задач является комплексный анализ когнитивных составляющих концепта *бедность* в русском и французском языковом сознании. Целью нашей работы является сопоставительный анализ национальной специфики компонентов концепта *бедность* в молодежном сознании носителей русского, французского языков. По этой причине нами предлагается выявить когнитивные признаки выделенных понятий и выстроить семантико-ассоциативную модель изучаемых концептов. Исследование языкового сознания осуществляется экспериментальными методами. В нашей работе мы используем свободный ассоциативный эксперимент. Проведенный ассоциативный эксперимент показывает ряд сходств и различий в ответах информантов. В ходе исследования стимулы и реакции обнаруживают плотную семантическую близость.

Формирование ассоциативного поля концепта *бедность*:

нищета (9), серость (2), безработица, милостыня, жалость (2), порок, холод, бомж (3), грязь (3), нищий, Герасим, безденежье (5), алкоголизм (4), голод, болезнь, ужас, пожилые люди, старушка, рвань, нет денег (2), нужда, ничего не имеет, судьба, неудача (2), богатство (2), вонючий подъезд.

В составе ассоциативного поля слова-стимула *бедность* наиболее частотными являются следующие ре-

акции: нищета — 18%, безденежье — 10%, алкоголизм — 8%; бомж — 6%, грязь — 6%, серость, жалость, нет денег, неудача, богатство, которые набрали по 4% каждый. Количество единичных реакций оказалось в русском языке — 32%.

В ходе анализа полученных реакций можно выделить такие когнитивные признаки как: неприятный вид (серость², грязь³, вонючий подъезд¹, рвань¹); отсутствие жилья (бомж³); отсутствие средств к существованию (безденежье⁵, нет денег, ничего не имеет¹, нужда¹, нищета⁹, нищий¹); негативные состояния сопутствуют бедности (холод¹, голод¹, болезни¹); вызывает чувство жалости (милостыня¹, жалость²); бедность противоположна богатству (богатство²); неудача (неудача²); бедность осуждается (порок¹); бедность соотносится с литературным персонажем (Герасим¹); употребление алкоголя (алкоголизм⁴); отсутствие работы (безработица¹); бедность предопределена (судьба¹); вызывает чувство ужаса (ужас¹).

Ядерный слой ассоциативного поля концепта *бедность* в русском языковом сознании представлен единичным когнитивным признаком как: бедность предполагает отсутствие средств к существованию — 36%. Базовый слой составляют такие когнитивные признаки, как: неприятный вид — 16%; употребление алкоголя — 8%. Ближняя периферия включает в себя следующие признаки: негативные состояния сопутствуют бедности; отсутствие жилья; вызывает чувство жалости по 6%; бедность противоположна богатству; бедности сопутствует неудача по 4%. На дальней периферии находятся признаки: бедность осуждается; бедность соотносится с литературным персонажем; бедность предполагает отсутствие работы; бедность предопределена; бедность вызывает чувство ужаса по 2%.

Формирование ассоциативного поля стимула *pauvreté*: pitié (9); nécessité (5); Africain (4); Africanisé, faim (3); alphabétiser (2), lutter, malheur, manquer; alphabétisé, crise, nourrir, paludisme, prison, rue, social, aide; nécessaire; vital; manger; amour, besoin; demande; naturel, nourriture;

indispensable, moyen, saca, consommation, pipi, survie, toilettes, utilité, vie; dépendance, essentiel, être, important, pauvre, rien, survivre, utile, volonté.

В составе ассоциативного поля слова-стимула *pauvreté* наиболее частотными являются следующие реакции: *pitie* — 14%; *Africain* — 6%; *africanise*, *faim* — по 4,5%. Количество единичных реакций оказалось во французском языке — 75%.

В ходе анализа полученных реакций можно выделить такие когнитивные признаки как: бедность вызывает жалость (*pitie* 9, *aide*); бедность вызывает чувство голода (*faim* 3, *pourrir*, *pourriture*, *manger*); состояние бедности характерно для стран Африки (*africain* 4, *africanisé* 3); бедность — состояние бедного (*besoin*, *nécessité* 5, *manquer*, *rien*, *pauvre*, *nécessaire*, *consommation*, *demande*); бедность — это борьба за выживание (*lutter*, *survivre*, *survie*, *crise*, *volonté*); бедность характерна для грамотных (*alphabétiser*, *alphabétisé* 3); бедность предполагает болезни (*paludisme*, *malheur*); бедность — это жизнь (*vital*, *vie*, *être*, *naturel*); состояние бедности важно (*important*, *essentiel*, *indispensable*); бедность предполагает зависимость (*dependance*); бедность связана с антисанитарией (*saca*, *pipi*, *toilettes*); бедность — социальное явление (*prison*, *rue*, *social*); бедность — нужное явление для общества (*utilité*, *utile*); в бедности проявляется чувство любви (*amour*).

Ядерный слой ассоциативного поля концепта *pauvreté* во французском языковом сознании представлен единичным когнитивным признаком как: бедность — состояние бедного — 18,75%. Базовый слой составляют такие когнитивные признаки, как: бедность вызывает жалость — 15,6%; состояние бедности характерно для стран Африки — 11%; бедность вызывает чувство голода — 9%; бедность — это борьба за выживание — 7,8%. Ближняя периферия включает в себя следующие признаки: бедность — это жизнь, бедность характерна для грамотных — по 6,26%; состояние бедности важно; бедность — социальное явление; бедность связана с антисанитарией — по 4,7%. На дальней периферии находятся признаки: бедность характерна для грамотных; бедность предполагает болезни; бедность — нужное явление — по 3%; бедность предполагает зависимость; в бедности проявляется чувство любви — по 1,5%.

Основываясь на данных проведенного нами ассоциативного эксперимента, можно сказать, что ядерная зона концепта *бедность* / *pauvreté* не сильно отличается. Самый высокий рейтинг 36% в русском языке занимает когнитивный признак *бедность предполагает отсутствие средств к существованию*. Респонденты приводят в пример слова, ассоциирующиеся с внутренней жизнью страны. Ядерный признак *бедность — это состояние бедного* характерен для французской нации. Одинаковую гамму чувств вызывает состояние бедности: у французского народа бедность соотносится с жалостью, состраданием (бедность вызывает жалость — 15,6%); и у русских бедность вызывает жалость — 6%. Очевидно,

смысловое содержание концептов имеет общие и национально-специфические особенности в механизмах ассоциирования данного экспериментального задания, используемых русскими и французами.

Так как ассоциативные эксперименты выявляют особенности национального языкового сознания народа, то данные, полученные в результате проведенного эксперимента, могут быть интерпретированы как отражение отношений между концептами разных культур. Анализ ассоциаций позволяет также выявить компоненты концепта, стоящего за стимулом — оценочное отношение к нему национального сознания, определенные концептуальные слои и компоненты.

С целью получения данных о психологически реальном значении лексемы бедность в языковом коллективном сознании мы предложили испытуемым дать оценку понятия *бедность*. Методом субъективных дефиниций в нашей работе выявляются когнитивные признаки изучаемого концепта, а затем выявлялись значения, не зафиксированные словарями. Испытуемым было предложено выполнить следующее задание: «Напишите, пожалуйста, своими словами, как Вы понимаете, что такое бедность». В целом субъективные дефиниции лексемы *бедность* предполагают следующие когнитивные признаки в русском языковом сознании:

1. бедность предполагает отсутствие материальных средств: это когда ничего нет; это нехватка денег на основные потребности; это когда у человека нет денег; это отсутствие материальных благ; это когда отсутствуют средства к существованию; это недостаток средств; это отсутствие материальных средств; когда нет денежных средств; это отсутствие или малое преобладание денежных средств; жалкое материальное положение; отсутствие средств на достойную жизнь; ... нет достаточно денег; не совсем полноценная жизнь, касающаяся стороны материального статуса...; когда нет достаточно денег; отсутствие материальной базы; положение в обществе, при котором наблюдается недостаток материальных средств; когда у человека отсутствуют финансы; такое положение людей, когда они не имеют достаточное количество денег для проживания; у народа минимальное количество денег, имущества; нужда в деньгах...; это отсутствие денег, жилья и еды...; когда он не в состоянии удовлетворить свои потребности из-за отсутствия денежных средств; это образ жизни при острой нехватке материальных и денежных средств;

2. бедность социально обусловлена: социальная ошибка общества; положение в обществе...; социальное положение...; это социальное положение человека...; у народа минимальное количество денег;

3. бедность внутреннего мира человека: это когда жизнь не имеет определенного смысла; это душевное состояние; состояние человека, у которого в душе полный разброс; это состояние души человека в той или иной сфере; это проблема человека; нехватка чувств; также есть у некоторых отклонения в умственных и моральных способностях — это тоже бедность; отсутствие ... мо-

ральных ценностей; отсутствие душевной основы; отсутствие внутреннего мира (в том числе и собственного мнения); это истощенность духа, ограниченность мышления; это испытание человека в стремлении открыть себе дорогу в будущее;

4. бедность предполагает необеспеченность основными вещами: это когда у человека нет возможности что-то приобрести для дома или в плане того, что он не может себя обеспечить; это невозможность прокормиться и отсутствие средств к существованию; ... нет достаточно денег, чтобы обеспечить себя; невозможность приобрести необходимые для человека товары, продукты питания, одежду, медикаменты и многое другое;

5. бедность предполагает беспокойство за себя и своих близких: нет возможности обеспечить себя и своих близких; ... чтобы обеспечить себя.

6. бедность — это нужда, ничтожное существование;

7. состояние бедности ограничивает желания: неравноправие, невозможность позволить себе желаемое, постоянное чувство недостатка...; ... ограниченность своих желаний, т.е. желания не могут превратиться в реальность;

8. бедность не осуждается: бедность — не порок;

9. бедность предполагает употребления слова невозможность: это отсутствие возможности заработка; нет возможности обеспечить...; это невозможность прокормиться...; невозможность позволить себе желаемое...; ограничение в возможностях; когда человек не может позволить себе все то, что хочет; невозможность приобрести необходимые...;

10. бедности противопоставляется достоинство: отсутствие средств на достойную жизнь; ... не может позволить себе того, что заставляет чувствовать себя полноценным жителем планеты;

11. бедность вызывает угнетенность: состояние человека, в котором он чувствует себя угнетенным, и не может позволить себе того, что заставляет чувствовать себя полноценным жителем планеты.

На следующем этапе исследования психологически реального значения лексемы бедность представлены системные словарные значения и результаты использования методики субъективных дефиниций. Лексикографическое значение лексемы бедность [1, с.64]:

1. Состояние, положение бедняка, нужда (1 зн.) Жить в бедности.

2. Убогость, неприглядность. Бедность обстановки.

3. Недостаточность чего-л., скудность в ч. — л. Бедность воображения.

Психологически реальное значение (дополнительные признаки, не выделенные толковыми словарями): 1.

бедность социально обусловлена; 2. бедность предполагает беспокойство за себя и своих близких; 3. состояние бедности ограничивает желания; 4. бедность не осуждается; 5. бедность предполагает употребления слова невозможность; 6. бедности противопоставляется достоинство; 7. бедность вызывает угнетенность.

Таким образом, в языковом сознании носителей русского языка концепт *бедность* представлен тремя системными значениями: отсутствие материальных средств; необеспеченность основными вещами; это нужда, ничтожное существование; внутреннего мира человека и семью значениями, не зафиксированными словарями.

Теперь предлагаем рассмотреть субъективные дефиниции, выделенные французскими информантами. В результате полученных субъективных дефиниций мы можем выделить следующие когнитивные признаки концепта *pauvreté*, где жизнь в бедности может означать:

1. быть изолированы от семьи и друзей: l'isolement.

2. отсутствие денежных средств: ce manque d'argent dure toute notre vie; je n'ai ni le temps ni l'argent; sa leur permettraient gagner de l'argent et ainsi de pouvoir vivre comme tout le monde; La pauvreté pécuniaire est le manque d'argent; La pauvreté pécuniaire ou de revenu monétaire...; l'insuffisance des ressources matérielles et des conditions de vie

3. нет больше надежды, чувствуют себя бессильными: Le manque de respect et le désespoir; Cela fait des années que je ne vois rien évoluer. Je n'ai pas d'avenir...; Je me sens un peu comme Don Quichotte. Je me bats contre des moulins à vent ici et là et il n'y a plus véritablement d'espoir; Ce n'est pas normal que des gens soit aussi pauvres et d'autres beaucoup trop riche; ... le plus grand malheur dans la pauvreté extrême est d'être comme un mort vivant tout au long de son existence;... le condamnant aux affres d'une survie au jour le jour;

4. страх за будущее детей: nos enfants grandissent également dans ce schema; Comment expliquer ces injustices à nos enfants?; Je suis totalement conscient des conséquences; La crainte pour ses propres enfants; En conséquence, mes enfants ne sont plus invités nulle part...; Mes enfants ne peuvent aller en vacances scolaires de neige et ne peuvent aller à l'étranger suivre des cours de langue...; Mes enfants vont hériter de ma pauvreté;

5. испытывать чувство унижения: La façon dont les gens vous regardent est humiliante. On ne vous considère pas comme un être humain; Parfois, vous avez l'impression que les animaux sont mieux protégés...; Mon sentiment est que les chiens sont mieux respectés et mieux traités que les Gitans;... se sentir alors honteux ou coupable...; ... le pire est le mépris de nos concitoyens...; Ceux qui n'en ont pas ont plus de mal à se faire respecter...; ... dès lors à les placer de fait dans une position de soumission et de dépendance;

6. отсутствие информации о поддержке, плохая работа социальных служб: La bureaucratie et le manque d'information; Le système est trop compliqué, je ne sais pas où trouver quoi; Je me suis adressé aux services sociaux pour qu'ils m'aident à trouver un logement. Je me suis retrouvé face une très lourde bureaucratie; ... A chaque fois que je raconte ma vie à des fonctionnaires, je reçois beaucoup de compassion mais les règles font obstacle à une aide efficace

7. трудности в удовлетворении основных потребностей, в получении достойного жилья, здравоохранения, школы и возможности обучения на протяжении всей

жизни: des tas de sans-abri qui n'ont pas de toit au dessus de leur tête; Je ne peux pas m'offrir de journaux quotidiens; les livres, et surtout la littérature scientifique; ... cela a pris des années avant que je n'obtienne un logement; Il m'est impossible d'inviter les amis de mes enfants à la maison; La formation tout au long de la vie est inabordable et les activités culturelles coûtent trop cher; ... peut être ne pas avoir de logement décent; ce qui reviendrait à accepter que ce qu'ils vivent est un état quasi naturel...; La pénurie de biens de première nécessité; ... entraînant souvent des difficultés, pour se nourrir, s'habiller, se loger;

8. делать пожертвования: à leur faire la charité;

9. не помогать бедным: N'aidons pas les pauvres, luttons contre l'accumulation sans limite du capital!

10. жизнь в опасных районах, где уровень преступности и насилия — высокий: nous sommes obligés de vivre cachés...;

11. работать в незаконных ситуациях: Je dois bien admettre que je travaille dans l'illégalité...;

12. не сможет принять участие в нормальной общественной жизни и развлечений, таких как пойти в паб или кино или посещение спортивных мероприятий: J'ai perdu des amis car je ne peux pas participer à leurs activités; la participation à des groupes d'entraide; ... ne pas pouvoir aller au cinéma ou en vacances, ne pas pouvoir faire ses devoirs dans de bonnes conditions...;

13. нет работы: Pas d'emploi décent; Je n'ai pas de travail ni de logement...; c'est un calcul pour nous faire accepter de travailler dans des conditions de plus en plus mauvaises;

14. бедность преобладает в Африке: Je pense que la pauvreté n'est pas une chose bien car des gens meurent de cela, surtout en Afrique.

15. ограничение свободы: La pauvreté, c'est la privation de liberté.

Лексикографическое значение леммы *pauvreté* [2]:

1. État de quelqu'un qui est pauvre: Vivre dans la pauvreté.

2. État de quelque chose qui est pauvre: Une langue d'une extrême pauvreté.

3. Littéraire. Chose insignifiante, sans valeur: Ne dire que des pauvretés.

Психологически реальное значение (дополнительные признаки, не выделенные толковыми словарями): 1. Бедность предполагает изоляцию от семьи и друзей. 2. Бед-

няки чувствуют себя бессильными, остаются без надежды.

3. В состоянии бедности испытывают чувство унижения.

4. Бедность предполагает отсутствие информации о поддержке, плохая работа социальных служб.

5. Необходимо делать пожертвования беднякам.

6. В состоянии бедности испытываешь страх за будущее детей.

7. Не стоит помогать бедным.

8. Бедность преобладает в Африке.

9. Бедность предполагает ограничение свободы.

Самый высокий рейтинг в языковом сознании русских респондентов занимает когнитивный признак *бедность предполагает отсутствие материальных средств*.

Этот же признак присутствует в сознании французских респондентов, но не является лидирующим.

Главными когнитивными признаками, характерными для французского сознания, выделенными в работе признаются такие признаки, как: *бедняки чувствуют себя бессильными, остаются без надежды; в состоянии бедности испытывают чувство унижения; в состоянии бедности испытываешь страх за будущее детей; в состоянии бедности возникают трудности в удовлетворении основных потребностей*.

Важным ядерным признаком для русских испытуемых является «духовный» или нравственный признак: *бедность внутреннего мира человека*.

При анализе французских дефиниций в работе не найдено ни одного когнитивного признака, указывающего на низкие моральные или нравственные качества человека.

В ходе исследования отмечено, что русские информанты связывают бедность с образом личности, не нашего смысла жизни.

Эмоциональная характеристика концепта больше проявляется в ответах русских респондентов.

Таким образом, реальность бедности во Франции касается многих аспектов жизни людей, и это ограничивает доступ к основным правам лиц.

Они часто сталкиваются с широким спектром неравенств. Это ограничивает возможности для заинтересованных лиц, их полноценного потенциала.

Для русского менталитета недостаточность денежных средств является основным признаком бедности.

Очевидно, что приведенный анализ языкового материала может быть включен в содержание обучения иноязычному общению, т.к. применение свободного ассоциативного эксперимента среди носителей языка позволяет на более высоком уровне ориентироваться в языковом сознании и проникнуться национальной самобытностью народа.

Литература:

1. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
2. <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/pauvrete>

Психолингвистический аспект обучения русскому языку иностранных курсантов высших военных учебных заведений

Сушко Марина Витальевна, преподаватель

Черноморское высшее военно-морское ордена Красной Звезды училище имени П. С. Нахимова (г. Севастополь)

В статье рассматриваются психолингвистические особенности обучения русскому языку иностранных курсантов высших военных учебных заведений.

Ключевые слова: русский язык как иностранный, межкультурная коммуникация, языковая личность, психолингвистика, мотивация к изучению иностранного языка.

Психолингвистика играет важную роль в решении теоретических и практических задач овладения иностранным языком, поскольку трудно представить решение проблем методики без опоры на понимание принципов организации психики человека, процессов речепроизводства и мышления на родном и иностранном языках.

Актуальность подхода к вопросу изучения иностранного языка с позиции психолингвистики обусловлена необходимостью наиболее эффективного учёта не только лингвистических, но и экстралингвистических (социокультурных, психолингвистических) факторов при составлении учебных программ по русскому языку как иностранному.

Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы выявить степень влияния результатов исследований в области психолингвистики на решение методических задач, поставленных перед преподавателем русского языка как иностранного.

Новизна данной статьи заключается в рассмотрении психолингвистического аспекта обучения русскому языку иностранных курсантов в высших военных учебных заведениях.

В 60–70-е годы XX столетия получили своё развитие интенсивные методы обучения, которые отобразили современный уровень знаний, возникших на стыке таких наук, как методика преподавания иностранного языка, психология памяти, психология восприятия, психология сознательного и бессознательного, психолингвистика, нейрофизиология [7, с.166].

Обучение русскому языку иностранных курсантов на подготовительном этапе проходит с применением интенсивных методов, главной задачей которых является овладение иностранным языком в условиях ограниченного времени и в степени, достаточной для общения на бытовые, общенаучные и профессиональные темы. По истечении подготовительного курса курсантам предстоит осуществлять коммуникацию с командным и преподавательским составом в бытовой и учебной деятельности. После освоения подготовительного курса русского языка как иностранного курсанты должны слушать и понимать лекции в рамках тематики, предусмотренной программой, приобретать знания посредством русского языка, что требует в достаточной степени сформированных навыков аудирования, говорения, чтения и письма.

Для осуществления поставленных задач было необходимо определить оптимальную организацию языкового материала в учебниках русского языка как иностранного согласно возрасту обучающихся и этапу обучения, механизму аккультурации, а также учесть преобладание процессов перевода с родного языка при изучении структур иностранного или формирования новых структур мышления.

Как указывал В.П. Белянин, на данные вопросы можно ответить только с привлечением психологического знания. Учёный также подчёркивал важность принятия во внимание национально-культурных особенностей коммуникативной деятельности, проявляющихся в языке, мышлении, процессах и средствах общения [1, с.9–12].

В своей работе мы также опирались на исследования А.А. Леонтьева, который писал о языке как о важном компоненте национальной культуры и средстве овладения ею, ведь овладевая иностранным языком, человек формирует в своём сознании свойственный соответствующему народу образ мира. Язык становится средством достижения взаимопонимания только при сходных картинах реальности, сформированных в сознании взаимодействующих лиц [4].

Таким образом, в своём исследовании мы уделили особое внимание вопросам мотивации курсантов из Экваториальной Гвинеи в условиях обучения в высшем военном учебном заведении Российской Федерации, а также учёта их возрастной категории и специфических национальных особенностей в процессе обучения их русскому языку как иностранному.

Для курсантов высших военных учебных заведений русский язык является инструментом получения высшего и среднего профессионального образования, что повышает мотивацию к изучению языка. Данный факт также свидетельствует о важности тренировки рецептивных и репродуктивных видов речи, учёта особой роли чтения и умения слушать лекции в познавательной деятельности курсантов, поскольку перед преподавателем русского языка как иностранного стоит задача приспособления учебной программы к индивидуальным особенностям и нуждам обучающихся.

Психолингвистическое знание также ориентирует преподавателя на учёт возрастного фактора обучающихся

при организации учебного процесса в целях повышения мотивации к изучению языка. От взрослого человека овладение иностранным языком требует гораздо больше усилий, чем от ребенка, так как психические процессы взрослого уже стабильны, процесс развития становится не таким активным, из чего следует, что у взрослого человека уходит больше времени и сил на изучение иностранного языка. Данный процесс требует гибкости мышления, запоминания многочисленных правил и вокабулярных единиц, что необходимо для выработки навыков правильного использования выученного материала с целью выражения своих мыслей и понимания чужих высказываний. В процессе овладения вторым языком у человека происходит формирование вторичной языковой личности как способности человека к речевым актам в условиях аутентичного общения с представителями культуры изучаемого языка [1, с.52].

При выборе стратегий обучения иностранных курсантов русскому языку мы учитывали тот факт, что процесс обучения взрослых должен отвечать не только когнитивным и коммуникативным ожиданиям, но и личностным. В обучении приветствуется индивидуальный подход, вытекающий из личных интересов и жизненных потребностей обучающихся [8].

При составлении тематических планов для программы обучения курсантов из Экваториальной Гвинеи учёт возрастного аспекта обучающихся состоял в опоре на изучение тем, представляющих наибольший интерес для курсантов в возрасте 25–35 лет. Это темы, связанные с семейными традициями, гендерными вопросами, проблемами охраны окружающей среды, инновационными технологиями. Также мы учили профессиональные и жизненные потребности курсантов, включив лексику, необходимую им для осуществления учебной деятельности по специальности и для общения в условиях учёбы в высшем военном учебном заведении.

Включение элементов лингвострановедческого знания в процесс обучения, погружённость в культурные реалии страны изучаемого языка также повышает мотивацию. В таком случае русский язык преподносится не только как знаковая система, но и как средство познания национальной специфики русской культуры. Интересно отметить, что курсанты из Экваториальной Гвинеи проявляли особый интерес к проведению сравнительного анализа традиций Российской Федерации и Экваториальной Гвинеи, в частности при обсуждении гендерных и семейных вопросов.

Овладение информацией о культурных различиях социумов и, соответственно, их взаимодействующих в контексте обучения представителей повышает способность курсантов к социокультурной адаптации, что позволяет педагогу в учебном процессе избежать создания конфликтных ситуаций и недопонимания, основанного на межкультурных различиях, а курсанту — развить межкультурную компетенцию, тем самым значительно повысив свои шансы на профессиональное становление [9, с.581].

Также в целях повышения мотивации курсантов мы ориентировались на создание возможности использования ими русского языка как способа реализации общения и самоактуализации, так как, согласно исследованиям А. А. Леонтьева, данное явление представляет собой определённую важность. Учёный указывал, что овладение иностранным языком ориентировано не только на образ мира и общение с собеседником, но и на личность обучающегося, а именно на такие личностные аспекты, как отношение человека к языку и внутренние установки на речь на данном языке, проблемы самоидентификации и многие другие [4].

Когда рассматриваемые в обучении вопросы затрагивают интересы, эмоции, мысли и чувства обучающихся, побуждают к выражению их личного отношения к теме, желание высказаться на изучаемом языке значительно возрастает [3, с.568].

В процессе изучения курсантами из Экваториальной Гвинеи русского языка, при обсуждении субъективно актуальных вопросов (как для личности, так и для группы представителей национального мировоззрения) обучающиеся, особенно склонные к открытому выражению своей позиции, часто были движимы импульсом к самовыражению, одним из средств которого в процессе обучения естественным образом представлялся изучаемый ими русский язык.

К тому же, современная педагогика ориентирована на воспитание активной личной позиции, творческого и самостоятельного подхода к решению поставленных задач в процессе овладения языком, который в свою очередь является системой ориентиров в предметном и социальном мире. Человек использует язык для самоориентировки и для ориентировки собеседника, внесения корректировок в его образ мира. Мы можем наблюдать этот факт в процессе усвоения иностранного языка, когда осуществляется формирование нового образа мира, в котором образуются точки соприкосновения для взаимопонимания с носителями изучаемого языка.

Наряду с личностно-смысловыми образованиями существует некая культурная общая компонента, их объединяющая и несущая единое значение для всех представителей определённой социальной группы. В данном контексте А. А. Леонтьев говорит о системе абстрактных моделей мира, общих для разных людей, и упоминает понятие профессионального образа мира, который должен сформироваться в процессе обучения специальности. Таким образом, процесс обучения иностранных курсантов русскому языку можно трактовать как процесс формирования у них инвариантного образа мира, соответствующего реалиям данного мира и служащего им ориентиром для эффективной деятельности в нём [4].

Внешняя практическая деятельность и деятельность внутренняя связывают человека с окружающим миром, вследствие отражающимся в его сознании; обе формы деятельности опосредствованы психическим отражением

действительности и являются осмысленными и смыслообразующими процессами [5].

В психике образ формируется в процессе деятельности, и любая внешняя деятельность приводит к формированию её психического образа. У курсанта, изучающего русский язык как иностранный, уже сформирована картина мира на основе жизненного опыта, а освоение русского языка дополняет эту общую картину мира новыми понятийными представлениями, новыми способами выражения идей, новыми словесными образами [6, с.108].

Психолингвистический подход также ориентирует на принятие во внимание индивидуальных способностей к изучению иностранного языка различных людей. Нами были учтены особенности социальной, национальной и культурологической психологии курсантов из Экваториальной Гвинеи в целях предотвращения активизации механизмов психологической защиты, которую может спровоцировать эмоциональное перенапряжение. Без принятия во внимания этих особенностей языковая личность может травмироваться в процессе обучения [2, с.95].

В условиях обучения в высшем военном учебном заведении данный факт особенно актуален, так как речь идёт об учебном процессе, полностью подчинённом строго установленному порядку и дисциплине. Мы учли такие за-

трудняющие процесс адаптации национальные особенности курсантов Экваториальной Гвинеи, как свободолюбие и привычка к размеренному образу жизни. Также мы приняли во внимание их экспрессивность, стремление к самовыражению и самоутверждению. Данные качества в значительной степени способствовали развитию коммуникативных навыков курсантов.

Таким образом, для методики преподавания русского языка как иностранного важную роль играет учёт специфических национальных особенностей курсантов. Учитываются следующие вопросы: склонность к языку, возраст обучающегося, эмоциональное состояние и отношение к изучаемому языку, социальные и личностные факторы, вопрос мотивации к изучению иностранного языка.

Отражение психологического знания в методике обучения иностранному языку способствует её совершенствованию. Ознакомленность преподавателя с основами психолингвистических закономерностей взаимодействия родного языка с иностранным в языковом сознании обучающегося позволяет наиболее эффективно организовывать учебный процесс: более осознанно подходить к выбору методов и приемов обучения, а также к определению содержания обучения русскому языку иностранных курсантов.

Литература:

1. Белянин, В.П. Введение в психолингвистику. — М.: ЧеРо, 1999. — 128 с.
2. Валит, Е. С. Культурологические концепты в рамках спецкурса для иностранных учащихся «Национальная картина мира и общечеловеческое мироведение» // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. — 2013. — Серия «Филология». Том 20 (59). № 2. — с. 93–98.
3. Козырева, Н.Ю. О необходимости активного самообучения студентов-иностранцев РКИ // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. — 2013. — Серия «Филология. Социальные коммуникации» Том 26 (65). № 1. — с. 568–573.
4. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики // Педагогическая библиотека. URL: http://www.pedlib.ru/Books/3/0307/3_0307-1.shtml#book_page_top (дата обращения 26.02.2015).
5. Леонтьев, А.Н. Проблемы развития психики // Глубинная психология. Учения и методики. URL: <http://www.psyoffice.ru/3740-leontev-a.-n.-problemy-razvitiya-psikhiki..html> (дата обращения 26.02.2015).
6. Матвеева, Д.Г. Психолингвистические основы обучения иностранным языкам в условиях двуязычия // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Профессиональное образование, теория и методика обучения. — 2012. — № 6. — с. 107–112.
7. Овсянников, А.О. Методические, психолингвистические и лингвокультурологические аспекты оптимизации интенсивного обучения второму иностранному языку в свете сравнительно-сопоставительного подхода. // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2009. — № 83. — с. 159–170.
8. Старкова, Д.А., Польшина Т.В. Психолингвистические особенности обучения взрослых иностранному языку // Педагогическое образование в России. — 2012. — № 1.
9. Стребуль, Л.О., Кассина Т.А. Инновационные подходы в развитии коммуникативной компетенции студентов-иностранцев // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. — 2013. — Серия «Филология. Социальные коммуникации» Том 26 (65). № 1. — с. 580–585

Some challenges of translation of proper names from Russian into English (through the example of geographical names)

Сысоева Наталья Владимировна, студент;

Куимова Марина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Sysoeva Natalya Vladimirovna, student

Kuimova Marina Valeryevna, PhD in Methods of TFL
National research Tomsk polytechnic university

Translation of proper nouns is one of the problems that a translator faces. It is certainly not a simple task as it can be problematic, rather ambiguous and occurs within a given cultural context.

A proper name is “a name for an individual person, place, or organization having an initial capital letter [4]. Proper names have no plural forms, are used without articles and do not accept restrictive modifiers [1]. Translators working with proper names are never working with just two languages, as proper names often require knowledge of other languages, in so far as they contain a considerable amount of history [2].

Generally speaking, proper names include several categories. There are names of:

- persons;
- companies;
- geographical places and political subdivisions;
- zodiac signs, etc.

Geographical names often have specific forms in other languages (exonyms), which may differ in pronunciation, spelling and morphology [3]. There is no unified scheme to translate proper names; however, there are several ways to translate names from Russian into English: transliteration, transcription and calquing.

Transliteration implies the use of transliteration tables with the Russian alphabet. Although there is a certain GOST to translate proper names, but it is not alone. There are several problems with translation of certain groups:

- hissing sounds (zh, kh, ts, ch, sh, shch);
- some vowels (e, ju, ja);
- letters of “j”, — y, hard and soft signs.

When we translate the Dnieper River, we use transliteration. There are many variants such as:

- Dnepr;
- Dnpr;
- Dniopro;
- Dniepr;
- Dniapro or Dnyapro.

It happens because the river runs through three countries: Russia, Belarus and Ukraine, where Dnieper has a different

spelling. Another example is “Крым”. It should be translated as “the Crimea” and not as “Kрым”. Using transliteration, “Кольский полуостров” may be transliterated as “Kol’skij poluostrov”; however, it is traditionally translated as “the Kola Peninsula”. “Комсомольск-на-Амуре” should be transliterated as “Komsomol’sk-na-Amure”; however, it is used as “Komsomolsk-on-Amur”.

Transcription uses the sound of a word. Moreover, phonetic transcription is different from the simple writing of words and transfers the spelling rules of the source to the target language. There might be some difficulties as the same word could be pronounced differently in English. As a rule, transcription keeps the approximate historical sound in proper names.

The emphasis is often shifted in transcription. For example, Washington in Russian language has the accent on the last syllable, and Florida on the second syllable. However, in English both these place names have the accent on the first syllable.

Calquing implies translation in parts: translation of morphemes if it is a word, or translation of words if it is a word combination. For example, historically the translation of Russian suffixes “-чик”, “-щик”, “-ель” correlate with English suffixes “-ist”, “-er”, “-or”; Russian prefixes “не-”, “без-” correlate with “un-”, “non-”, “in-”, “im-”. The use of calquing is very common in borrowed words.

Calquing is often used in the translation of geographical names:

- the Black Sea;
- the Rocky Mountains;
- Ladoga Lake;
- the Pacific Ocean;
- Saint Helena Island, etc.

On the whole, translation of proper names is complicated owing to different patterns of naming that exist in different cultures, subtle allusions hidden in proper names and language structure. Thus, when the translation of a geographical name is not available, the translator should keep the place’s name in its original language to make it recognizable.

References:

1. Aguilera E. C. The translation of proper names in children’s literature. <http://ler.letras.up.pt/uploads/ficheiros/4666.pdf> (accessed April 23, 2015).

2. Castañeda-Hernández G. Navigating through treacherous waters: the translation of geographical names // Translation journal. 2004. Vol. 8, No. 2.
3. Nord Ch. Proper names in translations for children. Alice in Wonderland as a case in point. <http://www.erudit.org/revue/meta/2003/v48/n1-2/006966ar.html> (accessed April 23, 2015).
4. Pearsall J. Concise Oxford English dictionary. Oxford: Oxford University Press 2002. 1728 p.

Прагматический потенциал модальных высказываний необходимости

Терре Дина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

В прагматическом плане высказывания с предикатами необходимости реализуют директивную, комиссивную и экспрессивную иллокутивные функции. Директивная иллокутивная цель реализуется в актах приказа, совета, запрещения, побуждения, инструкции, требования, пожелания, приглашения.

Высказывания с предикатами должен, must, ought to, should в настоящем времени с субъектом «Я» способны к перформативному употреблению с промиссивной иллокутивной силой.

Ключевые слова: высказывания с предикатами необходимости, прагматический потенциал, перформативное употребление, иллокутивная функция

На современном этапе развития лингвистики ученые признают, что рассмотрение языковых выражений ставит перед необходимостью изучения их взаимоотношения с контекстом и ситуацией, учета психологических и социальных процессов, характеризующих деятельность общения.

При рассмотрении вопроса о смысле текста или предложения лингвистическая прагматика не столько акцентирует внимание на смысле как некотором автономном продукте коммуникации, сколько подчеркивает деятельность коммуникантов в форме их взаимодействия в конкретных экстралингвистических и лингвистических условиях [1; 2].

Изучение высказываний в аспекте коммуникативного назначения и использования привело к формированию понятия речевого акта как акта целенаправленной деятельности, выявление системных свойств которого входит в компетенцию прагматики [3; 4; 5; 2; 6].

Речевой акт рассматривается как квант речи, соединяющий единичное намерение (иллокуцию), завершённый минимальный отрезок речи и достигаемый результат [7, с. 286]. Как отмечает В. З. Демьянков, во многих концепциях и приложениях теории речевых актов уровень речевого акта рассматривается как промежуточный между уровнем внеречевых целей и чисто языковой обработкой высказывания [8, с. 230]. По словам В. В. Богданова, в речевом акте происходит реализация языковой способности человека в форме означивания его коммуникативного намерения и содержания его мыслей [9, с. 15].

Иллокутивный акт — важнейшее звено в структуре речевого акта, поэтому речевые акты нередко отождествляются с иллокутивными и классифицируются по иллокутивным признакам [9; 10]. В настоящее время в лингвистической литературе описано большое количе-

ство классификаций речевых или иллокутивных актов. В целом, можно говорить о том, что в классификациях выделяется пять основных иллокутивных целей, которым могут присваиваться различные наименования: асертивная, комиссивная, директивная, декларативная и экспрессивная [11; 12].

В данной работе мы опираемся на классификацию речевых актов, предложенную В. В. Богдановым (Рис.). Данная классификация строится по дихотомическому принципу на основе привативной оппозиции. На каждом уровне деления определяется содержательный признак. В результате классифицируемому явлению, помимо признака, выделенного на данном уровне можно приписать все признаки, выделенные на верхних уровнях дихотомического деления. Анализируемое явление при таком описании получает четкое и однозначное определение, что позволит наиболее полно отразить иллокутивный потенциал предложений со значением необходимости. При этом предусматривается возможность дальнейшего деления установленных классов на подклассы до желательного уровня дробности [9, с. 51–52].

Приведенная классификация предлагает обобщенную картину реализации наиболее типичных коммуникативных интенций. Речевых способов выражения интенций в контексте такое множество, что оно, скорее всего, не поддается исчислению.

Однако существуют типизированные способы выражения коммуникативных интенций, которые дают возможность носителям языка распознавать интенциональный смысл в изолированном высказывании вне контекста.

Коммуникативные значения языкового и речевого уровня могут находиться в своеобразном противоречии, которое приводит к возникновению явления коммуни-

кативной транспозиции. Способность одного структурно-семантического типа предложения (или одного предложения-высказывания) использоваться для выражения различных коммуникативных значений называется прагматической многозначностью [13, с. 26]. Прагматическая полифункциональность высказываний является универсальным свойством языка.

Повествовательные по форме предложения со значением необходимости, для которых повеление не является основной функцией, могут использоваться для выражения побуждения. «Побуждение — это директивный речевой акт, совершая который говорящий намерен получить определенный результат, заставив слушающего опознать свое намерение» [4, с. 160].

В высказываниях, имеющих директивную цель, говорящий пытается побудить слушателя реализовать линию действий, репрезентированную пропозициональным со-

держанием. Высказывания со значением необходимости употребляются в речевых актах, каузирующих субъекта выбрать *P*, — речевых актах побуждения [14; 15; 16; 17].

Как отмечается в [4; 17], интерпретация этих предложений как императивных детерминирована конкретной коммуникативной ситуацией, в том числе ролями и статусами участников коммуникативного акта и осуществляется за счет социально значимых конвенций. Высказывания, реализующие коммуникативное значение, не выраженное эксплицитно, получили название косвенных.

Дж. Серль считает, что естественным контекстом употребления предложений с модальными лексемами, в котором имеет место косвенное побуждение, является отнесенность к настоящему времени модального показателя и совпадение субъекта необходимой ситуации *P* с адресатом.

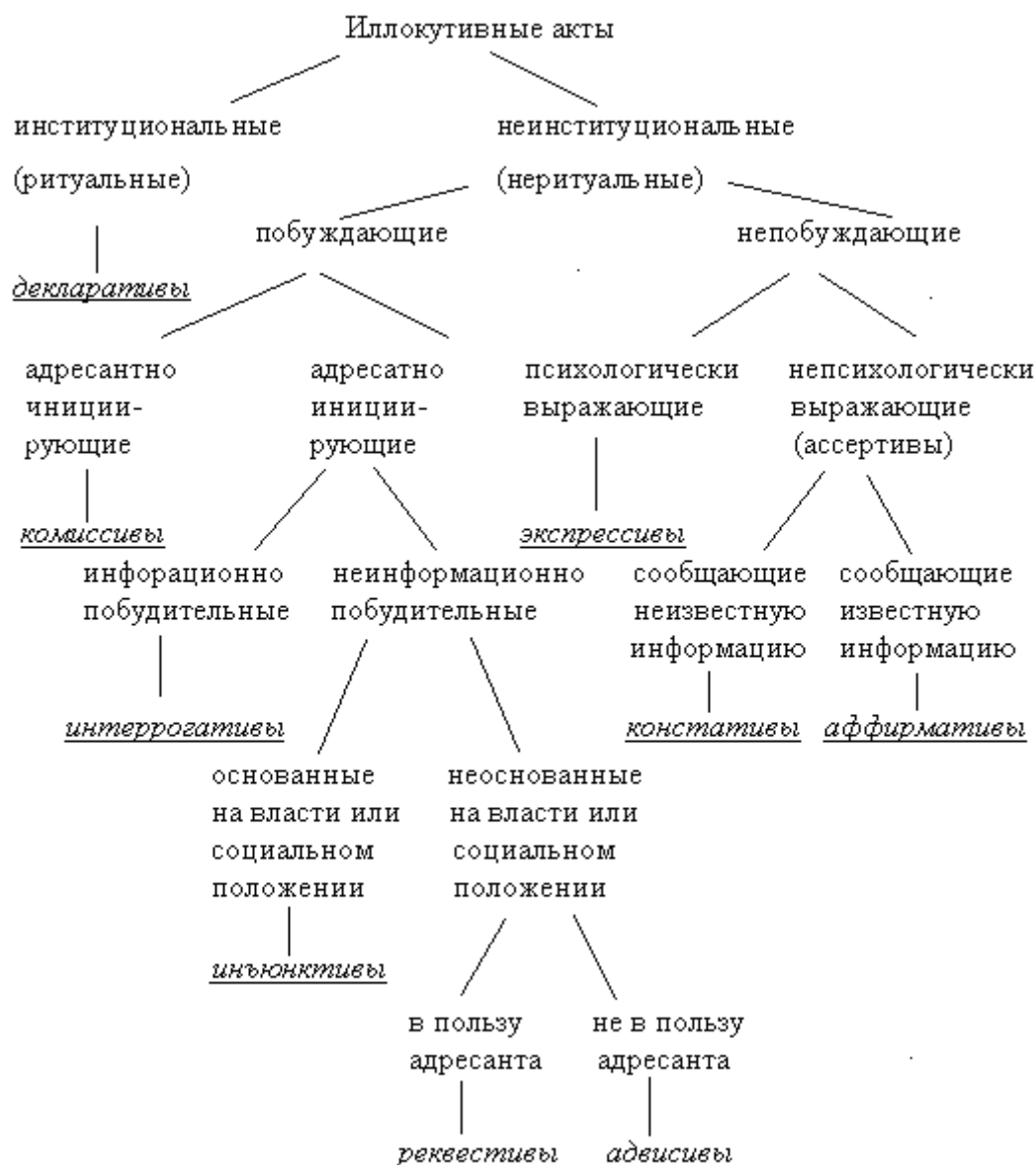

Рис. Классификация речевых актов, предложенная В. В. Богдановым

You *should* be learning your lessons, Jack, and not talking with Marry.

Представляя собеседника в качестве исполнителя необходимого действия, говорящий побуждает адресата к его выполнению.

Высказывания с иллокутивной функцией побуждения рассматривались многими лингвистами [9; 18; 19; 20; 21; 22; 23].

Опираясь на классификацию побуждающих иллокутивных актов, представленную в работе В. В. Богданова, можно говорить о том, что модальные лексемы со значением необходимости употребляются в адресантно-иницилирующих, информационно-побудительных и неинформационно-побудительных речевых актах.

В адресантно-иницилирующих речевых актах субъектом каузируемого *P* выступает говорящий. Говорящий, произнося соответствующее высказывание, берет на себя определенные обязательства:

The boy had brought them [black beans, rice, fried bananas] in a two-decker metal container from The Terrace. The two sets of knives and forks and spoons were in his pocket with a paper napkin wrapped around each set.

Old man: Who gave this to you?

The boy: Martin, the owner

*Old man: I **must** thank him.*

(E. Hemingway. The Old Man and the Sea.)

Адресантно-иницилирующие речевые акты соответствуют комиссивам по классификации Серля-Вендерверена.

Неинформационно-побудительные акты (собственно директивы в других классификациях) побуждают адресата к различного рода действиям, поступкам.

Неинформационно-побудительные речевые акты можно далее в зависимости от того, осуществляются ли они на основании власти или социального положения или осуществляются без использования различий в социальном статусе, разделить на два класса. Первый класс будет соответствовать инъюнктивам, а второй по признаку того, в чью пользу совершается соответствующий речевой акт — в пользу адресанта или не адресанта (адресата) можно разделить на реквестивы и адвисивы. В пределах указанных классов можно провести дальнейшую дифференциацию речевых актов в зависимости от специфики прагматических пресуппозиций.

В рамках класса инъюнктивов модальные предикаты со значением необходимости могут использоваться в речевых актах *приказа, требования, запрещения*. Реквестивы реализуются в *просьбах, побуждениях*. Адвисивы подразделяются на *советы, рекомендации, предложения, приглашения* и т. д.

Осуществляя акт *приказа*, говорящий навязывает адресату такой тип отношений, который регулируется фундаментальной социальной нормой, пронизывающей любое организованное сообщество людей — иерархическое соположение управляющего — управляемого, то есть отношения власти. В ситуации приказа адресат

зависит от воли говорящего. Позиция адресата характеризуется отсутствием права принятия решения о собственных поступках, что выражается обязательностью исполнения адресатом действия. Невыполнение действия наказуемо, влечет санкции. Последнее обстоятельство соответствует уверенности говорящего в исполнении приказываемого действия и освобождает последнего от речевых стратегий убеждения, мотивировки и аргументации побуждения [24, с. 32].

"You *must* leave the room at once!" — said the teacher angrily;

Отношения наниматель — исполнитель позволяют диктовать условия и требовать их исполнения:

Тебе, Влад, уже объяснили, в чем суть. Музыки ровно на тридцать минут, действие *нужно* уложить в эти рамки. Обращайте внимание на крупные планы (А. Маринина. Игра на чужом поле).

С приказом схоже *требование*, разница заключается, по мнению Е. И. Беляевой [1987], в том, что требование пресуппонирует нежелание адресата выполнить каузируемое действие:

Васенька: Я уезжаю.

Нина: Слушай, Васька ... Гад ты, и больше никто. Взяла бы тебя и убила.

Васенька: Я тебя не трогаю и ты меня не трожь.

*Нина: На меня тебе наплевать — ладно. Но об отце-то ты **должен** подумать.*

Васенька: Ты о нем не думаешь, почему я о нем должен думать? (А. Вампилов. Старший сын).

Запрещение — превентивный речевой акт, базирующийся на пресуппозиции наличия у адресата желания совершить некоторое действие, которое является нежелательным для говорящего [23].

You *must not* speak to a prisoner in a foreign language.

Говорящий — тюремщик думает, что плохо, что посетитель говорит на иностранном языке. Он этого не хочет, так как это противоречит существующим в тюрьме правилам, и посредством своего высказывания делает так, чтобы посетитель не нарушал правило.

Эффективность речевого акта запрещения проистекает из некоего превосходства говорящего. В этой ситуации запрещения подобна ситуации приказа. Однако если в случае приказа отношения между коммуникантами — субординативные, а сфера употребления — официальная, то в случае запрещения отношения между говорящим и адресатом могут быть не столь формальными:

[Врач Насте]: *Вам сумки поднимать нельзя* (А. Маринина. Игра на чужом поле).

Побуждение означает, что каузируемое действие рационально, целесообразно в данной ситуации, что составляет мотивацию действия говорящего, заставляя его предпринимать попытку каузировать действие адресата. Ожидаемым эффектом побуждения должно явиться действие вне непосредственных рамок диалога [18]:

Before the war Larry was just like everybody else. He used to do all the things the rest of us did. He was a perfectly normal

boy and there was no reason to suppose he wouldn't become a perfectly normal man. After all you are a novelist, you *ought to* be able to explain it (S. Maugham. The Razor's Edge).

Элизабет [невеста Лэрри], зная из собственного опыта, что писатели постоянно имеют дело со странностями людского характера, считает целесообразным, обратиться за разъяснениями странного поведения своего жениха к одному из представителей данной профессии.

Высказывания с субъектом действия «мы», как правило, выражает предложение дальнейшего хода действия. Говорящий ждет на него реакции со стороны собеседника (согласия или отказа).

"My car is waiting and my man will see to the luggage," said Elliott with dignity.

"That's fine, then after all we've got to do is to go. If there's room for me I'll come as far as your door with you" (S. Maugham. The Razor's Edge)

Как отмечает, Е. Ю. Замятина [25, с. 115], в контексте эксплицитного (1 лицо множественного числа) или имплицитного «мы» как субъекта ситуации с модальным показателем в настоящем времени предложения деонтической и утилитарной необходимости могут пониматься как *призыв*:

Sheila: I don't want to get poor Eric into trouble. He's probably in enough trouble already. But we really *must* stop these silly pretences. This isn't the time to pretend that Eric isn't used to drink. He's been steadily drinking too much for the last two years. (J. Priestly. An Inspector Calls)

Высказывания-*просьбы*, по мнению А. А. Романова, занимают промежуточное место между приказами, требованиями, распоряжениями, указаниями, с одной стороны, и советами, рекомендациями, приглашениями, с другой. Приказы, распоряжения, указания отличаются от просьб более высоким иерархическим положением говорящего. Советы, рекомендации, приглашения отличаются от просьб направленностью ожидаемого действия [26].

Направляясь в столовую Таня отстала от других и остановила Будиновского.

— Борис Андреевич, мне *нужно* с вами поговорить.

- *Пожалуйста! В чем дело?* (В. Вересаев. На повороте)

Наталья Борисовна желает, чтобы ее дочь (Елена) задумалась о будущем, и просит Гену (отца) воздействовать на Елену. Отец, по мнению Натальи Борисовны, способен оказать воздействие на дочь:

Наталья Борисовна: Гена, прошу тебя, ты должен на нее [дочь Елена] воздействовать. Пусть она задумается о своем будущем (А. Курчатников. Практически счастливый человек).

Как отмечает Л. М. Фомина, давая *совет*, говорящий на основе своего житейского опыта или знания положения дел в определенной ситуации считает себя вправе каузировать действие адресата [27, с. 124]. При этом данный коммуникативный тип характеризуется следующими особенностями во взаимоотношениях собеседников или предварительными условиями осуществления совета:

1) необходимое действие должно осуществиться в интересах адресата побуждения;

2) адресат побуждения имеет право отклонить совет, не выполнить его.

*"An Indian had joined us at Alexandria for the passage to Bombay and tourists were rather sniffy about him. I was having a breath of air on deck one night and he came and spoke to me. Anyhow I told him I was a student working my passage back to America." "You *should* stop off in India," he said. "The East has more to teach the West than the West conceives."*

(S. Maugham. The Razor's Edge).

Говорящий рассматривает рекомендуемое действие как полезное для Лэри, как выходца с запада, отношения между участниками ситуации таковы (люди незнакомы друг с другом), что Лэри имеет право не выполнить его совет.

Ты с мечом-то — боевой,

Токо вот чаво усвой,

Побеждать Федота *надо*

Не мечом, а головой (Л. Филатов. Про Федота-стрельца);

Госпожа Тэффи! Господин Аверченко! — громко кричит господин Гуськин. — Вы *должны* непременно немножко пройтись. Ей-богу, к вечеру нужно иметь свежую голову для звука голоса. (Тэффи. Гастроли)

Говорящий не подчеркивает своей заинтересованности в совершении действия, «приглушает» звучание своего «я». У этих высказываний отсутствует коннотация призыва.

Ф. Арцц [22] пишет, что, высказывая *пожелание*, говорящий утверждает, что совершение действия весьма желательно, потому что таково его собственное мнение и эмоции, но при этом он допускает, что исполнитель может не разделять его точки зрения и действие останется не совершенным. Если *совет* основывается на опыте говорящего, то *пожелание* — скорее, на его чувствах.

When Lucia was sixteen, Angelo Carmine decided that it was time for his daughter to see something of the world. With an elderly Aunt Rosa as a chaperone, Lucia spent her school holidays in Capri and Ischia, Venice and Rome, and a dozen other places. — You *must* be cultured — not a peasant like your Papa. Travel will round your education, — said Angelo

Марат: Ты снова *должна* верить в него, Лика (примеры из [25])

Кроме совета, выделяются побудительные высказывания с оттенком рекомендации, инструкции, предостережения.

Высказывания-*рекомендации* характеризуются компетентностью лица, ее дающего. Как правило, в этом случае, волеизъявитель имеет социальный статус более высокий, чем волеисполнитель [24, с. 77].

Помилуйте, Арчибальд Арчибальдович, — багровея, говорил швейцар, — что же я могу поделать? Я сам понимаю, на веранде дамы сидят. — Дама здесь ни при чем, дамам это все равно, — отвечал пират, буквально сжигая

швейцара глазами, — а это милиции не все равно! Человек в белье может следовать по улицам Москвы только в одном случае, если он идет в сопровождении милиции, и только в одно место — в отделение милиции! А ты, если швейцар, должен знать, что, увидев такого человека, ты **должен**, не медля ни секунды, начинать свистеть. (М. Булгаков. Мастер и Маргарита);

Чтобы познать предмет мысли всесторонне, **нужно** вскрыть все его признаки, образуя ряд суждений, в которых субъект будет один и тот же, а предикаты разные (Р. Карнап. Значение и необходимость).

Как отмечает Н. Б. Шершнева [21], при получении *инструкции* подразумевается, что приоритетность прескриптора основана на наличии у него знаний в определенной области. Инструкция базируется на прагматической пресуппозиции о том, что адресат заинтересован в получении этих знаний. Ее цель — снабдить адресата указаниями о ходе выполнения действий, способных привести к желаемому для него результату. Источником побуждения чаще всего является неопределенное лицо, исполнителем — неопределенный адресат. Ответственный за принятие решения — адресат, который совершает действия, указанные в инструкции, когда в этом возникает необходимость. Состояние коммуникантов и отношение между ними в данном случае несущественны:

Close supervision is **necessary** when the kettle is used by or near the children (General Safety Instructions);

Данный пылесос снабжен сетевым шнуром, который, в случае его повреждения, **должен** заменяться в ремонтной мастерской, уполномоченной фирмой-изготовителем, так как для замены требуются специальные инструменты (Инструкция по эксплуатации пылесоса);

Before switching the heater on again, you **should** make sure that it and the power code are in good condition (Heater Manual Instruction);

Высказывания со значением *предостережения* опираются на пресуппозицию дискомфорта положения вещей для волеисполнителя в случае его отказа от совершения указанного действия:

Истолковывать скрещенные ноги **нужно** очень осторожно, особенно если такую позу принимает женщина, поскольку многих из них еще в детстве учили сидеть как "настоящая леди" (А. Пиз. Язык жестов);

[Инспектор расследует обстоятельства самоубийства молодой женщины. Несмотря на то, что инспектор попросил сына хозяев дома [Эрика] остаться, он ушел из дома].

Mrs. Birling: *Silly boy. Where can he have gone?*

Mr. Birling: *I can't imagine. He was in one of his excitable queer moods, and even though we don't need him here —*

Inspector: (cutting in, sharply) We do need him here. And if he's not back soon, I shall **have to** go and find him. (J. Priestly. An Inspector Calls)

Л. Л. Федорова в качестве разновидности советов указывает *убеждение* [Федорова 1991: 47]. Убеждение представляет собой аргументированный настоятельный совет.

Birling: (noticing that his wife has not taken any port) Now then, Sybil, you **must** take a little tonight. Special occasion, y'know.

Sheila: Yes go on, Mummy. You **must** drink our health. (J. Priestly. An Inspector Calls).

Мистер Берлинг и Шейла, рассматривают необходимое действие как полезное для миссис Берлинг. Приводя различные причины, они пытаются убедить ее выпить портвейна.

В следующем отрывке профессор Челленджер, аргументируя свою точку зрения, убеждает коллегу не принимать близко к сердцу неудачу. [Экспедиция обнаружила останки неизвестного науке животного. Профессор обращается к одному из членов экспедиции, которому не удастся опознать вымершее животное]: You **needn't** be ashamed to expose your ignorance, for I don't suppose anyone could give a name to it (A. K. Doyle. The Lost World).

Наставление представляет собой речевой акт, посредством которого говорящий, считая некоторое действие или поведение необходимым и целесообразным для слушающего по соображениям этического порядка, хочет направить слушающего к совершению этого поступка. При этом говорящий хочет, чтобы впредь слушающий в аналогичных ситуациях совершал это действие [20, 29]:

[Мать ребенку]: К незнакомым людям **надо** обращаться на «Вы».

[Мистер Берлинг, обращаясь к сыну и зятю]: I've learnt in a hard school of experience that a man **has** to mind his own business and look after himself and his own family (J. B. Priestly. An Inspector Calls).

Частным случаем наставления является *увещание*, цель которого направить слушающего к неисполнению некоторого действия через указание на несоответствие действий слушающего принятым морально-этическим нормам или их нецелесообразность.

[Семья Берлингов празднует помолвку дочери. Мистер Берлинг то и дело начинает говорить о делах.]

(Mrs Birling to her husband): Now, Arthur, I don't think you **ought** to talk business on an occasion like this [their daughter's engagement] (J. Priestly. An Inspector Calls).

Ссылаясь на нецелесообразность поведения мужа в сложившейся ситуации, миссис Берлинг побуждает его отказаться от разговора о делах.

Приглашение представляет собой прямой вид побуждения к действию, желательному для говорящего и приятному или полезному для адресата. Формы приглашения зависят от регистра коммуникации и отношений между коммуникантами:

Birling: Giving us the port, Edna? That's right. (He pushes it towards Eric). You **ought** to like this port, Gerald. As a matter of fact Finchley told me it's exactly the same port your father gets from him (J. Priestly. An Inspector Calls).

[Гэрри Слосс слышал, что Нед (его сослуживец) получил за работу 32 тысячи] Harry: That's nice. You **ought to** be set for a game tonight.

Ned: *Later, maybe* (D. Hammett. The Glass Key)

В классификации Д. Вандервекена *упрек* включен в группу речевых актов наряду с обвинением, критикой, выговором и другими, имеющими ассертивную иллокутивную цель. Так, упрек определяется как речевой акт, в котором утверждается что, кто-то несет ответственность за что-то, состояние дел определяется как «плохое» (подготовительные условия). По мнению, Т.А. Давыдовой, в упреке утверждение об ответственности является не ассерцией, а косвенным напоминанием.

Упрек — речевой акт, в котором говорящий выражает свое отрицательное эмоционально-оценочное отношение к совершенному /несовершенному действию, испытывая доброжелательные чувства к слушающему, намереваясь оказать эмоциональное воздействие на него [30. С. 37]:

“It’s not decent,” said Elliott “They can’t run around together as if they were still engaged. Larry really *should* have more sense of propriety”(S. Maugham. The Razor’s Edge);

И вот в эту-то комбинацию стоит поставить разгильдяя, опоздавшего на четверть часа, — и все пропало. Все расчеты как помелом сметет. Взвоют пунктуальные люди: — Эх, дал я маху! *Нужно* было загодя приехать. Лучше подождать, чем опоздать (Н. Тэффи. Часы).

Упрек можно представить в виде схемы описания последовательности ментальных действий:

С сделал Р;

Г считает, что Р, которое сделал С, — плохое Р;

Г испытывает недовольство, разочарование;

Г полагает, что С не должен был делать Р;

Г говорит так, чтобы С понял, что Р, которое он сделал, огорчает Г;

Г хочет, чтобы С испытал чувство вины.

You *should* have called on your friend long ago (пример из [31]).

Адресат давно не звонил другу, говорящий считает, что это плохо. При этом говорящий полагает, что адресат не должен был этого делать и потому говорит так, чтобы адресат понял, что то, что он давно не звонил другу, огорчает его. Говорящий хочет, чтобы адресат испытал чувство вины.

В таком случае иллокутивную цель упрека можно обозначить как выражение отрицательного эмоционального отношения говорящего, а стремление каузировать чувство вины — как перлокутивную цель. При этом наличие негативной оценки и выражение эмоционального отношения позволяет считать речевой акт упрека речевым актом оценки. В этой связи, представляется важным замечание Е. М. Вольф о том, что все виды высказываний, которые интерпретируются как оценочные (одобрение / неодобрение) или включают оценочный компонент в свою интерпретацию можно отнести к экспрессивам [32, с. 166].

Доминирующей интенцией речевого акта упрека является выражение психологического состояния неодобрения, что может служить основанием для определения данного типа речевого акта как непобуждающего пси-

хологически выражающего — то есть экспрессивного в классификации В. В. Богданова.

Отмечая многозначность термина «экспрессивный» в лингвистике, Р. В. Шиленко предлагает выделить речевые акты приветствия, угрозы, упрека, похвалы в класс речевых актов, которые он называет «акты регулирующие межличностные отношения». Причины существования таких речевых актов лежат в характере отношений партнеров по коммуникации. Они заставляют коммуникантов использовать средства для приведения данных отношений в состояние, которое отвечало бы их интересам, что находит выражение в характеристике речевого акта упрека как «собственно регулятива» (сатисфактива) [33]. Произнося данное высказывание и эксплицируя этим свое отношение, говорящий осуществляет акт регуляции межличностных отношений в соответствие со своими желаниями

В семантическом плане речь представляет собой знаковый аналог действительности и деятельности человека. С одной стороны, она протекает как бы параллельно миру и является отражением и выражением вещей, действий, событий. Но, с другой стороны, всякая речь представляет собой часть действительного мира, всякий раз она совершается с определенной целью — сообщить, спросить, побудить к действию, повлиять на состояние, поведение, оценки и отношения собеседника. Тем самым речь всякий раз является также поступком, практическим действием, вплетенным в совокупные системы действий и отношений людей.

Речь как действие наиболее очевидно проявляет себя на примере перформативных высказываний.

Термин «перформативность», введенный Дж. Л. Остиным, использовался им для обозначения поведенческой стороны речи, т.е. действий, которые осуществляются посредством высказываний. Идея совпадения слова и действия присутствует во всех определениях перформативности [4; 11; 34; 35; 36; 37; 38; 39].

Перформативность рассматривается как специфическое свойство некоторых глаголов, формирующих эксплицитные перформативные высказывания. При этом считается, что данные глаголы эксплицитно выражают цель речевого акта. Понятие перформативности, по сути, сближается с понятием иллокутивной силы — коммуникативной направленности высказывания. Однако, учитывая, что всякое высказывание имеет коммуникативную цель, но для ее обозначения не всегда используется перформативный глагол, лингвисты говорят о существовании имплицитных перформативных высказываний. Данное обстоятельство позволяет им сделать вывод о необязательности поверхностного представления перформативного глагола для того, чтобы высказывание было перформативным. Тем не менее, даже те исследователи перформативных актов, которые допускают возможность их реализации независимо от участия в них перформативного глагола, оговаривают необходимость соблюдения тех семантико-грамматических характеристик, по которым узнают перформативный акт. Таким образом, перфор-

мативность связывается со способностью обеспечивать предложению перформативное употребление [3; 11; 40].

Модальные предикаты со значением необходимости обычно не рассматриваются исследователями в качестве перформативов [35; 41; 42]. Не находим их и в числе канонических перформативов, приводимых Ю.Д. Апресяном, предложившим более детализированную, в отличие от Э. Бенвениста, Дж. Остина, Дж. Серля, З. Вендлера, а потому расширенную классификацию речевых актов [34, с. 208–223]. Однако, исходя из тезиса о приоритете перформативной формулы перед перформативным глаголом, можно говорить о том, что значение перформативности глагола определяется его употреблением, перформативным контекстом [34; 36]. Глагол называется перформативным, если он допускает перформативное употребление. Перформативный глагол в перформативном употреблении называется перформативом [3, с. 37].

Обычно перформативное употребление допускают только такие предложения, в которых перформативный глагол стоит в 1-м лице настоящего времени изъявительного наклонения.

Дж. Остин и З. Вендлер, демонстрируя семантическое единство класса перформативов, рассматривают в качестве одного из критериев перформативности глагола его способность соединяться с пропозицией, реализуя один из вариантов перформативной формулы:

Я *x*, что *P*;

Я *x* + *P*.;

Я *x*,

где *x* есть перформативный глагол,

P — пропозиция [11, с. 54].

Модальные глаголы *должен*, *must*, *should*, *ought to* допускают употребление в первом лице единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения. *I ought to look after him*; *Я должен работать*. При этом они соединяются с пропозицией в предложении; последняя занимает в нем подчиненное в грамматическом отношении положение.

Как отмечают ученые, в перформативном высказывании именно 1-е лицо сообщает ему перформативную функцию [43; 44]. Как пишет Э. Бенвенист, местоимение *Я* не соотносится ни с индивидом, ни с понятием. *Я* имеет только текущую референциальную соотнесенность. Реальность, к которой оно отсылает, есть реальность речи. Именно в том акте речи, где *Я* обозначает говорящего, последний и выражает себя в качестве «субъекта» [43, с. 295–296].

Ю.С. Степанов связывает специфику *Я*-предложений с той особенностью субъекта, что он не выполняет функцию референции к внешнему миру. *Я* — это высшая степень индивидуализации — выделения называемого лица из некоторого множества. Отсутствие в *Я*-субъекте функции внешней референции определяет особенности предиката. В наиболее типичном предложении с *Я* утверждаемое относится не к внешнему миру, а к внутреннему состоянию *Я* [45, с. 166]. В предложении

Я должен позаботиться о ней выражается состояние субъекта, при этом никто не скажет по поводу данного высказывания «Это верно» или «Это ложь», так как судить о своем состоянии может лишь сам субъект. К нему не применим критерий логической истинности. Таким образом, можно говорить о том, что высказывания с модальными лексемами со значением необходимости в контексте *Я*-субъекта демонстрируют свойство прагматической самоверифицируемости или автореферентности. Предложение тривиальным образом истинно в каждом высказывании в силу самого осуществления акта высказывания.

Перформативное употребление предложения составляет аналог автонимному употреблению знака [9; 43; 44]. Перформативный глагол называет само действие.

Показывая зависимость семантики модальных глаголов от контекста употребления, Ю.С. Степанов подчеркивает тот факт, что в контексте 1-го лица модальные глаголы называют то, что выражают, то есть значение модального глагола предстает в наиболее чистом виде [45, с. 166]. В предложениях *Я должен вернуть ему книгу*. *I must follow him* выражается деонтическое долженствование, осуществляется некоторое обязательство субъекта. При употреблении в контексте иного лица (т.е. кроме лица говорящего): *Он должен вернуть ему книгу* предложение в целом выражает нечто совсем иное: не долженствование, а сообщение о ситуации, в которой *X* должен *P*.

Ряд лингвистов выделяет в качестве свойства всякого перформативного высказывания его конвенциональность [4]. Понятие конвенциональности связывается с понятием правила, некоторого условия, определяющего успешность речевого действия. Перформативные предложения требуют определенных условий реализации. В этом случае адресант и адресат должны удовлетворять некоторым условиям, равно как соответствующей должна быть и ситуация. Так, Э. Бенвенист говорит о том, что конвенциональность высказывания *Я объявляю всеобщую мобилизацию* заключается в том, что оно является актом лишь при наличии у говорящего необходимой власти. В.В. Богданов в данном случае оперирует понятием компетентности или наличия условия правомочности у говорящего [9]. П.Ф. Стросон связывает конвенциональность с влиянием неязыковых социальных конвенций, формульностью речевого действия. Для совершения акта назначения на должность, вынесения приговора, капитуляции достаточно действовать в строгом соответствии с установленной процедурой, и результат, на который нацелено данное действие, будет достигнут: *Торжественно клянусь служить верой и правдой; Официально Вас предупреждаю* и т.д. Н.Д. Арутюнова отмечает, что перформативы опираются на социальные конвенции или установления, то есть на систему норм, поэтому перформатив имеет нормативные для данного социума последствия [46, с. 372].

В высказываниях со значением долженствования в узком смысле при употреблении первого лица в силу

наличествующей кореферентности субъектов долженствования и действия предполагается, что лицо производящее данное высказывание имеет определенное намерение — сдержать свое слово. Именно в момент речи происходит соединение субъекта с его состоянием, говорящий берет на себя определенные обязательства по осуществлению диктумного действия, производя тем самым, промиссивный речевой акт: *Я должен поехать туда* = *Я обязуюсь поехать туда*. Обязательство вытекает из принятия субъектом существующих в обществе норм различного вида в качестве личностно значимых и рассматриваемых им как правила определяющие разумное поведение. Речевое действие в данной ситуации воспринимается, скорее, не в информативном, а в этическом и ценностном ключе, оно оценивается с позиций соответствия правилам этикета, существующим в данном обществе [40, с. 24].

Фактор субъекта является решающим также при рассмотрении главного свойства перформативных высказываний, получившего название «эквивалентность» [9]. Понятие «действие» является наиболее существенным для определения сущности перформативного высказывания.

Время речевого акта определяется особенностями лица говорящего субъекта *Я* и в силу этого обстоятельства совпадает с моментом речи. В момент речи время не движется, поэтому время речевого акта обязательства приобретает моментальное значение, выделяемое на фоне всех других значений настоящего времени. Будучи противопоставленным актуально-длительному значению настоящего, этот вид времени, характерный для перформативного глагола, получает определение как настоящее речевое [3; 47].

Подтверждением тому, что модальные глаголы со значением необходимости в перформативном употреблении имеют значение статического, моментального действия и не имеют актуально-длительного значения может служить тот факт, что они не употребляются с обстоятель-

ствами длительности, градуальности и союзами со значением одновременности, точности и инклюзивными обстоятельствами времени, за исключением тех случаев, когда областью действия обстоятельства становится зависимый инфинитив. Ср. возможность недескриптивного понимания высказываний типа *Я должен немедленно действовать или будет поздно; Сейчас я должна беспокоиться о родителях*, в которых обстоятельство точности *немедленно* и обстоятельство времени *сейчас* связаны по смыслу с диктумным предикатом, и вероятность дескриптивного прочтения в случае, если сферой действия обстоятельства или союзов со значением одновременности не является зависимый инфинитив: *Я целый час должен выказывать вам свое почтение; Я знаю сам, когда я должен извиняться*.

Для высказываний с предикатами необходимости характерно то, что они не употребляются с обстоятельствами, основной функцией которых является характеристика действий. Они не сочетаются с обстоятельствами, обозначающими способ выполнения действия: **Я весело должен помочь другу в беде. *Я тщательно должен убедить его*. Данные лексемы не употребляются с оценочными обстоятельствами: **Я хорошо должен воздать ему по заслугам*. Не способны сочетаться с обстоятельствами цели. Однако употребление данных категорий обстоятельств возможно в перформативных высказываниях в случае, если обстоятельства семантически подчиняются зависимому инфинитиву *Я должен тщательно подготовить его к осмотру; Я должна хорошо вымыть окно; Я должна увидеть его, чтобы успокоится*.

Таким образом, употребляясь в контексте первого лица единственного числа настоящего времени изъявительного наклонения в специальных актах — промиссивах [48; 49] модальные предикаты демонстрируют основные свойства глаголов в перформативном употреблении, на основании чего они могут рассматриваться в качестве перформативов.

Литература:

1. Богданов, В. В. Деятельностный аспект семантики // Прагматика и семантика синтаксических единиц / И. П. Сусов. — Калинин.: КГУ, 1984. — с. 12–23.
2. Kamp, H. Semantics versus pragmatics // Philosophy, language, and artificial intelligence. — Dordrecht etc.: Reidel, 1988. — P. 349–381.
3. Падучева, Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. — М.: Языки рус. культуры, 1996. — 464 с.
4. Серль Дж. Р., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986 — Вып. 18. — с. 242–263.
5. Сусов, И. П. К предмету прагмалингвистики // Содержательные аспекты предложения и текста / И. П. Сусов. — Калинин.: КГУ, 1983. — с. 3–15.
6. Searle, J. R. Mind, language and society: philosophy in the real world. — New-York: Basic books, 1999. — 175 p.
7. Демьянков, В. З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века / Ю. С. Степанов. — М.: Изд-во рос. гум. ун-та, 1995. — с. 239–320.
8. Демьянков, В. З. Теория речевых актов в контексте современной зарубежной лингвистической литературы // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1986. — Вып. 17. Теория речевых актов. — с. 223–234.

9. Богданов, В.В. Речевое общение: прагматические и семантические аспекты. — Л.: ЛГУ, 1990. — 88 с.
10. Searle, J. R. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. — Cambridge, 1969. — 203 p.
11. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. — М.: Прогресс, 1986. — с. 22–131.
12. Searle, J. R., Vardaveken D. Foundations of Illocutionary Logic. — Cambridge. 1985.
13. Почепцов, О.Г. Основы прагматического описания предложения. — Киев.: Вища. шк., 1986. — 116 с.
14. Булыгина, Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (На материале рус. грамматики). — М.: Мастера рус. культуры, 1997. — 574 с.
15. Корди, Е.Е. Модальные и каузативные глаголы в современном французском языке. — Л.: Наука, 1988. — 165 с.
16. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1990. — 262 с.
17. Храковский, В.С. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // Типология императивных конструкций / Под ред. В.С. Храковского. — СПб.: Наука, 1992. — 310 с.
18. Беляева, Е.И. Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке. Дис. ... д-ра филол. наук — М., 1987. — 367 с.
19. Красненкова, Л.И. Семантический аспект модальных глаголов в современном английском языке (на материалах глаголов «must», «may», «might»): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Минск, 1987. — 22 с.
20. Ранних, Н.А. Речевой акт пожелания и способы его выражения в русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1994. — 150 с.
21. Шершнева, Н.Б. Семантика и прагматика деонтической модальности. Функциональная характеристика в системе языка и текста: Дис. ... канд. филол. наук. — Краснодар, 2000. — 187 с.
22. Arts Fl. Imperative sentences in English: semantic and pragmatics // Studia linguistica. — Malmö, 1989. — V. 43. — № 2. — P. 119–134.
23. Morris, H. Imperatives and orders // Theoria. — 1960. — V.26. — № 3. — P. 183–209.
24. Шабанова, Е.В. Семантика и функции языковых средств выражения модальных категорий приказа, совета, просьбы в текстах французской народной сказки. Дис. ... канд. филол. наук — М., 2004. — 150 с.
25. Замятина, Е.Ю. Функционально-семантический аспект высказываний с предикатами долженствования (на материале русского и английского языков). Дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2003. — 142 с.
26. Романов, А.А. Прагматические особенности перформативных высказываний // Прагматика и семантика синтаксических единиц. — Калинин.: КГУ, 1984. — с. 86–93.
27. Фомина, Л.М. Реализация модальности необходимости в тексте (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. — 180 с.
28. Федорова, И.Р. Способы выражения значений ситуативной модальности в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. — Калининград, 1997. — 168 с.
29. Шмелева, А.Е. Виды побуждения в русском языке // Функциональное описание русского языка и методика преподавания его как иностранного. — М., 1989. — с. 21–29.
30. Давыдова, Т.А. Речевой акт упрека в английском языке. Дис. ... канд. филол. наук. — Иркутск, 2003. — 161 с.
31. Мыльцева, Н.А., Жималенкова Т.М. Универсальный справочник по грамматике английского языка. — М.: ГЛОССА, 2003. — 280 с.
32. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985. — 228 с.
33. Романов, А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. — М.: Изд-во Ин-та языкознания АН СССР., 1988. — 181 с.
34. Апресян, Ю.Д. Перформативы в грамматике и словаре // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. — 1986. — Т. 45. — № 3. — с. 208–223.
35. Богданов, В.В. Перформативное предложение и его парадигмы // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. — Калинин: КГУ, 1985. — с. 18–28.
36. Красина, Е.А. Семантика и прагматика русских перформативных высказываний. Дисс. ... д-ра филол. наук. — М.: 1999. — 310 с.
37. Кустова, Г.И., Падучева Е.В. Перформативные глаголы в неперформативных употреблениях // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М.: Наука, 1994. — с. 30–37.
38. Падучева, Е.В. Вид и время перформативного глагола // Логический анализ языка. Язык речевых действий. — М.: Наука, 1994. — с. 37–42.
39. Austin, J. L. How to do Things with Words. — Oxford: Oxford University Press, 1962. — 169 p.
40. Шемякина, А.В. Стратегии персонализации в институциональном дискурсе: На материале английских и русских перформативных высказываний. Дисс. ... канд. филол. наук. — Волгоград, 2004. — 202 с.

41. Иванова, И. П. Теоретическая грамматика современного английского языка. — М.: Высш. школа, — 1981. — 284 с.
42. Чернова, С. В. Модальные глаголы в современном русском языке (семантическая модель «замысел — осуществление замысла»). Дисс. ... д-ра филологических наук. — Киров, 1997. — 284 с.
43. Бенвенист, Э. Общая лингвистика: Пер. с франц. / Ю. С. Степанов. — М.: Просвещение, 1974. — 447 с.
44. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью: (Референциальные аспекты семантики местоимений). — М.: Наука, 1985. — 271 с.
45. Степанов, Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. Семиологическая грамматика. — М.: Наука, 1981. — 360 с.
46. Арутюнова, Н. Д. Перформатив // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. — с. 372–373.
47. Зализняк, А. А. Падучева Е. В. Предикаты пропозициональной установки в модальном контексте // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. — М.: Наука, 1989. — с. 92–116.
48. Степанов, Ю. С. Язык и метод: К современной философии языка. — М.: Языки рус. культуры, 1998. — 784 с.
49. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / Т. В. Булыгина. — М.: Наука, 1992. — 280 с.

Предложения с модальными лексемами со значением необходимости как вид конструкций с предикатными актантами

Терре Дина Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Для описания смысла предложения в современной синтаксической семантике используется реляционный подход, в рамках которого в качестве ключевого выступает понятие «предикат». При реляционном подходе оно не связывается с актом предикации. Оно отражает свойства некоторой вершины, доминантного узла в системе иерархических отношений, образуемой пропозицией [8]. Данная модель позволяет описывать синтаксические объекты, выражающие комплекс пропозиций, обладающие многоступенчатой семантической организацией.

К числу синтаксических объектов со сложной семантической организацией, относятся конструкции с предикатными актантами, обнаруживающиеся во многих языках мира.

Конструкции с предикатными актантами представляют собой конструкции, в которых как минимум один семантический актанта вершинного слова имеет предикатное значение [2, с. 3].

Предикатные актанты определяются как компоненты семантической структуры предложения, занимающие позицию аргумента вышестоящего в иерархии предиката, и являются при этом номинациями отдельного события.

У каждой семантической структуры существует первичная форма ее выражения, а каждая синтаксическая конструкция имеет свою первичную семантическую структуру, для выражения которой она в первую очередь и существует в языке.

Синтаксическим актантами мы считаем такой элемент синтаксической конструкции, который зависит от глагола и заполняет его обязательную валентность [2, с. 5] и при этом соответствует некоторой семантической валентности.

В поверхностном уровне данной структуре соответствует большое разнообразие типов конструкций. Многие синтаксические конструкции, которые в рамках формальной морфолого-синтаксической классификации представляют собой самостоятельные синтаксические единицы, в соответствии с развиваемым представлением выступают как формальные варианты инвариантных конструкций с предикатными актантами (КПА).

По предварительным наблюдениям можно выделить следующие основные способы лексико-грамматического оформления комбинации вершинный предикат (ВП) — предикатный актанта (ПА).

К числу наиболее распространенных способов представления КПА относятся конструкции, в которых каждый предикат передан отдельной лексемой. При этом ПА представлен полнозначной единицей:

– глагольной лексемой (личный глагол, неличные формы глагола, отглагольные имена). Например, Н. А. Козинцева пишет в [9], что в армянском языке ПА оформляется личной глагольной формой желательного наклонения: *Bajc jes der piti spasem, uzum em aspiranturan avartem, heto*. ‘Но я должен подождать, хочу закончить аспирантуру потом’.

В хмёрском языке при модальных и фазовых глаголах в роли ПА выступает инфинитив: *patxajanta ka cha: n' panta Tamneir* [автомобиль — выделительная частица — начинать — продолжать — ход] ‘Автомобиль снова тронулся с места’.

ПА-деепричастие имеют модальные глаголы намерения, подавляющее большинство каузативных ВП и глаголы темпа действия в эскимосском языке. Как отмечает

Н.Б. Вахтин в [3], эскимосские деепричастия представляют собой специфические глагольные формы, называемые также “глаголами зависимого действия”. Основным отличием их от русских деепричастий является наличие у них полной парадигмы спряжения, а также, то обстоятельство, что деепричастия могут иметь свой субъект, отличный от субъекта главного предложения. Петя *схана-гумалу-ку* телевизорын, таги-ма-к илана ‘Петя когда смотрел телевизор, пришел его друг’ (-лу- — показатель деепричастия, — ку — лицо деепричастия, — ма- — прошедшее время, — к — 3 л.ед.ч.).

Глаголы речи и мышления, типа лабла-ха ‘выяснять, уточнять’, мартагда-ха ‘забывать’, тухайл-ха ‘догадываться’, каузативные глаголы, типа гуй-ха ‘просить’, ури-ха ‘приглашать’, захи-ха ‘давать поручение, наказывать’, эмотивные глаголы, типа атаар-ха ‘завидовать’, баярла-ха ‘радоваться’, жэрхэ-хэ ‘брезговать’ в бурятском языке имеют зависимый глагол в причастной форме. Наиболее употребительны в этой функции причастия на —ха (будущего времени), —хан (прошедшего времени), —даг (многократная форма), —аагуй (отрицательная форма причастия настоящее-прошедшего времени). Например, Би манайхиной (S2) ила-хан-да (ЗГ) баярла-жа ... ‘Я наши (S2) победили-потому-что (ЗГ) радуясь...’, находим у Е.К. Скрибник [3, с. 85].

В армянском языке ПА может быть оформлен различными падежными словоформами отглагольных имен — существительным в номинативе: Mekhenap aragacrec ənthackhə ‘Машина ускорила ход’; существительным в дативе: Ajd hangamankhə npastec kapitalistakan haraberuthjunneri zargacmanə. ‘Это обстоятельство способствовало развитию капиталистических отношений’; падежными словоформами имен с послелогами: Guse zydzacel e ir ararkhi hamar. ‘Может быть он рассказывает в своем поступке?’

— комплексом из глагола — связки с существительным или с прилагательным, то есть связки с именным предикативом; Связка может выступать во всех необходимых формах — инфинитива, спрягаемой части сказуемого. Например, англ. John began *to be sleepy*. ‘Джон начал становиться сонным’ Mary ordered John *to be ready* in time. ‘Мэри приказала Джону быть готовым вовремя’ [3, с. 48].

В роли ПА при глаголах намерения в бурятском языке выступает конструкция из служебного слова гэжэ и причастия на —ха без личных показателей: *хэлэ-хэ гэжэ* шиидэ-бэ ‘сказать (говоря) решила’, указывает Е.К. Скрибник в [3, с. 83].

И.Б. Долинина в [3, с. 49] обращает внимание на случаи, когда в английском языке связка элиминируется, а предикатив сохраняется. Они представлены разнообразностью конструкций с так называемыми вторичными предикативами: Mary packed her bag *full*. ‘Мэри упаковала чемодан полностью’; John called his brother *a liar*. ‘Джон назвал своего брата лжецом’. Здесь ВП выражен в глаголе, а репрезентантом ПА является имя (су-

ществительное или прилагательное). В других языках эти конструкции часто двуглагольны. Например, в индонезийском: Mereka memilih nya *menjadi presiden* (досл. ‘Они выбрать его стать президентом’) ‘Они выбрали его президентом’.

Вершинный предикат может оформляться:

— глагольной лексемой (служебной, полнозначной);

В армянском языке ВП могут выступать в качестве вводного предложения. Отличие вводного предложения от главного как компонента сложноподчиненного в том, что ПА всегда присоединяется бессоюзно, и вводное предложение помещается линейно внутри ПА, располагаясь на границе между темой и ремой сообщаемого: Manthašovn, oġinak, asum en, ajs tari mtadir e saner uġarkel Berlin ‘Манташов, например, говорят, собирается в этом году послать учеников в Берлин’ [3, с. 70].

— определенными классами наречий. Наречие может выполнять функцию вводного слова и определять модальность всего предложения. Например, в английском языке: *Probably*, he has finished his work already. *Evidently*, Mary is ill. В синтаксическом плане такое вводное слово можно рассматривать как своеобразное главное предложение, по отношению к которому остальная часть выступает в качестве придаточного. В подобной функции могут выступать наречия с узкомодальным значением, такие как наречия *вероятно, очевидно*; модальные слова типа *экан\эмиш* в узбекском языке. В другом типе КПА наречия выполняют функцию обстоятельства образа действия He *easily* made his work [3, с. 49].

— прилагательными.

Прилагательное выступает в роли предикатива в именном сказуемом всего предложения, от которого зависит либо придаточное предложение It is *clear* that they are late, либо инфинитивный оборот It is *easy* to read this book. Конструкции первого типа образуют как прилагательные с собственно-модальной, так и с общеоценочной семантикой, а конструкции второго типа — только с оценочной. От конструкций, в которых инфинитив непосредственно зависит от сказуемого, может быть образован пассивный по значению тип конструкций: This book is *easy* to read. John is *sure* to come. [3, с. 50].

В китайском языке слова nán ‘трудно’ góngyì ‘легко’ hǎo ‘легко’ ‘приятно’ ‘удобно’ образуют особый класс, называемый модальными прилагательными. Они должны иметь после себя глагол. При этом подлежащее при них обозначает не субъект, а объект действия, называемого этим глаголом. Zhōngguó huà hěn *nán* xué ‘Китайскому очень трудно научиться’. Китайское предложение по структуре отличается от русского (в котором нет подлежащего), но оно близко к соответствующему английскому: Chinese is very difficult to learn. По смыслу оно выводится из словосочетания xué Zhōngguó huà ‘учиться китайскому языку’ Объекту этого словосочетания соответствует подлежащее предложения с nán. Субъект не указывается, глагол после модального прилагательного всегда имеет обобщенно-личное значение. На поверхнос-

тном уровне между словами *hüä* 'язык' и *хиé* 'учиться' нет непосредственной связи [3, с. 140].

В бурятском языке модальные имена *хэрэг* 'дело' *хэрэг-тэй* 'нужно' *хэрэг-гуй* 'не нужно' *ёһо-той* 'должно' в грамматиках характеризуются как прилагательные, используются в основном в функции сказуемого. В отличие от китайского языка модальные слова имеют лично-предикативные показатели. Например: ... *нэгэ хундага аягал-ха ёһо-той-л-та* даа. '... одну рюмку налить должны-ведь-вы' (-л — выделительная частица, — та — показатель 2-го л. мн. ч.) [3, с. 83].

— частицами;

В кетском языке некоторые модальные значения выражаются не глаголами, а при помощи модальных частиц, занимающих позицию перед личным знаменательным глаголом. Значение нереализованной возможности выражает частица *сим*, значение пермиссивной возможности — частица *кан*: *бу сим данбай о: н са: н бу адалуол'адан*. 'Он мог бы много белок убить, но он заболел'; *бу кан дутоуот, ам ситий кает* 'Он может спать — я его разбуду' [3, с. 133].

В русском языке вершинный предикат может быть выражен частицами *чуть*, *еще*: Он *чуть* не упал. Он *еще* не ушел. В других языках, например английском соответствующие значения могут передаваться при помощи делексистализованных наречий или же аналогичными им по значению именными группами: The stair was so steep, that he *nearly* fall down 'Лестница была такой крутой, что он чуть не упал'; The child was on *the verge* of crying 'Ребенок чуть не плакал' [3, с. 50].

Второй из широко используемых способов передачи комплекса ВП + ПА следующий. Только ПА представлен самостоятельной лексемой, а вершинный различными морфологическими средствами: приставками, суффиксами, трансфиксами и т.д. В этом случае в качестве глагольного ядра синтаксической конструкции выступает специально маркированная лексема пропозиционального глагола, а вершинный предикат репрезентируется посредством аффикса при глаголе, таким образом, комплекс из двух предикатов передается средствами одноглагольной конструкции.

Так, в литовском языке приставки *pa-*, *pra-*, *su-*, *už-* и др. в сочетании с рефлексивным аффиксом *isi-*, *užsi-* могут выражать начало действия: ср. *užsidege* 'загорелся' = начал гореть', *pražydo* 'зацвел' = начал цвести' [3, с. 156].

В эвенкийском языке средствами выражения модальных значений могут быть суффиксы: *-му-*, выражающий желание сделать что-л. (*суру* 'уйти' - *суру-му* — 'хотеть уйти'), — *-сса-*, выражающий попытку произвести действие (*ил-* 'встать' — *или-сса* — 'пытаться встать') и т.д. [3, с. 202].

Как отмечает А.К. Оглоблин в [3], в индонезийском языке корнфикс *ke-an*, участвующий в передаче значений, выражающих эмоции, означает приблизительно 'охвачен состоянием': Ср. *Amir takut lari* 'Амир бояться бежать' и *Amir lari ke-takut-an* 'Амир бежит от страха'.

От указанных выше конструкций отличают случаи, когда оба предиката содержатся в одной и той же лексеме.

В данном типе конструкций используются не две разные, а одна языковая единица для передачи двух различных предикатов. Такие типы конструкций широко представлены в английском языке при выражении каузативных значений: My finger *hurts* 'Мой палец болит' — I *hurt* my finger 'Я ушиб свой палец'. I *walked* 'Я гулял' — I *walked* the horse 'Я выгулял лошадь'. Здесь в одной вокабуле — по две лексемы [3, с. 50].

Конструкции с придаточными предложениями регулярно образуются модусными глаголами и некоторыми оценочными, в частности, полнозначными каузативами. Так, в армянском и кетском языках в КПА с глаголами речи, мышления ПА может быть оформлен как прямая речь; как придаточное причины; изъяснительное. При подобном оформлении каждый из глаголов выступает в личной форме, ВП в роли сказуемого главного предложения, а ЗГ придаточного.

Если оба предиката представлены глаголами, то морфологическое выражение их будет следующим:

1. в языках, где нет спряжения глаголов, как, например, в индонезийском ни один из них не спрягается;
2. оба глагола спрягаются как, например, в арабском;
3. вершинный предикат (ГГ) спрягается, пропозициональный глагол (ЗГ) либо опосредованно, либо непосредственно зависит от него как, например, в русском.

А.К. Оглоблин в [3] рассматривая класс синтаксических конструкций, в которых выражается обязательная семантическая зависимость одного предиката от другого, выделяет несколько типов по признаку изоморфизма/ алломорфизма семантических и синтаксических связей, а также по признакам способа выражения того и другого предиката.

Он разграничивает конструкции с предикатным актантом. В них семантически главный предикат выражается синтаксически господствующим словом: индонез. *Dia takut biasa* 'Он боится привыкнуть' или фр. *Je peux l'accepter* 'Я могу его принять' [4, с. 187].

Специфика конструкций с предикатным сирконстантом заключается в том, что в них семантически главный предикат выражается синтаксически подчиненным словом, присоединяясь к выражению зависимого предиката в виде члена адвербиального характера: русск. *Он идет быстро*.

Конструкции с предикатным определением алломорфны: в них зависимый предикат выражен определением к семантическому актанту этого предиката, а последний является синтаксическим актантом главного глагола. В армянском языке этот тип конструкций образуют некоторые глаголы мысли: *hamarel* 'считать', *hsavel* 'считать', *kartsel* 'полагать'. *Vahann iren arzani er hamarum ajd mtermuthjanə*. 'Ваан считал себя достойным этого доверия' [3]. Ср. русск. Меня научил *погибший осел* [6]. В отличие от русского и английского языка в литовском возможно также и атрибутивное употребление пассивных причастий от фазовых глаголов с инфинитивом в качестве определения при имени-объекте последнего: *Patačiau juos prie nebaigto krauti sunkvežimio*, букв.

‘Я увидел их около неоконченного грузить грузовика’ [3, с. 163].

Если согласиться с тем, что актантом является не только дополнение (именное или глагольное), но и подлежащее, можно выделить конструкции с предикатным подлежащим [9]. Чаще всего это существительное со значением процесса или состояния. В кетском языке в КПА с фазовым глаголом *бимбугут*, ПА является подлежащим. Так как этот глагол согласуется только с именами вещного класса, то нельзя сказать: «Я кончу работать», а нужно: «Моя работа кончится». Именем вещного класса в этом случае фактически является слово с предикатным значением: *бур’а ел’ ан бет бинут* ‘Он перестал дышать (его дыхание кончилось)’ [3]. В некоторых языках конструкция с предикатным подлежащим обслуживает семантические структуры, которые носителю русского языка представляются типично «адвербиальными». Например, для индонезийских языков характерны конструкции типа индонез. *Jalannya cepat* букв. «Ход его быстрый».

С подлежащим предикатного значения связана еще одна конструкция алломорфного типа, в которой и главный и зависимый предикат номинализированы или субстантивированы: русск. *Его мечта — учиться*. [3].

Разные виды КПА объединяются не столько синтаксическим, сколько семантическим признаком как минимум один актант имеет предикатное значение.

Способность образовывать конструкции с предикатными актантами характеризует определенные семантические классы глаголов, которые объединяют в два основных разряда:

- грамматические (каузативные, модальные, фазовые, аспектуальные);
- модусные (глаголы речи, мысли, памяти, знания, эмоций).

Модальные лексемы со значением необходимости в числе прочих формируют конструкции, в которых от одного (главного) предиката семантически зависит другой. Наиболее типичны для рассматриваемого класса гла-

голов конструкции с предикатным актантом: *I must thank him* (Хэмингуэй); *It’s necessary to come in time. Вам следует отдохнуть*. Лексемы со значением необходимости образуют конструкции с предикатными сирконстантами: *Я непременно навещу Вас на следующей неделе. Это правило обязательно должно соблюдаться*. Также можно выделить конструкции с предикатным подлежащим — *Необходимо ваше согласие; Мне не нужно утешение* (Тэффи), предикатным определением — *He felt it his duty to remain by his mother; I’ve got work to do; I had at least one thing to be thankful for* (Мюллер), и особый тип с алломорфной структурой, в котором главный и зависимый предикаты субстантивированы: *Выбор и есть неотложная необходимость* (Ефремов).

Глаголы, оформляющие конструкции с предикатными актантами, по своей семантической природе отличаются от других глаголов, неспособных к подобному употреблению, и определяются в лингвистической литературе как функторы, реляторы или операторы [2, 8, 7, 5]. Релятор как вершина пропозиции подчиняет себе актанты или аргументы, каждый из которых в определенных условиях может оказаться вершиной какой-либо другой пропозиции, то есть выступать релятором более низкого ранга.

Способность предиката со значением необходимости выступать вершиной конструкции с предикатными актантами реализуется на семантико-синтаксическом уровне в том, что модальный глагол ведет себя как включающий предикат [1], формирующий ядро предложения и определяющий аргументно — предикатную структуру пропозиции. Связывая отдельные единицы, эквиваленты реальных объектов и представляя собой лишь некоторое отношение, предикат со значением необходимости требует обязательного (о чем свидетельствует его неспособность к самостоятельному употреблению) заполнения валентностей на семантический субъект и, в особенности на включенный предикат, который, по сути, раскрывает содержание необходимости, определяя ее характер.

Литература:

1. Богданов, В. В. Семантико-синтаксическая организация предложения. — Л.: Наука, 1977.
2. Касевич, В. Б., Храковский В. С. Конструкции с предикатными актантами. Проблемы семантики // Категории глагола и структура предложения. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. — с. 5–28.
3. Категории глагола и структура предложения. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983.
4. Корди, Е. Е. Побудительные значения конструкций с каузативными и модальными глаголами // Типология конструкций с предикатными актантами. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985. — с. 187–194.
5. Насилов, Д. М. Конструкции с модальными словами экан и эмиш в узбекском языке // Категории глагола и структура предложения. — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. — с. 175–174.
6. Падучева, Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: (Референц. аспекты семантики ментальных) / Отв. ред. В. А. Успенский. — М.: Наука, 1985.
7. Сусов, И. П. Семантическая структура простого предложения: На материале немецкого языка. — Тула: Тульск. гос. пед. ин-т, 1973.
8. Сусов, И. П. Языковое общение и лингвистика // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. — Калинин, 1985. — с. 3–12.
9. Типология конструкций с предикатными актантами. — Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1985.

Actuality of trilingual education of children in Kazakhstan

Хамитова Зулхамал Жумагуловна, старший преподаватель английского языка;

Джантасова Дамира Дулатовна, кандидат педагогических наук, доцент;

Тугамбекова Марксиана Алпысбаевна, преподаватель английского языка

Карагандинский государственный технический университет (Казakhstan)

Сулейменова Урайда Ералиевна, преподаватель английского языка

Карагандинский политехнический колледж (Казakhstan)

Khamitova Zulkamal Zhumagulovna, senior English teacher;

Jantasova Damira Dulatovna, Associated Professor;

Tugambekova Marksiana Alpysbaevna, English teacher

Karaganda State Technical university (Karaganda, Kazakhstan)

Suleimenova Uruaida Eralievna, English teacher (Karaganda, Kazakhstan)

Many European countries are now bilingual or trilingual, even over half of the world's populations is thought to be either bilingual or multilingual (Grosjean 1982). As Kazakhstan has taken the law to teach ss from the first form to 3 languages at the same time. The idea of multilingualism was not welcomed by many linguists and scientists. The authors of this article aim to prove that teaching children all three languages simultaneously will be a big help and the future growth of economy of the country and solve the problem of lack of local specialists in many spheres.

Keywords: Trilingualism, children, globalized world, Kazakh and Russian.

Speaking two languages rather than just one has obvious practical benefits in an increasingly globalized world. But in recent years, scientists have begun to show that the advantages of bilingualism are even more fundamental than being able to converse with a wider range of people. Being bilingual, it turns out, makes you smarter. It can have a profound effect on your brain improving cognitive skills not related to language and even shielding against dementia in old age. [1]

As if when in Kazakhstan a child who speaks Kazakh at home and with his friends he freely speaks Russian. That's now far no longer wonder for all of us. Now, due to the globalization era, we are supposed to learn English and in global arena speak English to keep in touch with many nationalities for other development, the new generation is of course willing to study it.

They were not wrong about the interference: there is ample evidence that in a bilingual's brain both language systems are active even when he is using only one language, thus creating situations in men one system obstructs the other. But this interference, researchers are finding out, isn't so much a handicap as a blessing in disguise. It forces the brain to resolve internal conflict, giving the mind a workout that strengthens its cognitive muscles.

So, born to be bilingual and through school time getting enough knowledge to become also trilingual, brain also becomes trained to get more information and be easily able to interaction. They can easily commit to memory comparatively.

The key difference between bilinguals and monolinguals may be more basic: a heightened ability to monitor the environment. «Bilinguals have to switch languages quite often you may talk to your father in one language and to your

mother in another language," says Albert Costa, a researcher the University of Pompeu Fabra in Spain. "It requires keeping track of changes around you in the way that we monitor our surroundings when driving." In a study comparing German-Italian bilinguals with Italian monolinguals on monitoring tasks, Mr. Costa and his colleagues found that the bilingual subject not only performed better, but they also did so with less activity in parts of the brain involved in monitoring, indicating that they were more efficient at it.

As the author of the book "Multilingualism for all" Tove Skutnabb-Kangas wrote in the introduction of his book that "Ethno linguistic majority populations should also be given the opportunity to escape monolingual stupidity/naivety, reductionism and to do so at a level which doesn't stop at studying a foreign language for a few years as a subject in school, something many children are already doing. If one believes and there are good reasons for doing so — that high level of multilingualism are an advantage to people, opening up horizons, enabling contact, enhancing development, as hinted at above escaping the imprisonment of the narrowing of horizons implied by monolingualism, then everybody should be offered this opportunity. And "everybody" includes majorities, even if many of them are still unaware of the linguistic cages many of them live in and of the fact that they and the rest of the world pay a high price for their monolingualism" [2, p. 27]

When it comes to code-switching, it's seen that many citizens cannot use one language only properly. Learning to speak more than one language often involves putting together material from two languages. This is a part of normal process of growing up bilingually and acquiring competence in more than one language. The early utterances of children growing up bilingually will often contain lexical items from

both languages. It has often been said that bilingualism is a step along the road to linguistic extinction. Certainly, it is not hard to find cases where language death is preceded by bilingualism and extensive code-switching.

Nevertheless, there is increasing evidence to indicate that this mixed mode of speaking serves important functions in the communities where it is used and that is not random. [3, p. 112]

Kazakhstan has been a bilingual country, and now turning to a multilingual country, with an additional language being English, the country can use it as a power. In the era of globalisation, and with a high interest towards the English language among teenagers and youths, English has become a turning point of business and trade, economics, science and over all development of Kazakhstan.

For example, Kohnert et al (1998) have shown that first language (L1) speakers of Spanish who were early learners of English and had received most of their education in English maintained high proficiency in both languages and scored higher on the BNT in English than in Spanish, but their score in English was nevertheless lower than the monolingual norm, similarly, verbal-fluency results have reported to differ for monolingual and bilingual speakers (e.g. Kempler, Teng & Dick, 1998; Sandoval et al., 2010); specifically bilingual participants typically generate fewer items than start with the target sound or that belong to the target semantic category than do monolingual participants.

The same thing happened in Kazakhstan. Most students and pupils can score higher in Russian than their mother tongue Kazakh, but their language skills can be lower than the monolingual speakers of Russian, the vice versa with Kazakh, the ones, who are better at speaking and writing at Kazakh, can have tendency not to know Russian as good as Kazakh. There always has been lack of skills neither in one or another language. But in general terms, students and pupils are good in both languages. As Kazakhstan now turns into multilingual society, where not only Kazakh and Russian, but English is getting more influential, most students have shown easiness in learning the third language as well.

At least two, potentially co-existing, reasons may explain these differences in performance between monolinguals and bilinguals. First, such differences may reflect smaller vocabularies and lower proficiency among the bilinguals being tested. Second, the lower performance observed for bilinguals may be associated with process of competition between their two languages. Sandoval et al. (2010) set out to examine the effects of bilingualism on verbal fluency and to test possible accounts for these effects. The authors compared the performance of young monolingual English speakers and English-dominant, Spanish-English bilingual speakers matched for age (mean = 20) and education (mean = 20) on fluency tasks using a series of letter pairs, (e.g., "fa") and semantic categories (e.g., "types of clothing"). They found that their bilingual participants produces fewer correct responses (in English) than the monolingual participants in both the semantic and letter tasks. The bilinguals also

produced more low-frequency words than the monolinguals, mainly in the semantic task, and were slower to produce the first word as well as subsequent words than the monolinguals in both tasks. When the authors compared retrieval in dominant versus the non-dominant language of the bilinguals were slower to produce the words in their non-dominant language than their dominant language. Furthermore, the difference in **performance** between the bilingual and monolingual participants was evident in the initial time segments of the task rather than toward the end of each trial. A difference in last time segment in each trial would have been consistent with the reduced vocabulary account of lower performance. The authors therefore interpreted their results as evidence for retrieval interference between the two languages. The findings suggest that not only proficiency in each language, but also competition between the two languages affect bilinguals' scores.

"Trilingualism is generally treated in the relevant literature as another type of bilingualism, and theories and findings from studies of bilinguals are often assumed to be applicable to trilinguals by extension," Suzanne Barron-Hauwaert, a researcher on languages wrote in 2006. A study Ms. Barron-Hauwaert conducted on trilingual children, mostly in Europe, found that three languages can't be balanced as easily as two, and that a child's age plays a big part on what language it would speak. She found "very young children using the mother's language as their first language while 3- to 4-year olds use the father's language; the older children prefer the local language."

The same thing can happen in Kazakhstan. Children can become trilingual but not fluent and accurate enough to speak any of them.

Trilingual children also do code switching when they are young, for the same reasons as bilingual children. Their trilingual code switching is rarer than their bilingual code switching (their use of three languages in the same sentence is rarer than their use of two languages in the same sentence) [4, p. 144]

But in many cases bilingualism is explained as an extension of bilingualism (Hoffmann, 2001).

Everywhere people have settled views on children's bi — or trilingual. These views have an impact on people's communication with their children and how they treat other people's children. The impact of these views and to what advice about bilingual education of children give parents teachers, doctors and speech therapists. Unfortunately, many children's views on bilingual education are not kids any good, and sometimes even harmful.

It seems that a lot of discussion about the pros and cons of early bilingualism is based on the idea that parents choose a bilingual environment for their children. However, it is generally true. Young children grow up bilingual, mainly due to the fact that they in no way can grow monolinguals. For example, the child communicates regularly with monolingual people who speak different languages. Other children are growing up in a society where the majority of people daily are

bilingual. Rules for the use of these languages define when talking to each of them. In such circumstances, to impose changes to ensure that all of the social world of the bilingual children would be limited to the same language, on the one hand cannot, on the other hand, hardly ethical, as it would infringe the linguistic rights of the child.

The fact that a child with early childhood hearing two or more languages, is not a cause of speech disorders or delayed speech

First, is often claimed that listening to two or more languages, the child gets confused and he will have serious problems with language development. Secondly, it is argued that the assimilation of the primary language environment will be more successful in the absence of competition from other language. However, to date there is no scientific evidence that hearing two or more languages leads to slower learning a language or speech disorders. Too many children from different countries learn from the cradle to two or more languages, without showing any signs of this speech disorder, or delayed development these kids are living proof of the absence of a causal link between the environment and the problems of bilingual language acquisition. Moreover, there is no scientific evidence that giving up one language automatically improves the absorption of the other. In fact, the sharp rejection of the use of «home» language parents can cause great emotional and psychological difficulties, both for parents and for children. After all, language is strongly tied to emotional and identity areas. Three-year-old girl, whose mother suddenly stops talking to her in a familiar language, and even worse — stop responding to her questions in that language, can feel emotionally abandoned and completely lost. Those speech therapists, who recommend monolingualism, should not be surprised if the child's behavior becomes problematic. If a child and rebounding from a similar injury, it is still no evidence that his success in mastering basic language environment increases the loss of «home» language. In fact, in educational institutions has been convincingly shown that the development and strengthening of skills of the child in the first language promotes the assimilation of their second.

If children use the two languages in a single sentence, it does not mean that they are confused. It is often argued that young children, who are learning two languages, pass through a stage of confusion and mixture of these languages. With this as evidence that the child does not distinguish one language from another, leading to use the words of both languages in the same sentence. In fact, this is not a sign of confusion. It was clearly demonstrated that the use of two languages in the same sentence is a sign of older bilinguals of remarkable mastery of language (Romaine, 1995). It is also true that while a small bilingual children's use of the word in a sentence of two languages in their speech, they generally use a much more offers in one language than the normal children. This clearly indicates that they are able to clearly distinguish one language from the other. Children do not «grasp» the language is simply this: they need a supportive, growing medium.

Very common view that children are extremely easy to give learning a new language, and that it does not need almost no effort. However, the study of even one language — a process that lasts for years. Languages are very complex. In order to get into all of them, you need a great deal of experience. Learn how to conduct simple conversations can be quickly (although monolingual children about 3 years spent on learning how to talk clearly with a stranger), but the development of the capacity of formal speech takes much more time. In teaching language environment plays an important role. Children learn to speak only when they hear how they are accessed by people in many different situations. Speech development in the early stages to a large extent depends on the vocabulary. The more words children know, the better they learn to talk, and the better will be learning in school. An excellent source of new vocabulary is to read books. Reading books in any language. even when the child is just learning to sit, is a great support, not only in learning the language, but also to strengthen the emotional bond with the child's parent. Moreover, this occupation in many cultures is considered properly to both the mother and father, and is a great way to familiarize children with those aspects of culture that they cannot see in your local environment.

Bilingual children have been found to show an increased sensitivity to others' cues (Genesee et al. 1975) and to demonstrate a greater capacity to use feedback (Ben-Zeev 1977) than monolingual children. [5, p. 12]

With developing knowledge of two languages, young bilingual children are able to produce language forms and functions stunning complexity as a result of integrating features from two grammars. They can develop high proficiency in both, though one language may develop one ahead another. [6, p.129].

2008 year was the international year of languages. In announcing this initiative, Koichiro Matsuura, Director General of UNESCO said:

We must act now as a matter of urgency, by encouraging and developing language policies that enable each linguistic community to use its first language, or mother tongue, as widely and as often as possible, including in education... Only if multilingualism is fully accepted can all languages find their place in our globalized world.

Kazakhstan has decided towards multilingualism, it's now getting one of most important points of education. To sum up all, turning from bilingual to a trilingual society has been taken as a matter of fact in Kazakhstan. In globalization era, Kazakhstan teaches children from the first class (age of 6–7) simultaneously 3 languages. For the country, it's quite important to foster children being adapted to many challenging situations as well as communication. A lot of scientific researches has shown to prove that bilingual and trilingual children tend to learn better and faster than monolinguals. Improving language skills may lead to understanding other subjects better and brain's potentials will be developed.

However practice and experiment, knowledge exchange is needed for the improvement of high quality of education system based on 3 languages so that it would fit the society and children themselves.

References:

1. http://www.nytimes.com/2012/03/18/opinion/sunday/the-benefits-of-bilingualism.html?_r=0.
2. Multilingualism for all, Tove Skutnabb-Kangas, European studies on Multilingualism, 4 Volume, 1995).
3. (Language and society, an introduction to sociolinguistics, Suzanne Romaine, 1994; 2000, Oxford University press).
4. (source: Language Strategies for Bilingual Families, Suzanne Barron-Hauwaert, pp. 143–144, 150).
5. Multilingual living, explorations of language and subjectivity, Charlotte Burck, 2005, 16p).
6. The bilingual child, early development and language contact, Virginia Yip and Stephen Matthews, 2007, preface.

О неудачах иранских студентов в русской орфографии

Хоссейни Амир, доцент;
Сиями Халида, аспирант
Тегеранский университет (Иран)

В статье делается попытка проанализировать орфографические ошибки, допущенные персидскими студентами-русистами в написанных ими сочинениях на русском языке, а также дается ряд рекомендаций по их предупреждению и устранению. Результаты анализа демонстрируют наиболее типичные орфографические ошибки в письменной речи студентов Ирана. Перспективой статьи могут стать дальнейшие исследования, посвященные вопросам ошибок как письменной, так и устной речи, разработки и проведения корректирующих и предупреждающих действий в процессе обучения.

Ключевые слова: ошибки, письменная речь, фонетическая интерференция, орфография.

Развивающееся экономическое сотрудничество между Россией и Ираном, необходимость в быстром и эффективном овладении русским языком предъявляют новые требования к обучению русскому языку как иностранному.

Проблемы, связанные с исследованием ошибок иностранных учащихся в речи на русском языке, весьма актуальны для решения ряда методических задач, способствующих оптимизации преподавания русского языка. В частности, с учётом анализа ошибок можно более адекватно провести отбор учебного материала, выделив конкретные трудности его усвоения для данного контингента учащихся, найти слабые места в методической организации обучения.

Ошибка в речевом высказывании на иностранном языке находится в области интересов различных наук. В соответствии с определением, данным в «Словаре методических терминов», ошибкой является «отклонение от правильного употребления языковых единиц и форм; результат ошибочного действия учащегося». [Азимов, Щукин, 1999: 472]

На данный момент существует множество различных классификаций ошибок (М.Р. Львова, Т.А. Ладыженской, С.Н. Цейтлин, Ю.В. Фоменко, О.А. Никифоровой, Е.В. Ситниковой) и все они сводятся к делению их на 2 группы: грамотность и речевые.

В связи с этим мы решили попытаться провести анализ орфографических ошибок, совершаемых студентами-фи-

лологами в условиях персоговорящей языковой среды при сочинении на русском языке. Орфография представляет собой исторически сложившуюся систему правил написания, которая используется в письменной речи. Овладение орфографией — одна из задач обучения письму.

Сочинение является одной из основных форм умения правильно и последовательно излагать свои мысли, и служит одновременно для проверки уровня речевой подготовки учащихся.

Письмо как самостоятельный вид речевой деятельности используют лишь на продвинутом, завершающем этапе. Но путь к письменной речи довольно длителен и далеко не прост. Успех завершающего этапа во многом зависит от того, насколько хорошо были сформированы базовые навыки письма как такового.

Поскольку объектом данного исследования являются письменные творческие работы (сочинения) учащихся продвинутого уровня обучения иранских студентов-русистов, то следовало бы прежде уточнить требования к данному уровню. В системе общеевропейских компетенций этот уровень обозначен как В2. Продвинутый этап обучения предполагает довольно свободное общение на языке, позволяет учащемуся работать в коллективе с носителями языка и выполнять профессиональные задания.

Под продвинутым этапом имеются в виду последние три семестра вузовского обучения. Продвинутый этап завершает базовую подготовку специалиста, свободно вла-

деющего языком. Российская система уровней владения русским языком как иностранным определяет его как III Сертификационный уровень. [Петрова, Моисеенко, 2007: 100]

А. Н. Щукин продвинутый уровень обучения русского языка как иностранного, в соответствии с Государственным образовательным стандартом, также называет «третьим сертификационным». «Этот уровень дает представление о владении русским языком бакалавром-филологом, прошедшим обучение и достигшим уровня «продвинутого пользователя». Этот уровень владения языком позволяет магистру-филологу работать в качестве лингвиста, редактора, журналиста, менеджера в русскоязычном коллективе. Для достижения этого уровня, согласно Государственному образовательному стандарту по русскому языку как иностранному, от 1999 года, требуется 720 учебных часов (380 — на обучение общему владению русским языком и 340 — на обучение его использованию в сфере профессионального общения). Лексическая база этого уровня определяется в 12 тыс. единиц при активном словаре в 7 тыс. слов. Эта лексическая норма представляется завышенной, если учитывать, что носитель языка пользуется примерно 7.5 тыс. лексических единиц». [Щукин, 2003: 58]

Итак, целью нашей статьи является анализ орфографических ошибок в письменной речи иранских студентов продвинутого этапа на русском языке.

В связи с тем, что наш эксперимент носит спонтанный характер, нами было предложено студентам четвертого курса второго семестра (продвинутого этапа) 2012-го учебного года одного из университетов Ирана написать сочинение-миниатюру. Выполняется данный вид письменной работы преимущественно на занятии, вследствие чего на выполнение его нами было отведено 50 минут. Аудитории было предложено написать небольшое сочинение на тему «Моя заветная мечта». Все студенты, чьими работами мы располагали, являлись преимущественно монолингвами — носителями персидского языка, в возрасте от 22 до 25 лет и проходили обучение в течение четырех лет, одинаково выполняя требования по изучению русского как иностранного языка, для получения степени бакалавра. Общее количество рукописных текстов составляет 23 страницы.

Далее мы приведем выявленные нами орфографические ошибки студентов продвинутого этапа обучения. Следует отметить что орфографические ошибки следует отличать от грамматических ошибок. Главное отличие орфографической ошибки заключается в том, что она может быть допущена только на письме и ее нельзя услышать. Грамматическая ошибка не только видима, но и слышима.

Отметим заранее, что нами было сохранено авторство мысли и приводится ограниченное количество примеров.

Ошибки, допущенные в словах «наслаждаться», «изминить», связаны с неумением студентов правильно писать безударные гласные (проверяемые) в корне слова, с неумением быстро и правильно выделять корень, а значит, и безударную гласную в корне.

Если студенты неверно определяют корень, то они, разумеется, не могут правильно подобрать родственные слова для проверки безударной гласной, в которых бы проверяемый ими гласный оказался под ударением. Исходя из этого, ошибки в данных словах легко обнаруживаются так как проверяются словами «сладко» и «измена». Данный ряд дополняется следующими ошибками данного типа: «здаровье», «продалжать», «к сожелению», «барбы», «оканчание».

Ошибки, допущенные в словах «без строха», «специальность», «не правдевости», «незнакамых лиц», «перевадчиком», «в абласти», «социольную» нужно отнести к «грубым» ошибкам, так как в данных случаях гласный звук, при написании которого была допущена ошибка, находится в сильном (ударном) положении и четко произносится.

В слове «космас», «косманавт» действует правило о «правописании слов с непроверяемыми гласными в корне». В корнях «кос-кас» если пишется буква «а» в корне, то после него пишется также буква «а», а если же пишется «кос», то и после корня пишется «о» — «космос». В данном слове в другом варианте работы ошибка была допущена в корне слова — «касмос». Анализируя эту ошибку, мы также опираемся на вышеизложенное орфографическое правило.

Говоря об ошибках в употреблении одной или двух «н» в словах, нужно отметить, что написание «н» и «nn» в прилагательных соответствует литературному произношению, то есть на месте букв «nn» произносится долгий звук [н:]; соломенный, стеклянный, на месте буквы «н» произносится обычный (недолгий) согласный [н]: гусиный, кожаный. Не владение такими навыками стало причиной ошибки в прилагательном «иностраных».

Смещение при употреблении разделительных мягкого и твердого знаков приводит к следующему типу ошибок: не употребляют мягкий знак где нужно, или употребляют этот знак там, где не нужно: «возвращатся», «хотелос», «значить», «страит», «денги», «мальенкой», «маленкая», «наслаждюс», «очен», «опят», «мусилманской», «сейчась изучаю», «барбы», «гордост». Причиной ошибок этого типа является недостаточно четкое внимание на произношение данных слов в речи, т.е. отсутствие слухово-аналитических навыков.

Ошибка в выражении «по итальянскому языку» допущена в результате влияния последующего звука [j] на звук, который стоит перед ним, то есть на звук [л]. Вот почему после «л» пишущий написал мягкий «иа» вместо «ья» — «по итальянскому языку».

Основной причиной пропуска одного из согласных при их стечении в группе «тств» является то, что в соответствии с орфоэпическими нормами современного русского литературного языка данное сочетание представляет трудность при произношении. В результате внутреннего проговаривания, на письме, не произносится одна из согласных букв — либо первая буква «т», либо последующая. Например: «детсво», «действио», «присутствие», «дество».

При анализе письменных работ нами была также выявлена следующая группа ошибок, которая не связана с орфографическими правилами русского языка. Мы назовем их «фонетизмами». Это ошибки, которые связаны с написанием слова на основе слухового его восприятия без учета соответствующих правил обозначения буквами звуков, входящих в данное слово.

К данной группе мы приурочили ошибки такого характера: «**полохим**» вместо «**плохим**», «**ковартира**» вместо «**квартира**», «**дали**» вместо «**для**», «**теребования**» вместо «**требования**», «**моного**» вместо «**много**», «**ангильского**» вместо «**английского**». Мы отнесли их к ошибкам вставок лишних гласных между согласными. Данные ошибки, скорее всего, связаны с общими закономерностями родного персидского языка, для которого стечение согласных в начале слова не характерно. Персидскому языку свойственен принцип слогового сингармонизма и прибавления гласного звука между согласными с целью более легкого произношения ряда сочетаний согласных звуков, что, скорее всего, и влияет на правописание слов неродного языка. В целом же, ошибки такого рода можно объяснить интерференцией.

Выявленный нами следующий вид фонетизмов: «**чловек**» и «**члавек**» вместо «**человек**», «**преводчик**» вместо «**переводчик**», «**слещих**» вместо «**следующих**», «**стрался**» вместо «**старался**» которые также относятся к ошибкам орфографии, мы отнесли к ошибкам речевого стяжения слова в так называемом неполном стиле произношения, что также нашло свое отражение при письме.

Помимо очевидного различия в плане начертания букв в русском и персидском языках, обнаруживаются многочисленные различия в их буквенно-звуковом соотношении. В современном русском алфавите 33 буквы, что на 1 букву больше, чем в персидском алфавите, без учета звукового соотношения ряда букв персидского алфавита (ذ, ظ, ز — «з»; ت, ط — «т», и другие). В русском алфавите встречаются буквы, которых в персидском алфавите нет. Эти буквы передают относительно редкие (с позиций типологии звуковых систем) звуки, не имеющих близких эквивалентов не только в персидском языке, но и в ряде других алфавитов (английский, французский и т.п.). Здесь, прежде всего, следует назвать буквы «**Ы**», «**Щ** щ» и «**Ц** ц». Выделенные нами нижеследующие ошибки напрямую связаны с алфавитными различиями двух языков, русского и персидского.

Наиболее частыми являются ошибки на употребление буквы «**щ**» вместо «**ш**» и наоборот: «**возвращаться**», «**сокращаю**», «**сокращение**», «**хорощей мечты**», «**хорощей матерью**», «**успешной**», «**будущей**», «**лучшой**», «**путешествовать**», «**успешная**», «**женщина**».

Данные ошибки можно объяснить не полным владением, то есть не на должном уровне, слухо-аналитическими навыками. Причину допущенной ошибки в слове «**успешный**» можно объяснить также как и причину вышеприведенных примеров.

Аналогичным образом можно объяснить ошибки и на [ц]: «**квалификсированным**» вместо «**квалифицированным**», «**спетциалести**» вместо «**специальность**». Причина же появления лишней буквы (звука) в словах «**квалификсированным**» и «**спетциалести**» связана с нехарактерным для персидского слухового восприятия произношением буквы «**ц**».

В целом, такие недочеты можно было объяснить и по-другому, т.е. нехарактерностью звуков [ш'] и [ц] в системе звуков персидского языка.

Исходя из того, что фонетические ошибки являются следствием отклонения в произношении слов, обусловленные незнанием орфоэпических норм и правил, нами была обнаружена ошибка, допущенная в слове «**вышшая**», которая в принципе соответствует правилам русской фонетики, характеризующим побуквенное произношение «**шш**» вместо «**сш**», например: «**вышшая**». Однако данное фонетическое правило распространяется только на устное употребление данного сочетания согласных, так как при письме данное слово имеет следующее графическое начертание «**высшая**», где сохраняется сочетаний согласных «**сш**».

К орфографическим ошибкам, которые являются различного рода описками, вызванные невнимательностью или поспешностью пишущего, мы отнесли следующие случаи: пропуски букв — «**Мноих**»; перестановки букв — «**абротна**»; замены одних буквенных знаков другими — «**мечти**», «**бытейной**», «**заведная**»; добавление лишних букв — «**успешеная**», «**Успех**».

Ошибки при написании наречий «**хочен**» вместо «**очень**», а также в слове «**помоему**» также отнесены к ошибкам по невнимательности.

Немало ошибок было связано с неправильным переносом слова не следующую строку. При расположении текста на странице нередко случаи необходимости разрыва буквенной цепочки, соответствующей слову. Такой разрыв обозначается знаком переноса (черточкой). Чтобы уменьшить неудобства, возникающие в связи с этим при чтении текста, вводятся правила переноса. Обнаруженные нами ошибки при переносе слов на следующую строку базируются на следующих основных принципах:

1) ошибка «графического» принципа, например: «... **поэтому н-апишу**...» — «**на-пишу**», «... **эти мои социальные-е мечты**...» — «**социаль-ные**», «... **все то може-т быть**...» — «**мо-жет**», «... **найти хороших друз-я**...» — «**дру-зья**».

2) ошибка «фонетического» принципа, нельзя переносить «**жить с св-оими родителями**...» — «**жить со свои-ми родителями**».

3) ошибка «морфемного» принципа «**Я мечтала быть учительн-ицей**» — «**учитель-ницей**», «**наслажд-ать**» — «**наслаж-дать**».

Известно, что существует несколько способов переноса одного и того же слова, однако следует выбирать тот способ, при котором не разбиваются значащие части слова. Следует отметить, что ошибки связанные с непра-

вильным переносом слова, связанны, в первую очередь, с тем, что в программу обучения русскому языку в иранских вузах не входит обучение правилам переноса слова.

Исходя из результатов нашего исследования мы можем выделить четыре категории орфографических ошибок совершаемых студентами на письме: на орфографическое правило, фонетизмы, ошибки невнимательности, перенос.

Главная задача изучения ошибок учащихся в письменной речи — это разработка оптимальных форм подачи материала, нахождение действенных приёмов предупреждения и устранения ошибок, так как коррекция ошибок учащихся — неотъемлемая часть учебного процесса. С учетом результатов анализа орфографических ошибок выбор и осуществление корректирующей программы на основе результатов проведенного анализа, определит оптимальность учебного процесса.

На данном этапе мы пришли к выводу, что в целях предупреждения и устранения ошибок данного типа необходимо предпринять меры для введения в учебную про-

грамму обучения студентов такой предмет как правописание или чистописание и правила русской орфографии следует преподносить учащимся по мере знакомства с соответствующим словом или грамматической формой. Преодолению трудностей русской орфографии может способствовать работа над составом слова, а также поурочного проведения различного рода орфографических диктантов: слуховые, зрительные, зрительно-слуховые (или буквенные, звуковые, буквенно-звуковые, слоговые, словарные). Следует приучить учащихся к проведению самодиктанта, а также постановке преподавателем специальных упражнений: а) копирование текста (списывание) с целью усвоения правил орфографии; б) списывание, осложненное дополнительными заданиями (заполнением пропусков, подчеркиванием определенных букв и т.д.); в) группировка слов (омографов, тематически связанных слов, слов, сходных по составу и пр.) и т.д. Относительно ошибок связанных с незнанием правил переноса слова следовало бы внести в программу обучения работе с учащимися в данном направлении.

Литература:

1. Азимов, Э. Г., Шукин А. Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). — СПб.: Златоуст, 1999.
2. Балыхина, Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): Учебное пособие для преподавателей и студентов. — М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007
3. Кузьмина, Л. Г. К вопросу о содержании обучения иноязычной письменной речи // Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2001. — № 1. — С.96—103
4. Петрова, Л. Г., Моисеенко О. А. Подготовка иностранных студентов к уровню компетентного пользователя русским языком как иностранным (РКИ) в системе общеевропейских компетенций. // Фундаментальное исследование, — 2007. — № 7. — с. 99—102.
5. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под общ. ред. В. В. Лопатина. — М.: АСТ, 2009.
6. Розенталь, Д. Э. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск: Юж.Урал. кн., 1994.
7. Цейтлин, С. Н. Речевые ошибки и их предупреждение: Пособие для учителей. — М.: Просвещение, 1982.
8. Шукин, А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: Учеб. пособие для вузов/ А. Н. Шукин. — М.: Высш. шк., 2003.

Особенности выражения концепта «обладание» в романских языках

Черявка Татьяна Павловна, студент

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: концепт «обладание», романские языки, концептуализация, структура концепта.

Осознание того, что анализ языка не может быть ограничен исследованием идеальной языковой системы, существующей автономно, привело к выдвижению на первый план когнитивных подходов в языкознании как гуманитарной науке. Человеческая когниция, понимаемая как взаимодействие систем восприятия, репрезентации

и продуцирования информации, предстала в качестве эмпирического объекта лингвистических изысканий.

В современной науке актуальными являются проблемы категоризации и концептуализации мира. Понятие концептуализации — одно из фундаментальных понятий мыслительной деятельности человека [5, с. 35]. Концепту-

ализация рассматривается как ментальная деятельность, опирающаяся на определенную систему знаний, и представляет собой осмысление фрагмента действительности, которое объективируется в лексической единице.

Концепты представляют собой идеальные абстрактные единицы, которыми человек оперирует в процессе мышления. В их содержании отражены знания, опыт деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, ‘квантов’ знания [7, с. 4].

Концептуализация — один из важнейших процессов познавательной деятельности человека, заключающийся в осмыслении поступающей к нему информации и приводящий к образованию концептов, концептуальных структур и всей концептуальной системы в человеческой психике.

Концептуализация как выделение в целостном представлении о действительности частных элементов предполагает, что оно ‘поделено’ на определенные сегменты и что это деление закреплено в языке [1, с. 13]. Именно поэтому язык является для нас важнейшим источником установления концептов и концептуальных систем и анализа их природы.

Концепт «обладание» является одним из базисных концептов, лежащих в основе общего освоения человеком действительности, но в то же время отличается национально-культурным своеобразием конкретного языкового воплощения, что позволяет выявить концептуальный анализ.

Источниками лексического материала послужили словари различного типа: этимологические и исторические словари как отдельных языков (латинского, французского), так и целых языковых семей (например, славянских языков); словарь индоевропейских корней (Ю. Покорный) [10], толковые словари, словари синонимов; некоторые словарные материалы, приводимые в исследованиях по индоевропейским языкам.

На настоящий момент существует ряд работ, в которых частично затрагиваются проблемы изучения концепта «обладание» на разнообразном языковом материале (Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов «Индоевропейский язык и индоевропейцы» [3] и др., Н. В. Пятаева «История синонимичных этимологических гнезд *em- и *ber- ‘брать, взять’ в русском языке» на материале русского языка [7]).

В центре ядра рассматриваемого концепта находится глагол *avoir*, представляющий его архисему. Как доминанта синонимических рядов глаголов концепта «обладание» *avoir* имеет самую широкую дистрибуцию и отличается самой свободной сочетаемостью. Глагол *avoir* является наиболее обобщенным средством лексической репрезентации концепта, его ключевым словом.

Проведя компонентный анализ, представляем лексическое значение глагола *avoir* как ряд сем, которые актуализируются во множестве контекстов, становясь тем самым концептуальными признаками, составляющими ядро концепта «обладание».

На современном этапе развития французского языка лексическая группа (ЛГ), выражающая концепт «обладание», состоит из 24 лексических единиц, ядро же составляют 11 лексем: *acquérir, attraper, avoir, bénéficier, disposer, (être) doué, — e, jouir, obtenir, posséder, prendre, tenir*.

Данные единицы сконцентрированы вокруг архисемы *avoir* и описывают те или иные ситуации обладания. На основе анализа ядерных лексем представляется возможным выделить следующие основные признаки, органирующие структуру концепта «обладание» во французском языке:

- 1) процесс овладения / состояние обладания;
- 2) акцент на способе получения / акцент на результате;
- 3) отношение к внутреннему миру человека / отношение к внешнему миру, окружающей действительности;
- 4) отторжимость объекта обладания / неотторжимость объекта обладания;
- 5) акцент на насилии при овладении / отсутствие подобного акцента.

После рассмотрения структуры концепта в синхронии возникает вопрос о том, насколько национально специфична его структура, когда и при каких обстоятельствах она сформировалась.

Современное состояние структуры концепта «обладание» является закономерным результатом его длительного развития в диахронии. Определение каждого концепта — процесс, сходный с определением понятия в логике. Но между тем и другим есть очень важное различие. Определение концепта <...> складывается из исторически разных слоев, различных и по времени образования, и по происхождению, и по семантике, а поэтому способ их суммирования в определении по самому существу дела является генетическим; концепт получает всегда генетическое определение [8, с. 60].

Что касается других романских языков, то в итальянском, как и во французском языке, *avere* является основным глаголом выражения обладания и практически совпадает в своих значениях с французским *avoir* (хотя в итальянском языке сохраняется значение ‘держат’, например, *avere in mano* — ‘держат в руке’) [4, с. 44]. А, например, в испанском языке значение глагола *haber* ‘иметь, обладать’ считается устаревшим. Чаще всего он используется как вспомогательный глагол для образования сложных временных форм глагола, например, *he leído* — ‘я прочитал’; как самостоятельный глагол у него отмечаются значения: ‘иметься, находиться’: *hay mucha gente en la plaza* — ‘на площади много народу’; ‘захватывать’; ‘быть должным’: *has de estudiar* — ‘ты должен учиться’. Основным же глаголом, выражающим концепт «обладание», является *tener* (< лат. *tenere* ‘держат (в руке)’ и, как производные значения, ‘обладат’, ‘занимат’), который соединяет и значение ‘держат (в руках), удерживат’: *tener las riendas* — ‘держат вожжи’, и ‘иметь, обладат, располагат’: *tener bienes* — ‘владет имуществом’.

ством', tener tiempo libre — 'располагать свободным временем' [2, с. 267].

Языковое выражение концепта «обладание» в романской лингвокультуре через латинскую восходит к индоевропейскому праязыку. Ядерное слово *avoig* восходит через лат. *habēre* к индоевропейскому (и. — е.) корню *g (h) *abh* — 'хватать, брать'.

Одна из важнейших особенностей языкознания XX века — стремление к описанию лексики как явления системного порядка. Системность лексики проявляется в том, что слова вступают друг с другом в различные отношения и образуют взаимодействующие группы и ряды (тематические группы, синонимические ряды, антонимические пары, лексико-семантические группы, семантические поля) [6, с. 38]. Все более важное значение приобретает исследование изменений в системе лексических групп, объединяемых общностью корня (словообразовательных, корневых и этимологических гнезд), что дает возможность компактно и наглядно показать не только непосредственные, но и все опосредствованные мотивации и тем самым продемонстрировать динамику системы.

Обращение к истории корневых групп позволяет подойти к решению основной задачи современной лексико-

логии — описанию лексики в целом как развивающегося явления, определению качественных (формальных и семантических) и количественных изменений в словарном составе языка на всем протяжении его развития [7, с. 1].

Исследования подобного рода могут носить как синхронический, так и диахронический характер. На синхроническом срезе изучаются словообразовательные гнезда, в диахроническом аспекте чрезвычайно актуально изучение этимологических гнезд, позволяющее раскрыть все изменения (фонетические, морфологические, семантические), происходящие в гнезде на протяжении его исторического развития.

Семантическая структура лексического гнезда аналогична структуре многозначного слова, но она богаче по своим возможностям, ибо дает больше оснований для реконструкции реальной семантической деривации, особенно когда лексическое гнездо анализируется на пространстве нескольких или всех родственных языков. При таком масштабе семантического обзора роль метафорических механизмов непосредственной деривации (от значения к значению) заметно понижается, зато повышается степень мотивированности разных значений общей исконной семантикой этимона или некоторой метафорой более общего характера [9, с. 549–562].

Литература:

1. Берестнев, Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте: Учебное пособие. — Калининград: Изд-во КГУ, 2002.
2. Большой испанско-русский словарь. *Gran Diccionario Español-Ruso*. / Б. П. Нарумов, Н. В. Загорская, Н. Н. Курчаткина и др. Под ред. Б. П. Нарумова. 150 тыс. статей. ООО «Русский язык — Медиа», 2003.
3. Гамкрелидзе, Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы, книга 1. — Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
4. Итальянско-русский словарь / Г. Ф. Зорько. — М.: Астрель, АСТ, 2001.
5. Муратова, Е. Н., Сенцов А. Э. Выражение концепта «народ» в английской лингвокультуре // Молодой ученый. — 2011. — № 10. Т. 2. — с. 35–37.
6. Муратова, Е. Н., Сенцов А. Э. Сопоставительный анализ ключевых слов, обслуживающих понятие «народ», во французской, русской и английской лингвокультурах // Молодой ученый. — 2011. — № 10. Т. 2. — с. 37–40.
7. Пятаева, Н. В. История синонимичных этимологических гнезд *em- и *bег- «брать, взять» в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 1995.
8. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд-е 2-е, испр. и доп. — М.: Академический проект, 2001.
9. Толстая, С. М. Семантика реконструкция и проблема синонимии в праславянской лексике // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. / Отв. ред. А. М. Молдаван. — М.: Индрик, 2003.
10. Pokorny, J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. — Leipzig, 1984.

К вопросу о формировании выражения концепта «обладание» во французском языке (исторический аспект)

Червяко Татьяна Павловна, студент

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Ключевые слова: история французского языка, концепт «обладание», латинский язык, семантическая структура.

Основной лексической единицей выражения концепта «обладание» на современном этапе развития французского языка, как и на всем протяжении его истории, является глагол *avoir*. Глагол *avoir* отмечается уже в первых памятниках французской письменности (ок. 880 г.). В старофранцузском языке он имел форму *aveir* (*Cantilène de Sainte Eulalie*, X век) [6, с. 56]. Данный глагол восходит к латинскому *habēre* ‘держатъ, иметъ’. В народной латыни *h* отпадает, *b* переходит в *v* в позиции между гласными, а *ē* в открытом слоге лабиализуется и переходит в нисходящие дифтонги [ei] > [oi], позже фиксируется изменение написания на *avoir*.

Как показывают генетически близкие образования в других родственных языках, первичным для лат. *habēre* является значение ‘держатъ’ [7, с. 408]. Так, в оскском и умбромском языках, которые как и латинский входят в италийскую ветвь индоевропейских языков, фиксируются формы —*haf* [*iar*] оск. «содержит, имеет» и *habe* умбр. ‘держит, владеет’ [7, с. 408].

Глагол *habēre*, исходный для *avoir*, являлся основным глаголом, который выражал концепт «обладание» в латинской лингвокультуре. Наблюдается преемственность между двумя лингвокультурами (латинской и французской) в языковом выражении такого важного для миропонимания концепта (французская культура и язык являются романскими по происхождению, т.е. берут начало в латинской культуре и языке).

В латинском языке встречается достаточно много производных от *habēre* лексических единиц. Так глагол *habitāre*, близкий по значению глаголу *vivere* (который был ядерным словом в ЛГ, выражающей концепт «жить») и заимствованный во французский язык как *habiter* ‘жить, проживать’, был интенсивной формой к *habeo*, *ēre*. От него, в свою очередь, производные *habitatio*, *ōnis* ‘проживание, жилье’; *habitator*, *ōris* ‘обитатель, жилец’. У прилагательного *habilis*, *e* отмечаются значения ‘легко управляемый, послушный, удобный, годный и способный’ [3, с. 356]. *Habilis* было также заимствовано во французский юридический язык в конце XIV в. со значением ‘умелый, способный’ [6, с. 361], и значение это сохранилось до наших дней. Сравнивая семантику *habēre* и его производных, отмечаем, что в латинском языке наблюдается перегруппировка сем, происходит смещение акцента с собственно обладания на его характеристику (что иметь как

иметь). Так *habitāre* — фреквентатив, обозначает многократное действие, т.е. ‘многократно иметься на одном и том же месте’ → ‘жить, обитать’.

В латыни фиксируется и существительные, образованные от глагола *habēre*: *habentia*, *ae* ‘имущество,житки, добро’; *habitudo*, *inis* ‘внешний вид, наружность’; *habitus*, *ūs* ‘внешность, облик’, ‘платье, костюм’ и ‘особенности’ [3, с. 355]. Таким образом, актуализируется обладание как в сфере имущественных отношений, так и в сфере физиологической и ментальной. Вместе с тем отмечаются следующие производные: глагол *debēre* ‘получить, унаследовать от кого-либо; быть обязанным кому-либо’, ‘долженствовать’ (развившийся во фр. *devoir* ‘долженствовать’); глагол *inhibēre* ‘удерживать, сдерживать’, т.е. ‘иметь, удерживая’, заимствованный в форме *inhiber* во французский язык юриспруденции в значении ‘запрещать, налагать запрет’ (конец XIV в.) [6, с. 392]; отглагольное существительное *habēna*, *ae* ‘ремень, узда’, во множественном числе ‘возжи; бразды правления, власть’ (напр., *habenae rerum* ‘государственное управление’) [3, с. 355]. Последнее существительное входит в ЛГ со значением ‘держатъ, брать’, как и глагол *inhibēre*, а у глагола *debēre* семантика долженствования развивается на основе тех же пространственных отношений (‘получать, брать что-либо от кого-либо’ ‘быть должным, обязанным своему благодетелю’), таким образом, концепт «обладание» пересекается с концептом «долженствование».

Такое обилие производных, возможно, является способом преодоления синкретизма лат. *habēre*. Расширение полисемии ключевого слова одного концепта приводит к выделению его частей в отдельные концепты, происходит процесс формальной (как *inhibēre*, *debēre*) или семантической (омонимы и т.д.) деривации.

Учитывая семантическую структуру глагола *habēre* и его производных, видим основания утверждать, что значение ‘иметь, обладать’ у глагола *habēre* не было основным. Оно было вторичным, появившимся в ходе развития латинского языка, т.к. обычно более сложное абстрактное значение ‘иметь’ развивается на основе значений пространственных (более наглядных, конкретных, доступных зрительному восприятию), а не наоборот [2, с. 284].

Рассмотрев структуру концепта в латинском языке, перейдем к истории его становления во французском языке.

В ранних памятниках старофранцузского языка *avoir* отмечается в значениях, которые фиксировались и у латинского *habēre* — ‘владеть’, ‘ощущать, думать’, ‘иметь в своем распоряжении’. Позже (с 1000 г.) *avoir* чаще употребляется в значении ‘ощущать, испытывать чувство’: — *avoir mal* ‘испытывать чувство боли’; затем, ‘владеть благами’ — *avoir des biens* (1050). Кроме того, в XII веке глагол фиксируется в значении ‘овладеть женщиной (физически)’, а в XIII веке оно было расширено и у *avoir* появляется значение ‘овладевать, ловить, поймать’, например, *je l'aurai* — ‘я его поймаю’ (т.е. иметь в будущем, овладеть в результате действия).

Кроме того, глагол использовался как вспомогательный (X в.) в глагольных формах; в различных конструкциях, в которых наблюдалась его полная или частичная десемантизация. С XI в. используется конструкция “*avoir à* (плюс инфинитив)”, которая выражает долженствование, обязанность сделать что-либо. В виде “*n'avoir qu'à*” данный оборот имеет значение ‘не иметь другого выхода, кроме как...’: — *tu n'as qu'à t'en aller* — ‘тебе остается лишь уйти’. В XVI веке в литературе отмечается безличный оборот *il y a* ‘имеется’, в котором *avoir* становится формальным связующим знаком между говорящим и высказываемой им мыслью: *il y a des personnes qui le disent* — ‘есть те, кто говорит это’ [8, с. 153]. Десемантизация характерна и для русского глагола *иметь*, который образовывал с существительными сочетания типа *дерзновение иметь* (вплоть до XVI в.), но в русском языке подобные выражения отмерли.

В XVI–XVII вв. у глагола *avoir* отмечается очень много новых значений, выражающих 1) душевное состояние человека: *avoir en grande faveur* — ‘любить кого-либо’; 2) характеристику: *avoir du courage* — ‘быть храбрым’; 3) действие: *avoir quartier libre* — ‘получить отпуск из казармы’ и т.д. В основном полисемия глагола увеличивается путем метафорического переноса характеристик и процессов материального мира в область чувств, мыслей, взаимоотношений между людьми, во внутренний мир человека. Это свидетельствует о значительном прогрессе французского литературного языка в период ренессансно-гуманистического движения и Просвещения. Развитие философии и других гуманитарных наук, различных жанров литературы, как и повышение общей образованности, культуры вызвало расширение рамок концепта «обладание» во французской лингвокультуре.

Таким образом, во французской лингвокультуре, которая берет свое начало в лингвокультуре латинской, концепт «обладание» менее многогранен, основная лексическая единица его выражения менее полисемична. Многие значения лат. *habēre* во французском языке вы-

ражаются исключительно самостоятельными лексемами (*devoir* ‘долженствовать’, *habiter* ‘жить, проживать’, *inhiber* ‘сдерживать, замедлять; запрещать’). Таким образом, происходит ‘сжатие’ концепта «обладание» во французской концептосфере, что объясняется самой историей формирования языка французов. Субстратно-суперстратные отношения подразумевают определенный период двуязычия носителей нового зарождающегося языка. Формирующееся галло-романское языковое сознание усваивало латинскую языковую картину мира, постепенно перерабатывая ее, сопоставляя с языковой картиной мира кельтского населения. Для выражения ряда значений, присущих лат. глаголу *habēre*, в языке кельтов, возможно, уже существовали свои собственные лексемы, и поэтому французский глагол *avoir* не развил всех граней концепта «обладание», выражаемых в латинской лингвокультуре глаголом *habēre*.

Все вышеуказанное еще раз подтверждает тезис о древности исследуемого концепта «обладание». Сама история становления данного концепта, его развития иллюстрирует последовательные цивилизационные этапы в латинской, а затем во французской культуре, отражает изменения, происходившие в обществе, его усложняющуюся социальную структуру [4, с. 37].

Концепт «обладание» представляет собой семантически гетерогенную область, включающую в себя разные виды обладания: обладание материальными объектами, обладание семейно-родственными, функционально-служебными и другими отношениями, характеризующими человека, обладание различными частями и органами тела, а также физическими, психическими качествами и состояниями [5, с. 39]. Рассматриваемый концепт является, безусловно, одним из основополагающих в культуре любого народа. Он очень ярко иллюстрирует представления о мире у того или иного народа.

Важно отметить, что разные народы по-разному ‘кроят’ окружающую действительность и на этой основе возникают своеобразные наивные картины мира, четко обозначенные в соответствующих языках. Таким образом, обозначившиеся в разных языках концептуальные системы отличаются друг от друга. Таким путем проявляются различия в наивных картинах мира в целом [1, с. 16]. Более того, с ходом времени меняется строй концептов и внутри одной картины мира, внутри одной ментальности (что и иллюстрирует представленный в настоящем исследовании материал).

Дальнейшее исследование концепта «обладание», его языкового выражения во французской лингвокультуре позволит еще глубже раскрыть особенности мировидения ее носителей через призму этого важнейшего для любого языка концепта.

Литература:

1. Берестнев, Г. И. Семантика русского языка в когнитивном аспекте: Учебное пособие. — Калининград: Изд-во КГУ, 2002.

2. Гамкрелидзе, Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы, книга 1. — Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984.
3. Дворецкий, И. Х. Латино-русский словарь. Изд-е 5-е, стереотипное. — М.: Русский язык, 1998.
4. Муратова, Е. Н., Сенцов А. Э. Выражение концепта «народ» в английской лингвокультуре // Молодой ученый. — 2011. — № 10. Т. 2. — с. 35–37.
5. Муратова, Е. Н., Сенцов А. Э. Сопоставительный анализ ключевых слов, обслуживающих понятие «народ», во французской, русской и английской лингвокультурах // Молодой ученый. — 2011. — № 10. Т. 2. — с. 37–40.
6. Dubois, J., Mitterand H., Dauzat A. Dictionnaire étymologique de la langue française. — Paris: Larousse, 2001.
7. Pokorny, J. Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. — Leipzig, 1984.
8. Rey, A. Dictionnaire historique de la langue française. — Paris, 1992.

Реализация представлений о духах природных локусов в украинской фразеологии

Чибор Ирина Степановна, аспирант

Черновицкий национальный университет имени Юрия Федьковича (Украина)

В статье проанализированы фразеологические единицы украинского языка, в которых отражены демонологические представления о духах природных локусов (земляного, полевого, водяного, лесного), описано этнокультурный фон возникновения исследуемых фразеологических единиц, соотносимых с мифологическим кодом культуры.

Ключевые слова: фразеологическая единица, компонент, этнокультура, демонологические представления.

Для исследовательской парадигмы современной лингвистики актуальным остается изучение языковых единиц в этнолингвистическом и лингвокультурологическом аспектах. Фразеологизмы как знаки языка и культуры отражают этнокультурные особенности видения мира и его интерпретации носителями языка. Проблеме взаимной связи национальной культуры и фразеологии посвящен ряд работ (Б. Гудкова, М. Жуйковой, А. Ивченка, В. Ковалю, М. Ковшової, В. Маслової, В. Мокиєнко, Л. Савченко, М. Скаб, В. Телія, Е. Тредера, В. Ужченко и др.), однако состояние исследований вопроса взаимозависимости фразеологии и мифологического мировоззрения требует детальной проработки в рамках кодов культуры, методология изучения которых разработана В. Телія [1], М. Ковшової [2], Л. Савченко [3]. Предложенная статья посвящена особенностям интерпретации во фразеологии украинского языка демонологических представлений о сверхъестественных силах, духах, населяющих природу, и раскрывает один из аспектов данной проблемы.

Цель статьи — описание этнокультурных особенностей фразеологических единиц (ФЕ), сопоставимых с представлениями о духах природных локусов, выяснение генезиса исследуемых единиц.

Система демонологических представлений в украинской культуре чрезвычайно богата. Первоначальные представления славян о сверхъестественных существах (добрых и злых духах, демонах) базировались на анимистическом восприятии окружающего мира, что стало при-

чиной появления представлений о духах природы: водяного, лешего, полевого и т.п. Среди представлений о духах, населяющих только для них присущий природный локус, в украинской фразеологии сохранились представления о земляном, полевом, водяном, лесном духах, место пребывания которых недра земли, поле, водоемы и лес соответственно.

Образ земляного духа, как свидетельствуют этнографические источники, воплощает в себе „противостояние сил природы вмешательству человека в недра земли” [4, с. 83; ср. 5, с. 21], однако украинская фразеология отображает представление, согласно которому во владение земляного духа человек попадает после смерти, ср. диалектное восточнослобожанское, степное *земляний по-зав (покликав)* с семантикой ‘кто-нибудь умер’ [6, с. 220]. Развитие представлений о земляных духах привело к появлению в народной демонологии нового персонажа — духа рудников, что предохраняет подземные богатства. Во фразеологии восточнослобожанских и степных говоров украинского языка отражены современные представления о земляном духе, а именно о Шубине. Как свидетельствуют фольклорные материалы, записанные В. Ужченко и Д. Ужченко, Шубин — это земляной дух, который существовал еще задолго до того, как построили шахты, а теперь забирает к себе тех людей, которые нарушают его покой; черт; дух погибшего шахтера или его призрак [см. 6, с. 542]. Происхождение названия *Шубин*, по одной из версий, звукоподражательное от „шу-шу-шу, звуков, сопровождающих выбросы газа” [6,

с. 543], по другой — от слова *шуба*, то есть Шубин — ‘тот, кто в шубе’. Известно, что на шахтах есть люди, обязанностью которых является проверка мест, где собирается газ. С защитной целью в таких случаях носили шубу, однако довольно часто такая проверка имела летальный исход. По верованиям шахтеров, дух погибшего таким образом человека остается в шахте. Самая правдоподобная версия связывает происхождение лексемы *Шубин* с фамилией погибшего шахтера [см. 6, с. 543]. С компонентом *Шубин* в украинском языке функционируют следующие ФЕ: *Шубін ходить (ходе)* — ‘посадка породы, сопровождается треском кровли’ [6, с. 543], *Шубін гуляє, Шубін товчється* со значением ‘садится лава’ [6, с. 543], *Шубін пробіг, Шубін розгулявся, Шубін розсердився, Шубін злиться* — ‘валится лава’ [6, с. 543]. Указанные ФЕ отражают мифологическое мировоззрение народа, согласно которому определенные процессы в природе, в этом случае в недрах земли, объясняли действиями сверхъестественной силы, земляного духа. Собранный материал свидетельствует о бытовании верований о Шубине, который по своей внутренней природе добрый, и если его не раздражать, то он помогает шахтерам: предупреждает об обвалах в шахте, *Шубін крис розігнав* — ‘угроза обвала в шахте’ [6, с. 543], помогает в работе, *Шубін поміг* — ‘выполнение плана с помощью неизвестной силы’ [6, с. 544]. По поверьям, перед спуском в шахту запрещено говорить о Шубине, ведь это приведет к встрече с ним, после которой человек не вернется к земной жизни, отсюда ФЕ: *Шубін прибрав, Шубін забрав*, имеющие значение ‘кто-нибудь погиб на шахте’ [6, с. 543].

Представление о полево́м духе, живущим в полях [см. 7, с. 194; 5, с. 115–116; 8, с. 467] реализуется через компонент *польовий дідько* в пословице *кукіль — то полевого дідька робота* [9, с. 451]. Компонент *дідько*, обобщенно обозначает нечистую силу и подчеркивает трактовку полевого духа как демонической силы, враждебно настроенной к людям.

По анимистическим представлениями, водоемы — место локализации водяного духа, для обозначения которого в украинском языке функционируют лексемы *водяник (водяний)* і *топельник* (распространенная в юго-западном наречии). Водяной — обладатель всего водного пространства [см. 10, I, с. 396], которого представляли „старым голым волосатым дедом с длинной косматой бородой” [8, с. 109; см. 5, с. 118]. Общеславянское представление о происхождении водяного от утопленников [11, с. 416; 10, I, с. 396; 5, с. 118; 12, с. 128] представлено в ФЕ диалектное восточнослобожанское, степное *стати водяним* — ‘утонуть’ [6, с. 110], а также в значении лексемы *топельник* — ‘злой дух, живущий в воде’. И. Франко, подавая устойчивое сочетание *там є топельник* — ‘так говорят о глубокой воде, в которой можно утонуть’ [13, III, с. 217], добавляет этнографическую справку: „народное верование о утопленных людях, души которых будто бы сидят в глубоких омурах и тянут за ноги тех, что там купаются или плавают” [13, I, с. 291], ср.

также *втопленник у воді за ногу хапає* — ‘верования, что судорога, которая часто корчит ногу тому, кто купается в глубокой воде, — это прикосновение утопленника, который пытается живого человека затянуть на дно’ [13, I, с. 291]. С утонувшими лицами женского пола водяной мог вступать в супружеские отношения, отсюда ФЕ диалектное восточнослобожанское, степное *оженитися з водяним* — ‘утонуть’ [6, с. 110]. Действие со значением ‘тонуть’ метафорически представлено в ФЕ *водяного лякати* [6, с. 110], а результат этого действия отражен как своеобразный процесс коммуникации с водяным, ср. ФЕ *водяний покликав* — ‘кто-нибудь утонул’ [6, с. 110], *сходити до водяного в гості* — ‘утонуть’ [6, с. 110], функционирующие в восточнослобожанских, степных говорах.

Фразеология украинского языка аккумулирует также представление о русалках. Согласно верованиям, русалками становились лица женского пола, утонувшие во время купания [7, с. 203; 14, с. 413; 10, IV, с. 497], поэтому место их локации — дно водоемов, ср. *сміється, як русалка в морі* [15, с. 214]. С указанными представлениями связано возникновение диалектных ФЕ: *ганяти русалок* [6, с. 437], *сходити до русалки в гості* [6, с. 437], *затягли русалки* [6, с. 437], функционирующих в восточнослобожанских и степных говорах, с семантикой ‘утонуть’. Русалки являлись людям в образе красивых девушек с длинными распущенными волосами [7, с. 203; 5, с. 129], что и отразилось в ФЕ: *коси наче в русалки* [15, с. 36] диалектное полесское *коса як в русалки* — ‘о роскошных волосах, заплетенных в косу’ [16, с. 111].

По демонологическим представлениями украинцев, блуд — нечистая сила, которая локализуется в лесу на определенных местах и, притупляя сознание людей, сводит их с пути, чтобы навредить или вообще уничтожить [см. 5, с. 122–123; 12, с. 134; 8, с. 42]. В словаре Б. Гринченка *блуд* — ‘нечистая сила, сбивающая с дороги’ [17, с. 76]. С таким же значением лексема *блуд* функционирует в гуцульских говорах: ‘нечистая сила, которая сбивает с дороги’ [18, с. 45]. И. Франко, фиксируя ФЕ *блуд ми сі вчепив*, подает этнографическую справку: „народное верование олицетворяет блуд, который сидит в лесу только на определенных местах и там невидимо цепляется прохожих и водит их вокруг, не давая найти исходной дороги” [13, I, с. 61]. Диалектные фразеологические источники фиксируют описанную ФЕ с несколько отличным значением, ср. лемковское *блуд ся вчепыл* — ‘кто-либо не может найти выход из трудного положения’ [19, с. 27]. Первоначально затруднительным положением было состояние блуждания, как результат влияния на человека нечистой силы. Позже в результате демифологизации представлений произошли изменения в семантике ФЕ, на современном этапе ФЕ характеризует человека в безвыходном, затруднительном положении в целом без привязки к ситуации блуждания.

В украинской фразеологии сохранены представление о блуде как о нечистой силе, которая цепляется к чело-

веку, нападає на нього или берєт его, ср. ФЕ: *блуд мене допитався* [9, с. 503], *блуд мя допитався* [13, I, с. 61], которую И. Франко подаєт с семантикой 'хлопоты, баламутство, неуверенность или обман' [13, I, с. 61], *блуд ми сі взяв* [13, III, с. 387], диалектное буковинское *блуд напав* — 'сбилсся с дороги' [20, с. 33]. Лексикографические труды XIX — XX века фиксируют ФЕ с компонентом *блуд* в форме вопросов: *Який тебе блуд узався?*, то есть 'Куда ходишь? Где замешкался так долго? Глупости говоришь?' [13, I, с. 61], *Чи ти блуд напав?* с объяснением 'Ты спятил, не знаєшь, что говоришь?' [13, I, с. 61] или 'Ты съ ума сошелъ?' [17, с. 76]. Со значением 'сойти с ума' в полесских говорах функционирует ФЕ *блуд взяв* [16, с. 33]. По нашему мнению, семантика этих единиц кодирует этнокультурную информацию о способе воздействия на человека нечистой силы, а именно притупление сознания до такой степени, что человек теряет здравый смысл и бродит часто даже в знакомом месте, ср. пословицу *як на чоловіка блуд нападе, то серед села дороги не найде* [13, I, с. 61]. Однако, по народным представлениям, существовали и определенные места, где „держится блуд“, и любой в таком месте из-за своей неосторожности может заблудиться, о таком месте говорят: *тут якийсь блуд водит* [13, I, с. 61], ср. также ФЕ *блудна дорога* — 'не та дорога, которая нужна' [21, с. 69; 17, с. 76], возможно, первично и дорога, на которой локализовался блуд. Представление о существовании таких мест фиксирует современная фразеология украинского языка, ср. ФЕ *заводити / завести в блуд* — '1) запутывать, сбивать кого-либо из прямой дороги; 2) заставлять кого-либо отклоняться, отходить от правильного понимания чего-либо' [22, с. 300].

Действие *блудить* и состояние *заблудиться* в народных представлениях связаны с вмешательством нечи-

стой силы [см. 10, I, с. 197], что отражено в ФЕ: *блудом ходити* — 'бродить, не зная куда идти' [21, с. 3, 65; 17, с. 76], диалектное буковинское *ходитьи блудом* — 'бродить' [20, с. 33–34], *у блуд ніти* — 'пойти бродить' [21, с. 90; 17, с. 76]. И. Франко фиксирует ФЕ *блудом пішов* с таким объяснением: 'о человеке, который не любит сидеть дома и слоняется по службам, по заработкам или просто без дела' [13, I, с. 61]. Как видим, семантика указанной ФЕ прямо не указывает на мифологическую мотивацию, однако образ сценария безуспешного перемещения человека в пространстве в связи с действием нечистой силы перенесено на процесс блуждания человека, что не может найти постоянного занятия, которое бы приносило пользу.

Таким образом, демонологические представления о духах природных локусов, в частности, о земляном, полевым, водяном духе, русалке и блуде, эксплицитно кодируются во фразеологии украинского языка, что свидетельствует о сохранении указанных представлений в сознании носителей языка. Проанализированный фактический материал дает возможность утверждать, что, с одной стороны, представления о духах природных локусов в украинской этнокультуре продолжают развиваться, в результате чего фразеологический состав языка пополняется новыми единицами; с другой — происходит процесс демифологизации представлений, результатом которого являются изменения в семантике исследуемых единиц. В данной статье проанализированы более 40 ФЕ, генезис которых связан с представлениями украинцев о духах природных локусов. Перспективы дальнейших исследований в этом направлении видим в анализе фразеологических единиц, соотносимых с представлениями о демонических существах, которые обобщенно олицетворяют нечистую силу (например, чорт, дідько, біс).

Литература:

1. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры [Текст] / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры / отв. ред. В. Н. Телия. — М., 1999. — с. 13–24. 89.
2. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: коды культуры [Текст] / М. Л. Ковшова; Рос. акад. наук, Ин-т языкознания. — М.: Либроком, 2012. — 453 с.
3. Савченко, Л. В. Феномен етнокодів духовної культури у фразеології української мови: етимологічний та етнолінгвістичний аспекти [Текст] / Л. Савченко. — Сімферополь: Доля, 2013. — 600 с.
4. Давидюк, В. Ф. Українська міфологічна легенда [Текст] / В. Ф. Давидюк. — Львів: Світ, 1992. — 176 с.
5. Гнатюк, В. Нарис української міфології [Текст] / В. Гнатюк. — Львів: Інститут народознавства НАН України, 2000. — 263 с.
6. Ужченко, В. Д. Фразеологічний словник східнослов'янських і степових говірок Донбасу / В. Д. Ужченко, Д. В. Ужченко. — Вид. 6-е, доповн. й переробл. — Луганськ: Вид-во ДЗ „ЛНУ імені Тараса Шевченка“, 2013. — 552 с.
7. Чубинський, П. Мудрість віків. Українське народознавство у творчій спадщині Павла Чубинського [Текст] / П. Чубинський. Кн. 1. — К.: Мистецтво, 1995. — 222 с.
8. Жайворонок, В. В. Знаки української етнопольтури [Текст]: словник-довідник / В. В. Жайворонок. — К.: Довіра, 2006. — 703 с.
9. Українські приказки, прислів'я і таке інше [Текст] / уклад. М. Номис; упоряд., прим. та вступна ст. М. М. Пазяка. — К.: Либідь, 1993. — 768 с.

10. Славянские древности [Текст]: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / под общей ред. Н. И. Толстого. — М.: Международные отношения, 1995—2012. — Т. 1. А — Г. — 584 с.; Т. 4. П—С. — 656 с.
11. Зеленин, Д. К. Восточнославянская этнография [Текст] / Д. К. Зеленин [пер. с нем. К. Д. Цивиной]. — М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 511 с.
12. Іларіон, Митрополит. Дохристиянські вірування українського народу [Текст] / [І. І. Огієнко]. — Київ, 1992. — 424 с.
13. Галицько-руські народні приповідки [Текст] / зібрав, упоряд. і пояснив др. Іван Франко. — Львів: Наук. т-во ім. Шевченка, 1901—1910. — Т. 1—3.
14. Милорадович, В. П. Заметки о малорусской демонологии [Текст] / В. П. Милорадович / Українці: народні вірування, повір'я, демонологія. — К.: Либідь, 1991. — с. 407—429.
15. Українські прислів'я, приказки та порівняння з літературних пам'яток [Текст] / упоряд. М. М. Пазяк. — К.: Наук. думка, 2001. — 392 с.
16. Мацюк, З. С. Із народу не викинеш: діалектний словник фразеологізмів [Текст] / З. С. Мацюк. — Луцьк: РВВ „Вежа” Волин. держ. ун-ту імені Лесі Українки, 2006. — 134 с.
17. Грінченко, Б. Д. Словарь української мови [Текст]: у 4 тт. / Б. Д. Грінченко; упоряд. з дод. власного матеріалу Б. Д. Грінченко. — К., 1907—1909. — Т. 1: А—Ж. — 1907. — 494 с.
18. Хобзей, Н. Гуцульська міфологія: етнолінгвістичний словник [Текст] / Н. Хобзей. — Львів, 2002. — 216 с.
19. Ступінська, Г. Ф. Фразеологічний словник лемківських говірок [Текст] / Г. Ф. Ступінська, В. Я. Битківська. — Тернопіль: Навчальна книга — Богдан, 2012. — 472 с.
20. Словник буковинських говірок / за заг. ред. Н. В. Гуйванюк. — Чернівці: Рута, 2005. — 688 с.
21. Дубровський, В. Московсько-українська фразеологія [Текст] / В. Дубровський. — К.: Друк. б. Київської Друкарської спілки, 1917. — 148 с.
22. Фразеологічний словник української мови [Текст]: у 2 кн. — К.: Наук. думка, 1993. — Кн. 1. — 528 с.; Кн. 2. — 984 с.

Приёмы перевода фразеологических единиц с китайского языка на русский (на материале фразеологизмов со значением «отношения мужчины и женщины»)

Чубинец Анна Андреевна, студент;

Болсуновская Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой
Томский государственный университет

Фразеология (от греч. «фразис» — «выражение», «логос» — «учение») — это совокупность устойчивых сочетаний языка — фразеологизмов. «Языковые заготовки», воспроизводимые в речи, по большей части имеют образную основу, в которой отображается весь мир, целые эпохи из человеческой истории — факты быта, представлений и верований наших предков, реальные события прошлого, т.е. богатство фразеологии есть духовное и материальное богатство народа. Изучение фразеологического состава языка какого-либо народа в контексте его культуры — плодородная почва для обнаружения информации о мировоззрении людей и чертах национального менталитета.

И в русском, и в китайском языках фразеологизмы закрепились в языке как «сжатый текст», «свернутая ситуация». Но в ситуации сопоставления китайских фразеологизмов с русскими явно прослеживается, что языковые картины мира двух народов, как неотъемлемая составляющая ФЕ в большей степени различны. Такое различие

детерминировано историей, обычаями и традициями, природными условиями, религией и ценностными системами народа. Фразеологизмы китайского языка — это наследие прошлого, они родились из древних классических историй, где как нигде выражен национальный компонент. В них говорится о таких китайских реалиях, которые присущи именно и более всего китайскому народу, например, дракон, известные китайские герои. Так, например, фразеологизм 破镜重圆 (pò jǐng chóng yuán) — буквальное значение «два обломка зеркала совпали вместе» является своеобразным «сгущением мысли» классического китайского сюжета. В древности в Китае были супруги, которые разлучились в момент завоевания их страны другой династией. Они разломали зеркало на две части, одна часть досталась жене, другая — мужу. Супруги обещали, что найдут друг друга через год. И год спустя слуги помогли им найти друг друга с помощью обломков зеркал. В настоящее время этот фразеологизм значит «восстановление прежней супружеской связи», «восстановление семьи»

и выражается с помощью 4-х иероглифов. Образность этого фразеологизма поддерживается и тем, что в китайской культуре зеркало — символ честности и избавления от злых влияний.

В нашем исследовании мы решили выявить актуальные и в некоторой степени универсальные приемы перевода фразеологизмов с китайского языка на русский в условиях сходства и различия фразеологического корпуса двух языков. Материалом для исследования послужили русские и китайские ФЕ со значением «отношения мужчины и женщины».

Проведенное нами исследование показало следующие результаты.

1. Сложности, возникающие при сопоставлении китайской и русской фразеологических систем:

— Сам строй китайского языка настолько отличен от русского (концептуальные и предметные различия, различия в форме), что возникают проблемы с определением границ слова, с определением частей речи [1, с. 382].

— Многие китайские устойчивые выражения «привязаны» если не к цитате, то преданию, легенде, притче или легенде [1, с. 382].

2. Особое место во фразеологической системе китайского языка занимают так называемые ченьюи 成语 («готовое выражение») — единицы, построенные по лексическим и грамматическим нормам старого литературного языка веньяня. Как правило, ченьюй состоит из четырех иероглифов.

Иногда необходимо видеть внутреннюю структуру ченьюев для того, чтобы выделить их в тексте и понять их смысл. Одним из приемов перевода ченьюя является выявление его параллельной и непараллельной конструкции.

Наличие параллельной конструкции у ченьюев помогает переводчику выделять их в тексте и определять как их буквальное, так и переносное значение применительно к данному контексту, а также переводить их с учетом данного контекста [4, с. 153].

Например:

男婚女嫁 (nán hūn nǚ jià) «когда мужчина взрослеет, ему нужно жениться, а когда девушка взрослеет, ей нужно выйти замуж».

Слова из разных звеньев ченьюя (1–3, 2–4), входящие в одно семантическое поле и образующие семантическую пару связываются попарно по смыслу, в чем и проявляется явление параллелизма. В приведенном примере первый и третий компоненты (男 — мужчина, 女 — женщина) — антонимы, второй и четвертый компоненты (婚 — жениться, 嫁 — выйти замуж) образованы также из антонимов.

Ченьюи непараллельной конструкции группы не подчиняются лексико-грамматическим ограничительным характеристикам как ЧПК: допускаются самые разнообразные построения по синтаксической структуре и лексическому составу, в их составе встречаются союзы, предлоги, отрицательные частицы [4, с. 165].

天作之合 (tiānzùozhīhé) (небо + делать + соединение) — «союз, совершённый небом (о браке)».

3. В процессе изучения заданной темы было проанализировано множество классификаций способов перевода ФЕ разных теоретиков и был сделан вывод, что наиболее удобной является классификация Т. А. Казаковой. Мы предлагаем рассмотреть ее более подробно. **Традиционно в теории перевода выделяются следующие способы перевода фразеологизмов:**

Полный фразеологический эквивалент — способ, при котором фразеологизм имеет в языке перевода точное, не зависящее от контекста соответствие (смысловое значение + коннотации): «сердце сердцу весть подаёт» (дословный перевод), «сердце с сердцем говорит» (литературный перевод).

Частичный фразеологический эквивалент представляет собой тип переводческого соответствия, в котором значение фразеологизма на переводящем языке (ПЯ) адекватно значению фразеологизма на исходном языке (ИЯ), но по образной основе отличается от него. Такие полуквивалентные фразеологические единицы составляют большую часть корпуса:

齐头并进 (qí tóu bìng jìn) «голова к голове» (дословный перевод) — русский вариант «бок о бок». Смысл обоих фразеологизмов — быть совсем рядом, очень близко, один возле другого, плечом к плечу.

唯命是从 (wéi mìng shì cóng) «муж слушается жену во всем, жена приказывает» (дословный перевод) — русский вариант «под башмаком/каблуком». Значение всех этих фразеологизмов — быть в полной зависимости, часто подразумевается зависимость мужа от жены.

Калькирование позволяет перенести безэквивалентную фразеологию в ПЯ при максимально полном сохранении семантики ИЯ. Сущность фразеологического калькирования заключается в создании нового сочетания в ПЯ, копирующего структуру исходной языковой единицы. Например, китайский фразеологизм, буквальный перевод которого «у супругов волосы связаны». В современном китайском языке этот фразеологизм означает законные супружеские отношения. В древности в Китае у всех были длинные волосы — и у мужчин, и у женщин. Новобрачные отрезали друг у друга локон волос и связывали их, давая зарок любви на всю жизнь и обещание никогда не разлучаться.

Дословный перевод используется для передачи образности и неповторимого колорита национально-этнической составляющей значения ФЕ. Переводчику надо позаботиться о том, чтобы образ воспринимался и был понятен рецептору перевода, обеспечивая полноценность понимания с помощью соответствующих сносок и примечаний. Приведем один пример: китайский фразеологизм, буквальный перевод которого «отношения между государствами Цин и Джин очень хорошие». В основе этой ФЕ лежит легенда. Во времена династии Цунцю, государство Цин (сегодняшняя провинция Шэньси) и соседнее с ним государство Джин (сегодняшняя провинция

Шаньси) часто вели войны из-за земель. Царь государства Дзин решил отдать свою дочь замуж за сына царя Цин. Несколько поколений продолжили эту традицию и таким образом дружили друг с другом. Вот почему в современном китайском языке этот фразеологизм означает «семьи соединились браком детей». Очевидно, что фразеологизм тесно связан с историей, и таких фразеологизмов в китайском языке очень много.

Описательный перевод является способом передачи значения ФЕ при помощи переменного словосочетания, эксплицирующего значение данной ФЕ, что обычно приводит к потере образности и выразительности, например: 同床异梦 (tóng chuáng yì mèng) «супруги спали на одной кровати, но им привиделись разные сны» (дословный перевод) — «хотя супруги живут вместе, они разные: у них разные мысли, мечты, думы» (описательный перевод).

4. Щичко В. Ф. в книге «Китайский язык. Теория и практика перевода» говорит о том, что при переводе ченьюев необходимо знать и учитывать, какие существуют виды ченьюев с точки зрения их прямого и переносного значения [4, с. 154].

Он выделяет такие виды:

Совпадение образной основы и переносного значения

Пример такого ченьюя — 白头相守 (báitóu xiāng shǒu) «до седых волос». Здесь образное и переносное значение и в китайском и в русском языках совпадает, поэтому перевод ченьюя не представляет особой сложности.

Сохранение переносного значения при изменении образной основы (функциональный аналог)

Китайский фразеологизм 溺爱不明 (nì ài bù míng) «любить так сильно, что не замечать недостатков» — русский вариант «души не чаять». Значение — безгранично лю-

бить, обожать, доверяя во всём. Употребляется по отношению к любимым и к ребенку.

Перевод ченьюя без образной основы фразеологизмом с образной основой в русском языке

Китайский фразеологизм «мужчина решает внешнюю проблему, а женщина — внутреннюю» в русском языке имеют эквиваленты с ярко выраженной образностью «как за каменной стеной», «как у Христа за пазухой» Значение всех этих фразеологизмов — быть в полной безопасности, под покровительством, под надёжной защитой.

Описательный перевод при отсутствии аналога ченьюя в русском языке

Китайский фразеологизм, буквальный перевод которого «поднести поднос к своим бровям». Переводя описательно, можно выразить это так — «муж и жена уважают друг друга».

Фразеологические единицы являются основной трудностью для переводчика в китайском языке. Для понимания значения многих фразеологизмов требуется знания из истории, культуры, литературы, традиций и обычаев Китая. Переводчик сталкивается со многими трудными ситуациями, например, когда в некоторых фразеологизмах дословный перевод невозможен из-за искажения смысла и создания неправильных ассоциаций. Также могут отсутствовать русские фразеологические соответствия. Такие трудности связаны с тем, что нации, которые говорят на разных языках, обладают и разным мировосприятием. Корни специфики мировосприятия находятся в образе жизни и психологии того или иного народа, и в свою очередь эти особенности отражаются в языковой картине мира, в силу чего во многих случаях перевод фразеологизма необходимо сопровождать исторической или литературной справкой.

Литература:

1. Корнилов, О. А. «Хайдегеровская» ипостась национального языка и практика сопоставления фразеологических сборников (на материале проекта «Жемчужины китайской фразеологии») // Феномен творческой личности в культуре. II Международная конференция 26–27 октября 2006 г. — М.: Изд-во МГУ, 2006. — С.
2. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка. — М.: Восток-Запад, 2005.
3. Теория перевода [Электронный документ] // Интернет-портал «Your English». (<http://youreng.narod.ru/teorper.html>).
4. Щичко, В. Ф. Китайский язык. Теория и практика перевода. — М.: Восток-Запад, 2004.
5. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методические проблемы фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. — Москва: Языки русской культуры, 1999.
6. Казакова, Т. А. Практические основы перевода English <=> Russian. — СПб.: Издательство Союз, 2001.

От языка «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера до современного английского литературного языка: эволюция сленговых выражений

Эргашева Сарвиноз Баходировна, магистрант
Узбекский государственный университет мировых языков (г. Ташкент)

В статье проводятся сравнения сленговых выражений в англоязычной художественной литературе последних пятидесяти лет.

Ключевые слова: *эмотив; эмоционально-экспрессивная лексика; эмотивная лексика; современный английский язык.*

Сленгизмы, как известно, представляют собой экспрессивные синонимы нормативных лексем, и большая часть сленгизмов является результатом вторичной номинации. В основе такой номинации лежит ассоциативный характер человеческого мышления. Образованные путем переосмысления значения, сленгизмы обладают наибольшей степенью экспрессивности. Сленг является очень динамичным пластом в общей системе языка, в отличие от нейтральной лексики, которая может оставаться неизменной на протяжении столетий [5].

Автором данной статьи был проведен сравнительный анализ различных вариантов перевода сленгизмов в упомянутом романе Дж. Сэлинджера и произведениях современных англоязычных литераторов.

Роман «Над пропастью во ржи» пестрит сленгом подростков начала 50-х годов XX века: например, такими, как "bastard" («ублюдок»), "sap" («умывальный»), "cop" («полицейский»), "corny" («глупый»), "crook" («жулье»), "crummy" («гносный»), "dope" («дурак»), "dough" («бабки»), "folks" («предки»), "goddam" («чертов»), "hot-shot" («классный мужик»), "lousy" («паршивый»), "moron" («кретин»), "panic" («штучка»), "snotty" («злой, презрительный, раздражительный»), "sharp" («шикарный»), "stiff" («мертвец»), "stuff" («ерунда»), "swell" («отпадный»), "terrific" («отличный»), "witch" («ведьма»), "to sock" («ударить в челюсть», «вздуть обидчика»), и ряд др. В исследуемом романе можно выделить две социальные группы: подростки, в основном ученики старших классов американских школ, и их преподаватели, представители мира взрослых, с которыми чаще всего контактирует герой книги и его сверстники [8].

Так, в следующем отрывке главный герой так описывает свое эмоциональное состояние: "I'd have the damn gloves right in my hand and all, but I'd feel I'd ought to sock the guy in the jaw or something — break his goddam jaw. Only, I wouldn't have the guts to do it. I'd just stand there, trying to look tough. What I might do, I might say something very cutting and snotty, to rile him up — instead of socking him in the jaw. Anyway if I did say something very cutting and snotty, he'd probably get up and come over to me and say, "Listen, Caulfield. Are you calling me a crook?" then instead of saying, "You're goddam right I am, you dirty crooked bastard!" all I probably would've said would be, "All I know is

my goddam gloves were in your goddam galoshes" [1, с. 90]. В данном отрывке встречаются сленговые лексемы как средства выражения эмоциональности героя.

Специфический стиль монолога — смесь отчаяния и шутовства, создается благодаря употреблению сленга: "You ought to go to a boys' school sometime. Try it sometime," I said. "It's full of phonies, and all you do is study so that you can learn enough to be smart enough to be able to buy a goddam Cadillac some day, and you have to keep making believe you give a damn if the football team loses, and all you do is talk about girls and liquor and sex all day, and everybody sticks together in these dirty little goddam cliques [1, с. 132].

Надо подчеркнуть, что некоторые слова и обороты, начавшие во времена Дж. Сэлинджера свое существование как сленговые, в настоящее время прочно вошли в литературный язык. Кроме, сфера применения сленга значительно выросла. (К примеру, в произведениях Ч. Паланика (автора романов «Уцелевший», «Колыбельная», «Призраки») выражения сленга можно встретить практически на каждой странице. Данную тенденцию можно проследить и в произведениях других авторов, которые специализируются на описании современного мира. Персонажи в таких произведениях являются людьми, которые так или иначе оказались не приняты обществом. Произведения со сленгами посвящены особым людям, которые ищут, к кому бы им прибиться. Такие авторы подчеркивают тот факт, что писатель каждой своей книгой старается взволновать читателей, взбудоражить их).

Между компонентами современного американского, британского и остального англоязычного сленга существуют как общие, так и отличительные черты. Являясь подсистемой языка, они обладают достаточно четкой формальной структурой.

Сленговая эмоциональность и экспрессивность в современной художественной англоязычной литературе опирается на **образность, остроумие, неожиданность**. Лингвисты отмечают, что употребление стилистически сниженных элементов открывает для писателя неограниченные возможности обогащения текста произведения за счет «более богатого и энергичного лексикона». Сленг служит языковой характеристикой принадлежности к определенной социальной группе, позволяет в про-

цессе общения определить и опознать «своего» среди «чужих» [21, С.112–113]. От сленга следует отличать **диалекты, жаргонизмы, бранные и вульгарные слова**, хотя сленг имеет общие характеристики с каждым из них.

Известно, что ныне, в отличие от 50-х гг. XX в., можно обособить **компьютерный, молодежный сленг, сленг наркоманов, футбольных фанатов и т.д.** [18, 19]. При этом следует помнить, что, к примеру, англоязычный компьютерный сленг является преобладающим в мире (эмоционально-экспрессивно окрашенными здесь являются словообразования, возникшие в результате универбации).

В настоящее время на широкое функционирование сленга в англоязычной литературе большое влияние оказывают **эмигранты**. Очень заметную нишу составляет еврейская, афроамериканская, греческая, китайская, итальянская диаспоры. Лингвисты выделяют так называемое «новое просторечие» («общий сленг»), которое представляет собой обширную группу нестандартных лексико-фразеологических единиц, постоянно пополняющихся за счет различных социолектов.

Следует отметить также, что сленг возникает не сам по себе, а имеет в качестве источников **многообразные жаргоны** — язык хиппи, профессионализмы джазменов, социолекты, т.е. широкий диапазон **всевозможных субкультур**. Понятно, что не все единицы сленга становятся элементами современной англоязычной художественной литературы, а лишь те, которые в наибольшей степени отвечают номинативным потребностям.

Особняком стоит проблема перевода слов, словосочетаний и предложений со сленгами. Здесь часто прихо-

дится сталкиваться с интерференцией — отклонением от норм языка, связанного с лингвокультурной спецификой. Очень часто переводчики, встречая какое-то незнакомое или чересчур эмоциональное выражение, боятся нарушить целостность произведения или не хотят тратить на это время и переводят его нейтрально, смягченно, а порой и вовсе применяют прием опущения. Среди основных проблем перевода сленга можно выделить: необходимость сохранить задумку автора и стиль произведения; сложность перевода нового сленгизма; решение вопроса об опущении и нейтральном переводе сленговых единиц [22].

За последние пятьдесят лет в современной англоязычной литературе сленг продолжает выполнять самые разнообразные функции, самой важной из которой является экспрессивная. При этом остальные функции — коммуникативная, номинативная, экспрессивная, эмоционально-оценочная, мировоззренческая, эзотерическая тесно связаны между собой [11, с.86].

Сленги можно и нужно изучать на занятиях английского языка и литературы, потому что их знание делает анализ более ярким, красочным, выразительным. При условии проведения целенаправленной систематической работы по изучению сленгов, особенностей правильного использования стилистически маркированных слов и словосочетаний, у обучающихся вырабатываются умения и навыки не только отыскивать соответствующие эмоционально-экспрессивные единицы, но и правильно применять их в переводе, что в итоге способствует достижению качественно высокого уровня анализа.

Литература:

1. Salinger, J. The Catcher in the Rye / J. Salinger. — Москва, 2005.
2. Salinger, J. The Catcher in the Rye / J. D. Salinger. — СПб., 2005.
3. Лаптинова, А. В., Яковенко Т. И. Особенности перевода имен собственных на примере романа Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. — 2014. — № 2. — С.41.
4. Петренко, Д. И. Роман Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и его переводы на русский язык. — Ставрополь, 2009.
5. Керефова, Д. Лексические и фонетические изменения, произошедшие в английском языке с 50-х годов XX века по настоящее время на примерах сленговых выражений, представленных в романе Д. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. — 2014. — № 25. — С.165–168.
6. Шильнов, А. Г. Проблема перевода сленговой лексики на примере анализа переводов романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Индустрия перевода. — 2014. — Т. 1. — С.126–131.
7. Степина, И., Чешуина Е. О. Трансформации при переводе в художественной литературе на примере произведения Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Научные меридианы — 2014 / Научно-практическая конференция. — Москва, 2014. — С.117–122.
8. Магомедова, А. Н. Особенности сленга социальных групп (на материале романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи») // Язык. Словесность. Культура. — 2013. — № 2–3. — С.166–182.
9. Ребенко, М. Ю. Субъективная деформация языковой личности Голдена Колфилда в переводах романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 1. — С.170–173.
10. Шалимова, Н. С. Роман Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» как роман-инициация // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 3–4 (34). — С.202–205.
11. Колесниченко, А. А. Функции сленга в повести Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2007. — № 5. — С.82–86.

12. Филимонова, О. А. Бытийная и характеризующая пропозиции как основа событийно-логической структуры художественного текста (на материале романа Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи») // Молодой ученый. — 2011. — № 9. — С. 131–136.
13. Павлова, О. В. Применение метода количественных подсчетов в исследовании средств лексической стилизации (на материале романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. — 2007. — Т. 6. — № 2. — С. 50–56.
14. Колесниченко, А. Н. Сленг в русском и английском языках: структурно-семантический, этимологический, функциональный и стилистический аспекты (на материале произведений Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» и Д. Гуцко «Русскоговорящий»). — Ростов-на-Дону: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Ростовский государственный университет путей сообщения, 2011.
15. Карасик, О. Б. Джером Дэвид Сэлинджер — Джонатан Сафран Фоер. «Над пропастью во ржи» Дж. Сэлинджера и «Жутко громко и запредельно близко» Дж. Фоера // Америка: литературные и культурные отображения. — Иваново, 2012. — С. 360–367.
16. Игнатов, А. А., Митчелл П. Кокни уходящий: положение рифмованного сленга в современном английском обществе // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение — 2013. — № 3 (13). — С. 68–70.
17. Митчелл, П. Д., Зарубин А. Н. Чинглиш — культурный феномен // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2013. — № 1 (9). — С. 69–80.
18. Минаева, В. В. Понятие социальный жаргон и сферы его использования (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2014. — № 5 (61). — С. 285–288.
19. Моргунова, М. Н. Профессиональный жаргон сферы бизнеса в английском языке: структурно-семантический аспект // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. — 2014. — № 2. — С. 145–152.
20. Каверина, Д. А. Сравнительный анализ американского и британского сленга // Молодой ученый. — 2014. — № 20. — С. 718–721.
21. Колесниченко, А. Н. Особенности функционирования английского и русского сленга в художественной литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 5–2 (23). — С. 112–115.
22. Родионова, Е. Д. Особенности перевода английского сленга в художественной литературе // Теоретические и прикладные аспекты лингвистики. Сборник материалов II Международной научно-практической конференции молодых исследователей. МГГУ им. М. А. Шолохова. — Москва, 2014. — С. 179–185.

Способы и источники заимствований в терминологической лексике китайского языка (на примере лексики нефтегазовой отрасли)

Яковлева Екатерина Александровна, студент;

Болсуновская Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой

Суван-оол Евгения Сергеевна, старший преподаватель

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой

Томский государственный университет

В связи с развитием экономики, науки и техники китайский язык пополняется большим количеством новых слов. Китайские компании активно сотрудничают с зарубежными партнерами. Они делятся друг с другом своими достижениями и опытом. Чтобы носителям китайского языка были понятны новые реалии, пришедшие из других стран, необходимо перевести их на китайский язык. Такой источник пополнения словарного запаса китайского языка называется иностранным заимствованием.

Основная цель данной работы — выявить наиболее частые способы и источники заимствований в терминологической

лексике китайского языка на примере лексики нефтегазовой отрасли. Актуальность данного исследования обусловлена существенными факторами близкого соседства и сотрудничества в нефтегазовой отрасли России и Китая. Янь Вэньвэй в своей работе отмечает рост числа заимствований в китайском языке по состоянию на 2000 год. Автор указывает, что заимствования в области науки и техники составляют 45,38% от общего числа. [2]

Иностранные заимствования 外来词 wàilàicí, дословно «слова, пришедшие извне». Заимствование (ино-

странное) — полное или частичное использование лексических единиц других языков. Влияние одного языка на другой выражается наиболее ярко не в фонетике или грамматике, а именно в лексике, в заимствовании одним языком лексических элементов другого. Новые реалии заимствуются, как правило, вместе с их обозначениями. [1, с.210]

Заимствованная лексика — это одно из проявлений лингвистических контактов, языкового взаимодействия народов. [3, с.143]

Существуют разные точки зрения по поводу классификации способов иноязычного заимствования, однако большинство отечественных и зарубежных ученых-лингвистов придерживается следующей классификации, состоящей из 5 способов:

Фонетический способ. Он заключается в передаче звучания иноязычного элемента в китайский язык с помощью существующих единиц. В китайском языке иноязычные, заимствованные элементы могут быть как односложными, так и многосложными. Например: 咖啡kāfēi кофе, 可可kěkě какао

Гибридный способ семантически-фонетического характера заключается в соединении китайской морфемы и фонетического заимствования. Например: 生日卡shēngrikǎ (shēngri «день рождения» + kǎ) «поздравительная карточка с днем рождения

Гибридный способ фонетически-семантического характера заключается в соединении фонетического заимствования и китайской морфемы. Например: 双卡shuāngkǎ (shuāng «пара» + kǎ) «двухкассетник»

Один из способов заключается в соединении фонетического заимствования с родовым словом, которое выступает как классифицирующий компонент. Фонетические заимствования в китайском языке стремятся к понятности и ясности, для этого и используются семантические классы слов. Например: 坦克车tǎnkèchē (англ. tank + chē «транспортное средство») «танк»

Семантический способ. Китайский язык обладает своей спецификой: иероглифическая письменность, фонетическая система, слоговой характер, все это объясняет тот факт, что при переводе иностранных слов часто происходит переход от фонетических заимствований к семантическим. [1, с.214]. Например: 德律风délǜfēng «телефон» было вытеснено семантическим 电话diànhuà

Семантический способ заимствования нередко называют калькированием. Калькирование — простой и доступный для китайского языка способ пополнения словарного состава. На данном этапе китайский язык стремится к замене фонетических заимствований на семантические, для лучшего понимания для самих носителей языка. [3, с.146]

Кальки, бытующие в китайском языке, в соответствии с присущими им особенностями можно подразделить на два типа. К первому типу относятся структурные кальки. В данном случае заимствуется семантико-морфологическая структура иностранного слова или номи-

нативного словосочетания, иными словами, копируется словообразовательная модель единицы. Эти кальки относятся главным образом к терминологической лексике. Например: 马力mǎlì (mǎ лошадь + lì сила) «лошадиная сила»

Ко второму типу — кальки этимологические. Данный пример был заимствован с помощью объяснительного перевода, объяснительный перевод раскрывает смысловое содержание слова. Например: 电视机diànshìjī (diàn электричество + shì смотреть + jī аппарат) «телевизор»

Ряд ученых рассматривает заимствование аффиксов как отдельный способ. Следует отметить факт появления новых значений у старых слов под влиянием иностранной культуры, заимствованию реалий и понятий из жизни других стран. Например: 超人chāorén «супермен»

Касаясь причин заимствования иностранных слов, можно выделить две главные:

1. Необходимость выражения новых значений.
2. Потребность в обновлении лексической системы, замены старых, потерявших свою выразительность лексических единиц на новые, более выразительные. Следует учитывать и веяния времени, популярность и моду на иностранные слова и выражения. [1, с.212]

Рассмотрим несколько примеров терминов иностранного происхождения:

1. 脱气tuōqì = 脱tuō «пропускать» + 气qì «газ» — дегазация (Перевод на английский — degassing). Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово; также относится к этимологическому калькированию, так как был применен объяснительный перевод слова.

2. 钻塔zuàntǎ = 钻zuàn «сверло, дрель» + 塔tǎ «башня» — буровая вышка (Перевод на английский — boring tower; drill tower). Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово, которое передает то же значение из английского языка. Данный пример относится к структурному калькированию, так как была скопирована семантико-морфологическая структура слова.

3. 油田yóutián = 油yóu «нефть» + 田tián «поле» — нефтяное месторождение (Перевод на английский — oil-field) Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово, которое передает то же значение из английского языка. Указанный пример относится к структурному калькированию, так как была скопирована семантико-морфологическая структура слова.

4. 液压泵yèyābèng = 液压yèyā «гидравлический» + 泵bèng «насос» — гидравлический насос, гидродомпа (Перевод на английский — hydraulic pump). Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово, которое передает то же

значение из английского языка. Указанный пример относится к структурному калькированию, так как была скопирована семантико-морфологическая структура слова.

5. 钻柱 — zuānzhu = 钻 zuān «сверлить» + 柱 zhù «столб, колонна» — бурильная колонна (Перевод на английский — drill column). Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово, которое передает то же значение из английского языка. Указанный пример относится к структурному калькированию, так как была скопирована семантико-морфологическая структура слова.

6. 井底 — jǐngdǐ = 井 jǐng «скважина» + 底 dǐ «основа» — забой (Перевод на английский — bottom hole). Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово; также относится к этимологическому калькированию, так как был применен объяснительный перевод слова.

7. 纯净化 — chúnjìng huà = 纯净 chúnjìng «чистый» + 化 huà «превращать» — ректификация, очистка очищение (Перевод на английский — rectification). Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово; также относится к этимологическому калькированию, так как был применен объяснительный перевод слова.

8. 海洋盆地 — hǎiyáng péndì = 海洋 hǎiyáng «моря и океаны» + 盆地 péndì «бассейн» — морские залежи (нефти); океанический бассейн (Перевод на английский — oil pool). Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово; также относится к этимологическому калькированию, так как был применен объяснительный перевод слова.

9. 石油运输 — shíyóu yùnsū = 石油 shíyóu «нефть» + 运输 yùnsū «транспорт, перевозка» — транспортировка нефти (Перевод на английский — oil transport). Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово, которое передает то же значение из английского языка. Указанный пример относится к структурному калькированию, так как была скопирована семантико-морфологическая структура слова.

10. 钻机 — zuànjī = 钻 zuàn «сверло, дрель» + 机 jī «машина, механизм» — буровая машина (Перевод на английский — drilling machine). Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово, которое передает то же значение из английского языка. Указанный пример относится к структурному калькированию, так как была скопирована семантико-морфологическая структура слова.

11. 石油化工 — shíyóu huàgōng = 石油 shí yóu «нефть» + 化工 huàgōng «химическая промышленность» — нефтехимическая промышленность (Перевод

на английский — petrochemical industry). Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово, которое передает то же значение из английского языка. Указанный пример относится к структурному калькированию, так как была скопирована семантико-морфологическая структура слова.

12. 石油库 — shíyóu kù = 石油 shíyóu «нефть, нефтяной» + 库 kù «хранилище» — нефтехранилище, нефтебаза (Перевод на английский — oil tank). Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово, которое передает то же значение из английского языка. Указанный пример относится к структурному калькированию, так как была скопирована семантико-морфологическая структура слова.

13. 采油 — cǎiyóu = 采 cǎi «добыча» + 油 yóu «нефть» — нефтедобыча (Перевод на английский — oil production; petroleum production). Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово, которое передает то же значение из английского языка. Указанный пример относится к структурному калькированию, так как была скопирована семантико-морфологическая структура слова.

14. 钻孔 — zuànkǒng = 钻 zuàn «сверло, дрель» + 孔 kǒng «дыра, отверстие» — скважина (Перевод на английский — cased hole). Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово; также относится к этимологическому калькированию, так как был применен объяснительный перевод слова.

15. 变压器 — biànyāqì = 变压 biànyā «изменение давления» + 器 qì «аппарат» — трансформатор. (Перевод на английский — transformer). Данный термин образован по семантическому способу, поскольку с помощью существующих морфем китайского языка было создано новое слово; также данный пример относится к этимологическому калькированию, так как был применен объяснительный перевод слова.

16. На основании проведенного нами исследования можно сделать следующие выводы:

Во-первых, все разобранные нами примеры заимствований относятся к семантическому способу образования. Это можно объяснить стремлением языка использовать уже имеющиеся в нем составные части (морфемы).

Во-вторых, фонетический и гибридные способы заимствования встречаются достаточно редко. Фонетические заимствования чаще всего описывают явления и предметы, которые не свойственны китайской культуре.

В-третьих, из 15 разобранных нами терминов 6 относятся к этимологическому калькированию, а 9 к структурному. Явления копирования семантико-морфологической структуры слова, главным образом, из английского языка встречаются намного чаще.

Литература:

1. А.Л. Семенов Лексика китайского языка: учебник — М.: Восток-Запад, 2005. — 310 с.
2. Янь Вэньвэнь Иностранные заимствования в китайском языке: существующая обстановка и тенденции развития. [Электронный ресурс]: <http://www.no60school.com/research/sharelw> (дата обращения 25.04.2014)
3. В.И. Горелов Лексикология китайского языка. — М.: Просвещение, 1984. — 216 с.

Ключ 目 mǔ «глаз» в составе китайских иероглифов

Яковлева Екатерина Александровна, студент;

Дедеев Павел Олегович, студент

Болсуновская Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Китайская иероглифическая письменность является уникальной в своём роде: её история составляет уже более 3,5 тысяч лет. Особенность письма как явления культуры состоит в том, что оно непосредственно перекодирует человеческую речь в зрительные образы. [1, с.443] С древнейших времен люди пытались изобразить то, что видели вокруг себя. На протяжении всей своей истории иероглифы подвергались многим изменениям.

Целью данного исследования является анализ значения ключа 目 mǔ «глаз» в китайских иероглифах, определение в каких иероглифах данный ключ сохранил своё значение. В данной статье мы проведем анализ китайских слов, которые являются существительными, прилагательными или несколькими частями речи сразу.

Чтобы проследить сохранилось ли значение ключа в составе иероглифа, необходимо разделить все найденные нами иероглифы по шести категориям знаков китайского письма и по частям речи.

«Шесть категорий» знаков китайского письма — это шесть правил их образования, которые были выведены нашими предками путем анализа структуры китайского письма. Теория шести классов иероглифов достигла зрелости в последние годы западной династии Хань. К этому времени относятся первые достаточно полные описания этих категорий [2, с.335]. Сюй Шэнь [3, с.314]: В «Чжоу Ли» [4, с.85] говорится, что в возрасте восьми лет ребенок поступал в учение; Бао Ши при обучении наследника начинал со следующих шести категорий письма:

1. Указательная категория. Знаки указательной категории видны с первого взгляда; внимательно приглядевшись к ним, можно понять, что они значат. К таковым относятся знаки 上 shàng «верх» и 下 xià «низ». Среди шести категорий категория указательных иероглифов самая многочисленная.

2. Изобразительная категория. Знаки изобразительной категории являются рисунком тех предметов, которые они изображают, а их начертание соответствует форме предмета. К таковым относятся знаки 日 rì «солнце» 月 yuè «луна». Существо этой категории вы-

текает из её названия: пиктограмма — это изображение предмета или же описание формы некоторого объективно существующего предмета. Знаки изобразительной категории развились из пиктограмм. Иероглифы изобразительной категории — это знаки-образы.

3. Фонетическая категория. Знаки фонетической категории образуются как: словом называют предмет, и оно сочетается с указанием на его чтение. К таковым относятся знаки 江 jiāng «река Янцзыцзян» и 河 hé «река Хуанхэ». Знаки фонетической категории состоят из двух частей — смысловой и звуковой.

4. Идеографическая категория. Знаки идеографической категории образуются с помощью объединения сходных значений таким образом, чтобы было видно, на какое значение они вместе указывают. К таковым относятся знаки 武 wǔ «военный» и 信 xìn «верить». Основной структурный тип знаков-идеограмм — это соединение двух пиктографических элементов.

5. Видоизмененная категория. Знаки видоизмененной категории образуются с помощью создания сходных знаков, которые имеют одно и то же значение. К таковым относятся знаки 老 lǎo «старый» и 考 kǎo «предок». Среди всех шести категорий китайского письма категория видоизмененных знаков оказалась самой спорной.

6. Заимствованная категория. Знаки заимствованной категории применяются в тех случаях, когда знак для слова отсутствует, и тогда это слово передается по звучанию. Таковыми являются знаки 长 cháng «длинный» и 令 lìng «приказ». В Большом Китайско-русском словаре мы отобрали слова, которые являются существительными, прилагательными или одновременно несколькими частями речи и содержат в своей структуре ключ 目 mǔ «глаз».

1. 目 mǔ. Данный иероглиф относится к изобразительной категории, может являться и существительным 1) глаз; глаза; [своими] глазами; 2) взор, взгляд; и глаголом в значении 1) смотреть; следить глазами, не сводить глаз (с кого-л.); 2) взглядом выражать недовольство (гнев). Иероглиф совпадает с ключом и полностью сохранил изначальное значение.

2. 盼 *pàn* как прилагательное имеет значение «чистый, ясный; выразительный (*о глазах*)»; как глагол имеет второе значение «смотреть, наблюдать; рассматривать». Данный иероглиф относится к идеографической категории. В данном иероглифе ключ 目 *mù* сохраняет свое значение, поскольку оно выражает характер взгляда.

3. 看 *kàn* является глаголом и имеет значения: 1) смотреть, глядеть (*на что-л.*); (*перед глаголом*): смотри!, берегись!; 2) просматривать, пробегать; читать (*про себя*); 3) рассматривать, разглядывать (*что-л.*); любоваться (*чем-л.*); 4) смотреть, присматривать (*за кем-л.*); стеречь, сторожить (*что-л.*). В некоторых случаях 看 *kàn* является прилагательным и имеет значение «предназначенный для показа (просмотра); показной, ненастоящий, бутафорский». Данный иероглиф относится к идеографической категории. Левая часть иероглифа — это рука 手 *shǒu*, а правая — глаз 目 *mù*. Если человек поднимает руку, стараясь прикрыть глаза от солнца — значить он хочет что-то увидеть. В данном иероглифе ключ 目 *mù* сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

4. 眩 *xuàn* может быть глаголом и существительным. Как глагол 眩 *xuàn* имеет значение «темнеть в глазах, рябить в глазах; мерещиться», а как существительное «рябь в глазах, головокружение». Данный иероглиф относится к фонетической и идеографической категориям, так как он перенял звучание и значение от прилагательного 玄 *xián* «чёрный [цвет]; черно-бурый». В данном иероглифе ключ 目 *mù* сохраняет свое значение, так как оно связано с действием глаза.

5. 眶 *kuàng* — существительное со значением «глазная впадина, глазница». Данный иероглиф относится к видоизмененной категории, так как был образован от 匡 *kuāng* «глазная впадина, глазница». В данном иероглифе ключ 目 *mù* сохраняет свое значение, поскольку оно относится к структуре глаза.

6. 眼 *ǎn* является существительным и имеет значения: 1) глаз, око; 2) взор, взгляд; зрение. Данный иероглиф относится к идеографической категории. В данном иероглифе ключ 目 *mù* сохраняет свое значение.

7. 眦 *zì* — существительное со значением «угол глаза; орбита [глаза], глазница». Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как он частично перенял звучание 此 *cǐ*. В данном иероглифе ключ 目 *mù* сохраняет свое значение, поскольку оно относится к структуре глаза.

8. 眸 *móu* — существительное со значением «зрачок; глаз; взор». Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как он перенял звучание 牟 *móu*. В данном иероглифе ключ 目 *mù* сохраняет свое значение, поскольку оно относится к структуре глаза.

9. 睑 *jiǎn* является существительным и имеет значение «веко». Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как он частично перенял звучание 金 *qīn*. В данном иероглифе ключ 目 *mù* сохраняет свое значение, поскольку оно относится к структуре глаза.

10. 睛 *jīng* — существительное со значением «хрусталик (*глаза*); глазное яблоко; глаз». Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как он частично перенял звучание 青 *qīng*. В данном иероглифе ключ 目 *mù* сохраняет свое значение, поскольку оно относится к структуре глаза.

11. 睫 *jié* может быть существительным и глаголом. Как существительное иероглиф имеет значение «ресница», а как глагол «мигать; мигание». Данный иероглиф относится к идеографической категории. В данном иероглифе ключ 目 *mù* сохраняет свое значение, поскольку оно относится к структуре глаза и его действиям.

12. 睚 *yá* может быть и глаголом и существительным. Иероглиф имеет значения: 1) глазница, угол глаза; 2) гневно смотреть; сверлить [взглядом]; пронизывающий, гневный, яростный (*о взгляде*). Данный иероглиф относится к идеографической категории. В данном иероглифе ключ 目 *mù* сохраняет свое значение, поскольку оно относится к структуре глаза и его действиям.

13. 瞎 *xiā* — прилагательное со значением «слепой; кривой, одноглазый» и глагол «потерять (*зрение, глаз*); ослепнуть, окриветь». Данный иероглиф относится к идеографической категории, так как 害 *hài* имеет значение «вред, ущерб; вредоносный, вредный» и «вредить (*кому-л.*); губить; убивать; увечить (*кого-л.*)». В данном иероглифе ключ 目 *mù* сохраняет свое значение, так как оно связано с характером зрения.

14. 瞳 *tóng* может быть и глаголом, и существительным со значениями: 1) зрачок; 2) отражаться (*в глазах*). Данный иероглиф относится к фонетической категории, так как перенял звучание иероглифа 童 *tóng* в своём составе. В данном иероглифе ключ 目 *mù* сохраняет свое значение.

В 100% проанализированных нами словах ключ 目 *mù* «глаз» сохраняет свое значение. Однако стоит отметить, что чаще всего значение слов связано со структурой глаза и действием глаза, реже значение связано с характером взгляда. Мы не встретили ни одного примера изобразительной или заимствованной категории. Большая часть слов относится либо к идеографической категории (43%), либо к фонетической категории (36%), 7% слов относятся к видоизмененной категории, мы встретили по одному примеру изобразительной категории и смешения сразу двух категорий: фонетической и идеографической. Среди рассмотренных нами примеров 42% слов являются существительными, 7% прилагательными. Остальные слова могут быть разными частями речи, так 36% слов могут быть существительными и глаголами, 14% прилагательными и глаголами.

На основе нашего анализа, можно сделать несколько выводов. Во-первых, в современном китайском языке явление фонетической и идеографической категории достаточно часто. Это можно объяснить стремлением языка использовать уже существующие исходные элементы языка для создания слов, исходные элементы могут влиять на звучание или значение целого слова. Во-вторых, значение

китайского слова связано со значениями ключей в его составе, вне зависимости какой частью речи является это

слово. Зная значения ключей китайского языка, можно предположить значение иероглифа.

Литература:

1. М. В. Софронов Китайский язык и китайская письменность. Курс лекций — М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. — 638 с.
2. В. А. Звегинцев Новое в зарубежной лингвистике. Языкознание в Китае — М.: АСТ: Прогресс, 1989, 472 с.
3. Сюй Шэнь Шовэнь цзэцзы, Бейцзин, 1985, с.314
4. «Чжоу Ли» (Чжоуские установления). Раздел «Дигуань» (Правление земель), параграф «Баоши», с.85, комментарий

Экспрессивность как историческая категория 成语

Яковлева Екатерина Александровна, студент;

Селина Анна Вячеславовна, студент;

Болсуновская Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Хоречко Ульяна Викторовна, кандидат филологических наук, зав. кафедрой

Томский государственный университет

Поскольку фразеологические единицы содержат в себе национально-культурный компонент, фразеология продолжает оставаться объектом многочисленных исследований и в настоящее время. В Китае знание 成语 chéngyǔ показывает степень образованности человека, его ориентированности в истории и культуре. **Фразеологизмы** — готовые выражения, которые являются лексически неделимыми, обладают устойчивым структурным многообразием формы и разным количественным составом [4, с. 127]. К 熟语 shúyǔ (китайские фразеологизмы) относятся 成语 chéngyǔ (готовые выражения), 惯用语 guànyòng yǔ (привычные выражения), 谚语 yànyǔ (пословицы), 俗语 sùyǔ (поговорки), 歇后语 xiēhòuyǔ (усеченные выражения, недоговорки-иносказания). Наше исследование будет направлено на изучение экспрессивности как исторической категории готовых фразеологических выражений 成语 chéngyǔ.

Владимир Иванович Горелов в своей книге «Стилизация современного китайского языка» дает следующее определение 成语 chéngyǔ: «это устойчивое фразеологическое словосочетание (чаще четырехсловное), построенное по нормам древнекитайского языка, семантически монолитное, с обобщенно переносным значением, носящее экспрессивный характер, функционально являющееся членом предложения» [2, с. 42]. **Экспрессивность** — (букв. «выразительность», лат. expressio «выражение») — «свойство определенной совокупности языковых единиц, обеспечивающее их способность передавать субъективное отношение говорящего к содержанию или адресату речи, а также совокупность качеств речи или текста, организованных на основе таких языковых единиц» [3]. Язык рекламы и художественной ли-

тературы, разговорная речь и публицистика обладают высокой экспрессивностью, а язык науки и техники, официально-деловой язык, наоборот, низкой, так как общей задачей экспрессивности является выражение субъективного отношения. 成语 chéngyǔ могут содержать удачные сравнения, юмор и поучительный смысл, поэтому следует сделать вывод о том, что китайские готовые выразительные средства обладают высокой степенью экспрессивности.

Ветров П. П. с точки зрения экспрессивных возможностей разделяет фразеологизмы на собственно-выразительные и изобразительно-выразительные [1, с. 217].

Собственно-выразительные фразеологические единицы являются средством выражения субъективного отношения говорящего к обсуждаемым им вещам. Эти единицы несут в себе эмоционально оценочное значение. Эмоционально-оценочное значение может быть как положительным, так и отрицательным. К собственно-выразительным идиомам можно отнести следующие примеры: 胡说八道 húshuō bā dào «говорить ерунду», 妙不可言 miào bùkě yán «великолепный, восхитительный»

Изобразительно-выразительные средства намного ярче, выразительнее. К ним относятся все виды фразеологических сочетаний: пословицы, поговорки, недоговорки, иносказания, а также афоризмы, нравоучения и др. Например, 一口吃不出个胖子 yīkǒu chī bù chū gè pàngzi «за один присест толстяком не станешь», 己所不欲勿施于人 yǐ suǒ bù yù wù shī yú rén «не делай другому то, чего себе не пожелаешь»

Экспрессивность фразеологических выражений также выражается через синтаксис. Китайские фразеологизмы по своим особенностям могут выстраиваться по модели

словосочетания, и по модели предложения. Многие **成语** **chéngyǔ** могут выполнять роли разных членов предложения. Например, фразеологизм **拖泥带水** **tuōnídàishuǐ** со значением «нечеткий, расплывчатый» может выступать в предложении в качестве глагольного сказуемого, обстоятельства образа действия и определения: **他做报告总是拖泥带水, 罗罗嗦嗦, 叫人打瞌睡。** **Tā zuò bàogào zǒng shì tuōnídàishuǐ, luō luō suo suo, jiào rén dǎ kēshuì.** — Доклады он делает *очень занудно* и ужасно многословно, его слушающие впадают в дремоту. Или **这篇文章写得拖泥带水, 要好好改一改。** **Zhè piān wénzhāng xiě dé tuōnídàishuǐ, yào hǎohǎo gǎi yī gǎi.** — Эта статья написана очень нечетко, ее необходимо как следует доработать. **群众不喜欢拖泥带水的领导。** — **Qúnzhòng bù xǐhuān tuōnídàishuǐ de lǐngdǎo** Народные массы не любят нерешительных руководителей.

Ввиду того, что **成语** **chéngyǔ** являются отражением обычаев, особенностями быта, исторических событий китайского народа, Афанасьев М. П. выделяет различные источники пополнения китайских фразеологизмов:

Мифология — первый источник пополнения **成语** **chéngyǔ**. К **成语** **chéngyǔ** такого происхождения можно отнести: **夸父逐日** **Kuā fù zhú rì** «**Куа-фу** гнался за солнцем» (обр.: предпринимать что-то выше своих сил). Существует миф о великане Куа-Фу, где он поставил перед собой цель нагнать солнце, однако умер от жажды в пути.

История — второй источник пополнения **成语** **chéngyǔ**. Сюда относятся факты из истории китайского государства и исторические факты из жизни обычных людей. Здесь можно привести в пример следующие **成语** **chéngyǔ**: **乐不思蜀** **lèbùsīshǔ** «За весельем не вспоминать о Шу» (обр. в знач.: так веселиться, что позабыть о возвращении домой). Согласно истории, последний царь дома Хань так предался удовольствиям в Лояне, что совсем позабыл о престоле в царстве Шу. Другой пример: **邯郸学步** **hándān xuébù** «учиться ханьданской походке». Во время периода Весны и Осени в Царстве Янь жил один молодой человек. Однажды он услышал, что жители царства Чжао города Ханьдань обладают самой грациозной походкой. Он решил во что бы то ни стало овладеть этой походкой. Ему пришлось преодолеть немало горных перевалов и рек, чтобы добраться до Ханьдань. Он ходил за прохожими Ханьдана с утра до ночи, старался ходить также как они. В итоге, вместо того, чтобы научиться ходить также как и жители города Ханьдань, молодой человек совсем забыл, как раньше ходил, по возвращению домой, он умел только ползать. Данный фразеологизм употребляется в ситуации, когда кто-то старается рабски копировать других и теряет свою собственную индивидуальность.

Ситуации из классических романов Китая — третий источник пополнения. **武松打虎** **Wǔsōng dǎ hǔ** «У Сун убивает тигра». Данная история известна любому китайцу, она описывает прецедентную ситуацию, описанную в романе «Речные заводы». Хорошо подвыпивший У Сун не поверил хозяину харчевни и объявлениям властей о том, что на горном перевале поселился тигр-людоед. Он

решил продолжить свой путь в родной уезд и пройти через горный перевал, не смотря на все предупреждения. В результате ему пришлось вступить в борьбу с тигром, в этой схватке У Сун одержал победу.

Басни — четвертый источник пополнения **成语** **chéngyǔ**. Классическим примером **成语** **chéngyǔ**, источником которого является басня — **守株待兔** **shǒuzhūdàitù** «Сидеть у дерева в ожидании зайца». В басне говорится о человеке, который увидел, как бегущий заяц насмерть разбился о дерево. Человек сел под это дерево, чтобы дожидаться, когда ещё один заяц сделает то же самое.

Религиозно-философские учения — пятый источник. Многие китайские идиомы произошли из классических рассказов Конфуцианства, Даосизма и Буддизма. **佛光普照** **Fóguāng pǔzhào** «Будды свет повсюду излучается».

Реалии обыденной жизни — шестой источник пополнения **成语** **chéngyǔ**. **调虎离山** «Выманивать тигра с гор». Эта идиома говорит нам о том, что если лишить людей привычной для них обстановки, то контролировать их и базделаться с ними будет легче. Основой для этого **成语** **chéngyǔ** стали знания людей о том, что тигр — дикий зверь, который живет в горах, и справиться с ним можно с помощью хитроумного способа.

Нами было проанализировано 158 китайских идиом, из которых 7% идиом имеют свое происхождение из мифологии, 57% из истории (29% произошли из фактов истории китайского государства и 28% из историй бытовой жизни китайцев), 10% **成语** **chéngyǔ** произошли из религий и философий, 12% из литературных произведений, 11% из басен и 3% из фактов обыденной жизни.

Основываясь на исследованиях Горелова, **成语** имеет четкую структуру и по способу образования делятся на два вида: параллельной и непараллельной конструкции. Количественный параллелизм выражается в четырехсловной структуре идиомы. Контактные слова связываются парно, сохраняя внутри значение синтаксического сочетания слов, в итоге **成语** состоит из двух двучленных звеньев. К ним относятся: **自由自在** **zìyóu zìzài** «свободно», **空中楼阁** **kōngzhōnglóugé** «строить воздушные замки».

Лексико-семантический параллелизм заключается в том, что внутри самого **成语** есть морфемы, которые связаны между собой на лексико-семантическом уровне. Можно привести следующие примеры: **百发百中** **bǎifābǎizhòng** «сто выстрелов, сто попаданий», **水落石出** **shuǐluòshíchū** «когда вода спадет, появятся камни».

При грамматическом параллелизме **成语** обладают аналогичной синтаксической структурой. К таким идиомам относятся примеры **甜言蜜语** **tiányánmìyǔ** «сладкие слова, медовые речи», **东转西转** **dōng zhuǎn xī zhuǎn** «обойти вдоль и поперек» (досл. повернуться на восток, повернуться на запад).

При фонетическом параллелизме наблюдается закономерные чередования тонов. Например, **空中楼阁** **kōngzhōnglóugé** «строить воздушные замки», **破镜重圆** **pòjìngchóngyuán** «воссоединение супругов после долгой разлуки» (досл. сломанное зеркало вновь стало целым).

Отдельную группу составляют фразеологизмы непараллельной конструкции. Такие фразеологизмы могут состоять как из четырех морфем, так и из пяти. 成语 этой группы не подчиняются лексико-грамматическим ограничениям, бывают самых разнообразных построений по синтаксической структуре и лексическому составу. Достаточно часто в составе таких 成语 можно встретить служебные слова, союзы, предлоги и отрицательные частицы. Иногда можно наблюдать употребления двойного отрицания, что повышает экспрессивность идиомы. Часто имеет место одновременное использование отрицания 不 и союза 而, что выражает противительные отношения. К фразеологизмам данной группы можно отнести следующие выражения: 无所事事 wúsuǒshìshì «сидеть без дела, бездельничать» (досл. нет никакого дела), 不劳而获 bùláo'érhuò «пользоваться плодами чужого труда» (досл. не трудиться, но получать), 井水不犯河水 jǐng shuǐ bùfàn héshuǐ «невмешательство в чужие дела» (досл. колодезная вода не смешивается с речной водой).

Мы провели анализ 158 китайских фразеологических выражений на разграничение их по группам па-

раллельных и непараллельных конструкций. 50% идиом обладают параллельной конструкцией, и 50% обладают непараллельной конструкцией. В 14% всех идиом прослеживается количественный параллелизм, в 7% лексико-семантический параллелизм, в 20% грамматический параллелизм, и в 9% фонетический параллелизм.

Основываясь на проведенном нами исследовании, можно сделать несколько выводов. Количество китайских фразеологизмов параллельной и непараллельной конструкции практически одинаково. Стоит отметить, среди всех идиом с параллельной конструкцией, больше всего 成语 в которых можно наблюдать грамматический параллелизм. Экспрессивность китайских идиом реализуется за счет синтаксических конструкций, разнообразия происхождения самих идиом, частоты использования в речи. Основным источником фразеологических единиц в китайском языке является история. Однако китайская литература также считается достаточно объемным источником пополнения фразеологического фонда китайского языка.

Литература:

1. Ветров, П. П. Фразеология современного китайского языка: Синтаксис и стилистика — М.: Восточная книга, 2007. — 368 с.
2. Горелов, В. И. Стилистика современного китайского языка. Учеб. Пособие для студентов пед. ин-тов по специальности № 2103. «Иностр. Яз». М., «Просвещение», 1979. — 192 с.
3. Иванов, Л. Экспрессивность [Электронный ресурс] Экспрессивность/ Л. Иванов. — М., 2006. — URL: www.krugosvet.ru (дата обращения: 02.05.2015)
4. Семенас, А. Л. Лексика китайского языка — 2-е изд., стер. — М.: АСТ: Восток-Запад, 2005. — 310 с.

ФИЛОСОФИЯ

Дистанционное образование в условиях становления информационного общества

Абакумова Елена Олеговна, старший преподаватель

Национальный технический университет Украины «Киевский политехнический институт»

Статья посвящена рассмотрению дистанционного образования в контексте формирующегося сегодня информационного общества. В этой связи анализируются специфика и характерные особенности сегодняшнего общества и образования. Автор обосновывает положение о том, что современное дистанционное образование является объективным следствием и одним из механизмов реализации тех глубоких социальных изменений, которые сопровождают становление информационного общества.

Ключевые слова: информационное общество; постиндустриальное общество; информационные и коммуникационные технологии; информация; знания; образование; дистанционное образование.

Образование всегда, в той или иной мере, отвечает времени, отражает уровень и структуру общественного сознания и, — более, или менее адекватно, — воспроизводит его. С философской точки зрения такая взаимосвязь понятна, поскольку образование представляет собой часть общественного целого. Но, в то же время, образование должно быть ориентировано на будущее, ведь именно оно призвано создавать интеллектуальные предпосылки для социального развития, появления и развития новых сущностных сил человека.

За последние десятилетия дистанционное образование стало неотъемлемым явлением образовательной и информационной культуры многих стран мира, и с каждым годом оно все более активно влияет на классические формы образования, обогащая традиционное образование инновационными содержательными и организационными компонентами, тем самым меняя сам образ образования. Учитывая глобальный характер этих процессов, философское осмысление сущности феномена дистанционного образования с позиций сущих социальных практик становится все более важной мировоззренческой и методологической проблемой.

Исследовательский интерес к проблематике дистанционного образования в мире достаточно широк, что подтверждает анализ литературных источников. На этом направлении научного поиска следует отметить работы Т. Андерсона (T. Anderson), А. Андреева, В. Быкова, Ч. Ведемейера (C. Wedemeyer), А. Густыря, К. Дида (C. Dede), В. Ивановой, Д. Кигана (D. Keegan), В. Кухаренко, С. Лобачева, Н. Морзе, М. Мура (M. Moore), В. Овсянникова, Е. Полат, В. Солдаткина, П. Стефаненко, В. Тихомирова, Б. Шуневича, В. Ярикова и других.

Отдавая должное объему и качеству научного задела ученых и педагогов в этой области, необходимо отметить все еще весьма слабую социально-философскую разработанность проблемы: большинство исследований направлено в целом на удовлетворение потребностей непосредственных практик организации и внедрения дистанционного образования и не учитывают социокультурную сущность и предопределенность этого феномена, социально-философские основания и логику развития, рассматривая его вне контекста, отдельно от других факторов общественного развития. Поскольку практики внедрения и развития дистанционного образования связаны с жизнью страны и общества в целом, то возникает актуальная задача осмысления, с одной стороны, сегодняшнего общества, в котором возникли и объективно нарастают необходимость и возможности реализации, — внедрения, — современного дистанционного образования, а с другой, — самого дистанционного образования как явления, в котором находят отражение важнейшие стороны и закономерности общественного бытия современного мира.

Целью статьи является социально-философское осмысление специфики и характерных особенностей развития сегодняшнего общества как предпосылки для современного дистанционного образования.

Доминирующей тенденцией развития современного мира является бурное развитие и высокие темпы внедрения компьютерной техники, информационных и коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности социума и человека, сопровождающееся качественными изменениями в области обработки, передачи и хранения информации. Современное общество тесно взаимодей-

ствуется с информационными факторами: изменение технологической базы социально-экономического развития общества приводит к изменениям общества в целом — на основе наукоемких, высокотехнологичных средств и технологий формируется новая социальная и технологическая реальность, новое коммуникативное пространство, «новый тип символического существования человека» [4, с. 8]. Особенности развития современного социума нашли, в частности, свое отражение в теоретической концепции «информационного общества», подчеркивающей центральную роль информации и знания для общественного прогресса.

Идея информационного общества впервые была сформулирована в 60-х годах XX века, когда стали очевидными черты изменения парадигмы эпохи. Введение в научный оборот термина «информационное общество» связывают с именем профессора Токийского технологического института Ю. Хаяши [1, с. 15]. Как концепция нового общественного порядка, теория информационного общества осмысливалась такими известными западными теоретиками как З. Бжезинский (Zb. Brzeziński), П. Друкер (P. Drucker), М. Кастельс (M. Castells), Р. Катц (R. Katz), М. Маклуэн (M. McLuhan), Й. Масуда (Y. Masuda), Ф. Махлуп (F. Machlup), М. Порат (M. Porat), Т. Стоуньер (T. Stonier), Д. Тапскотт (D. Tapscott), Э. Тоффлер (A. Toffler), Т. Умесао (T. Umesao), Ф. Уэбстер (F. Webster) и другими.

С точки зрения большинства исследователей, изучающих проблематику современного общества, — и мы разделяем такую позицию, — свои истоки «информационная» концепция черпает в теоретических положениях доктрин постиндустриализма как новой исторической фазы возможного эволюционного развития цивилизации. По мнению сторонников такого подхода, темпы развития компьютерных, информационных и телекоммуникационных технологий переводят постиндустриальное общество в новое качественное состояние — информационное общество. Поэтому в современном научном дискурсе информационная концепция обычно рассматривается как составная часть постиндустриальной теории (Д. Белл), а конструкт «информационное общество» в определенной степени выступает конкретизацией более широкого понятия «постиндустриальное общество», которое включает в себя не только констатирующую, но и мощную прогнозирующую составляющую [3, с. 128].

В научной литературе можно встретить различные терминологические трактовки новой общественной формации, среди которых: «общество знаний» (Ф. Махлуп, П. Друкер, Т. Стоуньер), «сетевое общество» (М. Кастельс), «электронное общество» (М. Маклуэн), «цифровое общество» (Д. Тапскотт), «технотронное общество» (З. Бжезинский), «программируемое общество» (А. Турен), «телематическое общество» (Дж. Мартин) и др. В рамках этих концепций отражены различные подходы к оценке природы и направленности развития сегодняшнего социума, но, вместе с тем, все они описывают

единую реальность, тесно связаны между собой и объединены четкой логикой социокультурных трансформаций под воздействием компьютерных, информационных и коммуникационных технологий.

Выделение характерных тенденций и процессов, — экономических, социокультурных, информационно-технологических, — сопровождающих становление информационного общества, позволяет выстроить определенную умозрительную аналитическую конструкцию, социальную схему новой реальности (а, возможно, и действительности), возникающей на наших глазах:

- ускорение процессов обновления знаний, техники и технологий производства, обработки, хранения, передачи и использования информации;
- рост объемов информации;
- превращение информации в предмет массового потребления;
- возрастание скорости коммуникационных процессов, обеспечивающееся наукоемкими, высокотехнологичными средствами и технологиями;
- развитие глобальной информационной инфраструктуры;
- формирование глобального информационного пространства и времени: инфохронотопа;
- превращение информации и теоретического знания в важнейший ресурс и движущую силу социально-экономического, технологического и культурного развития общества;
- сдвиг от производства материального продукта к продукту информационному, с вектором на преобладание информационного сектора экономики;
- переход к сервисной экономике;
- формирование рынка информации и знания как фактора производства, наравне с рынками природных ресурсов, труда и капитала;
- переориентация экономики на инновационный, наукоемкий характер развития;
- повышение роли человеческого капитала;
- превращение образования в определяющий фактор общественного прогресса;
- принципиальное изменение структуры занятости населения, характера профессиональной деятельности, общественной жизни и досуга людей, процесса обучения, приобретения навыков и знаний, способа взаимодействия между людьми;
- формирования новой информационной культуры общества.

Как видно, и, даже — очевидно, информационные технологии выступают мощным источником сдвигов и инноваций, порождая новые возможности, противоречия, проблемы, вызовы, угрозы. Мир становится все более открытым, однако, и более взаимозависимым и технологически сложным. В этих условиях человеческая личность формируется, — «предстает», — на принципиально иной основе, чем в эпоху индустриализма, что обуславливает необходимость выработки качественно новой модели ее

подготовки к жизни и деятельности в условиях глобализирующегося информационного пространства, формирование у нее совершенно новых, необходимых для этих условий и адекватных им личностных качеств. Знаний, умений и навыков. Очевидно, что, чем дальше будет продвигаться общество в своем развитии, тем большей социальной подготовки потребует человек для того, чтобы максимально адекватно включиться в общественную жизнь, адаптироваться к ней, быть ее субъектностью, т.е. целостной, самостоятельной личностью.

Образование является неотъемлемой составной частью общественного целого, оттого его нельзя рассматривать отдельно от глобальных процессов экономического, социального, культурного etc. развития. Радикальные изменения сказываются на современном образовании: они влияют на его сущность и основы его практической деятельности. Образование становится объектом новых, неустанно возрастающих требований со стороны личности, общества, государства. Время требует от него большей гибкости, открытости, креативности, способности оперативно реагировать на изменения во всех сферах жизнебытия каждого, многих и всех. Очевидно, что в XXI в. образование должно быть динамичным и непрерывным процессом, который будет продолжаться в течение всей жизни человека, иметь широкий, универсальный, а, вернее сказать: универсально-уникальный, т.е. диалектически безупречный характер, обеспечивая реализацию и осуществление образовательных потребностей как отдельных индивидов, так определенных социальных групп и общества в целом.

Однако, сегодня для подавляющего большинства теоретиков и практиков образования уже является очевидным, что устоявшиеся подходы и взгляды на образование в новых реалиях не срабатывают и не позволяют в полной мере выполнять возложенные на него задачи. Более того, одним из ощутимых социальных последствий названных выше стремительных технологических изменений, особенно сильно проявившихся в последние десятилетия, стал общий кризис налично сущих систем образования, охвативший сегодня почти все страны мирового сообщества. Сущность этого образовательного кризиса заключается, как отмечают специалисты ЮНЕСКО, в беспомощности и неэффективности современного образования перед лицом глобальных проблем человечества, т.е. перед лицом информационного общества.

В то же время, кардинальные изменения, происходящие в современном мире под влиянием информационной революции, рождают не только глобальные вызовы, но и новые возможности адекватного ответа на них. Именно поэтому образование должно развиваться адекватно измененным условиям существования человечества, реалиям научно-технического и социального развития.

Технический прогресс постоянно побуждает использовать возможности компьютеров, новых устройств и средств коммуникации в образовании, поэтому, нет со-

мнений, что развитие образования с нарастанием детерминируется новыми социокультурными реалиями. Среди основных тенденций, меняющих образ и облик образования, можно назвать следующие:

- превращение образования, — как концентрированной формы социализации человека, — в общественный и личностный капитал в контексте роста значимости добытого знания и методологии познания как ресурса общественного развития;
- появление принципиально новых коммуникативных возможностей, укорачивающих социальные дистанции, «сжимающих» социальный хронотоп: пространство и время;
- информатизация образования — внедрение в образовательный процесс современных компьютерных технологий и мгновенных средств коммуникации и их использование в качестве нового педагогического инструмента;
- перманентный пересмотр содержания и форм (ибо нет содержания неоформленного, равно, как и формы бессодержательной) образования на всех его уровнях, обусловленный стремительным процессом информатизации общества;
- замена императива «Образование на всю жизнь» новым — «Образование всю жизнь»;
- развитие открытого образования — новой формы реализации процессов образования и самообразования на основе свободного доступа к образовательным ресурсам;
- глобализация образования — формирование мировой системы образования, единого мирового образовательного хронотопа: пространства — времени.

Образование должно в итоге стать таким социальным институтом, который был бы способен не только вооружать знаниями обучающегося, но и, вследствие постоянного и быстрого обновления знаний в нашу эпоху, формировать потребность в непрерывном самостоятельном освоении их, умении и навыках самообразования, а также самостоятельный и творческий подход к получению и использованию знаний в течение всей активной жизни человека.

По мнению многих ученых, педагогов, политиков ответом на принципиально новые запросы, возникающие в связи с изменением общественных реалий, в области образования можно, — и необходимо, поскольку актуально, — рассматривать развитие дистанционного образования, основанного на преимуществах современных информационных и коммуникационных технологий. Объективный процесс информатизации различных уровней образования и сегодняшнего общества в целом является существенной, в техническом смысле — определяющей, предпосылкой этого развития. Дистанционное образование становится распространенным и даже обязательным элементом традиционных образовательных систем как в развитых, так и в развивающихся странах (причем в последних — особенно). Эту тенденцию стимулирует возрастающее внимание педагогов к использованию новых, интернет-ориентированных и мульти-

медийных технологий, а также нарастающее понимание того, что для реализации неотъемлемого права каждого человека на получение образования традиционные методы и средства обучения сегодня остро нуждаются в инновационной поддержке [2, с. 3]. Вместе с тем, развитие дистанционного образования детерминировано ростом общественной и личностной потребности в организации процессов непрерывного повышения уровня знаний и совершенствования профессиональной подготовки, а также дальнейшим развитием информационных технологий, которые с каждым годом становятся все более доступными.

Дистанционное образование содержит в себе практически неисчерпаемые возможности компьютерных систем и телекоммуникационных сетей в сочетании с традиционными педагогическими методами, средствами и формами обучения, создавая условия социальной доступности качественного образования, что способствует решению проблемы образования и/или повышения квалификации для людей, которые по разным обстоятельствам не в состоянии воспользоваться услугами традиционного (очного) образования.

В то же время, широкое внедрение дистанционных технологий обладает огромным потенциалом с точки зрения создания новых педагогических подходов, новой организации, новых источников, форм, методов и технологий обучения, отвечающих потребностям современного общества. Это расширяет возможности учебных заведений относительно предоставления спектра образовательных услуг.

Содержание дистанционного образования ориентируется на опережение развития общества, профессиональной карьеры, личных навыков и качеств, и других сфер социальной практики. Помимо знаний, умений, навыков в содержание образования входит сам процесс, — техника, технология, методология, методики, процедуры и т.п., — их приобретения и практического применения. Значительно усиливается значимость самообразования и самообучения, личностного опыта как сущностного компонента содержания образования, что открывает широкие возможности для любого человека, желающего получить, — и получить, — образование.

Литература:

1. Иванова, В.В. Развитие дистанционного образования. Социально-философский анализ: дисс... канд. филос. наук: 09.00.11 / В.В. Иванова. — Москва, 2005. — 163 с.
2. Открытое и дистанционное обучение: тенденции, политика и стратегии. — М.: Изд. ИНТ, 2004. — 139 с.
3. Триняк, М.В. Інтеркультурна комунікація: освітній вимір: монографія / М.В. Триняк. — Харків: ХНАДУ, 2010. — 248 с.
4. Штанько, В.И. Антропологические вызовы информационной цивилизации / В.И. Штанько // Вісн. Харк. нац. ун-ту ім. В.Н. Каразіна. — 2011. — № 980. — с. 6—15.

Сегодня дистанционное образование, безусловно, является самым быстрым и универсальным способом распространения актуальных, — налично сущих, — знаний. Оно является отражением уровня развития информационных технологий, преодолевающих расстояние между учебным заведением и студентом: раньше студент шел в университет, теперь университет «приходит» к каждому, кто желает учиться, независимо от его географического местонахождения.

Подводя итоги, отметим, что формированию информационного общества сегодня нет альтернативы — это магистральное направление развития цивилизации в XXI веке, которым уже идут развитые страны мира и который выбрали для себя многие развивающиеся страны.

Современное дистанционное образование представляет собой объективное следствие и один из механизмов осуществления глубоких изменений, происходящих в жизни сегодняшнего социума. Оно отражает в себе характерные тенденции информационного развития человечества и, опираясь на современные компьютерные, информационные и телекоммуникационные технологии, открывает новые, воистину, поражающие наше воображение, перспективы для широкого распространения знаний, профессиональной и социальной мобильности личности, возможности получения доступа к образованию на протяжении всей жизни, которой можно воспользоваться в любое время и в любом месте.

По мнению автора, есть все основания с развитием дистанционного образования связывать надежды по решению весьма значительного круга социально-экономических проблем, стоящих перед системой образования в информационном обществе. А, опосредованно, поскольку образование является концентрированной формой социализации, и самым сложным из видов производства (вещей, идей, людей), то всей массы вопросов, проблем и практических задач, стоящих перед современным обществом, которое движется к своему информационному, а, в конечном смысле — гуманистическому, будущему. К действительному гуманизму, сущему в форме практической всеобщности.

Basic philosophical aspects of comprehension of the phenomenon of mass culture

Бежнар Анна Петровна, кандидат философских наук, доцент
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

Bezhnar Ganna. Cand. Phil.Sci., Associate Professor
Taras Shevchenko National University of Kiev (Ukraine, Kyiv)

In this study the author characterizes the basic theory of understanding of the phenomenon of mass culture in the history of philosophy.

Keywords: culture, mass culture, «culture industry», popular culture, theory of mass culture.

Introduction

On a today's moment a mass culture became the inalienable factor of development of modern society, it appears as a form of organization and translation of cultural characters and symbols, and similarly as the phenomenon, defiant reflections and theorizing in the most different areas of humanitarian knowledge.

Term «mass culture» arose up in the USA in 30th, and in the generally accepted culturological sense at first it was used by the German sociologist and philosopher Max Horkheimer in essay «Art and Mass Culture» (1941). Word-reduction «masscult» («masskult») appeared later, that was entered in everyday life by American culturologist Dwight Macdonald («A Theory of Mass Culture», 1957).

D. Macdonald marked that two cultures are within the framework of western civilization — traditional (high, that became the achievement of all reading-books), and mass, that is created specially for a market. Among historical reasons of development of mass culture a researcher marked political democracy and distribution of education, that pranged the monopoly of higher class in area of culture.

Mass cheap production and distribution of books, pictures, music and furniture, origin of such new facilities, as as the cinema and television, that assist a mass consumption are similar tendencies of D. Macdonald defined a term «mass culture». According to his opinion, a mass culture is the factory product intended for the wholesale selling at the market. It is created by technical specialists, on call of businessmen; its' audience is passive consumers that decide only: «to buy or not buy». D. Macdonald names a mass culture «dynamic revolutionary force, that destroys the barriers of traditions, tastes, dissolves all cultural distinctions, levels distinctions and personal judgements, does a culture homogeneous, monotonous [3, p. 24].

The ambiguousness of going near consideration of mass culture shows up already in the statement of a question at considerations of essence of mass culture that is presented as a culture of mass society, «culture industry», as a result of scientific and technical revolution etc. In the dynamics of study of mass society and mass culture it is possible to distinguish the basic stages and paradigms of theoretical comprehension of this phenomenon of XX of century, what is an **purpose of this study** hired along with the analysis of basic

researches of foreign scientists creating the fundamental theories of mass culture.

The basic material

Researchers paid attention to the phenomenon of mass culture long before than the term found its' clear form. For example, French historian Alexis de Tocqueville in-process «Democracy in America» (1835) yet in the middle XIX of century reflected about the consequences of universal equality, displays of stereotypes, and marked that the requirements of market, but not traditions or love, become the dominant tendency of culture to the handicraft.

Impressive demographic changes assisted an exit on the historical arena of «man of mass». So, for 12 centuries of history (with VI on XIX century) the European population never exceeded more than 180 millions persons, and for time from 1800 to 1914 it attained 460 millions. Therefore it was begun to speak about «man-mass» as the special planetary and historical force from the end XIX — XX of centuries began. Before this time such words as mass, crowd, people are used actually as synonyms.

The maiden attempts of theoretical comprehension of the phenomenon of mass culture behave to the border of XIX — the XX century, and related to the names of Gustave Le Bon and Gabriel Tarde, that examined the problem of mass culture in close connection with the process of transformation of civil society in mass. In the first detailed research of the phenomenon of mass of «The Crowd: A Study of the Popular Mind» (1895) Gustave Le Bon gave a negative estimation to mass and coming «era of the masses» associated to author with uncontrollable and aggressive crowds of roturiers. Behavior of mass-crowd, in opinion of the French psychologist, can become a reason of social shocks of smashing destructive capacity. That, as a rule, differs in an aggressiveness, disruptiveness and irresponsibility.

G. Le Bon marked that individuals did not differ as though, formative mass — by the way of life, employments, character, degree of form, — by only fact of converting into mass they acquire the collective soul. Therefore mass, actually, is some all-sufficient creature, deprives the man of personality internals, limits his freedom, prevents to development of creative initiative.

One of basic tendency while analyzing of the phenomenon of mass culture in the first half of XX century was consideration of mass culture as a culture of «mass society» that replacing traditional forms folk, or «popular culture». In the middle of 20th — 30th of XX century a mass culture becomes the article of research and analysis of the prominent Spanish thinker Jose Ortega y Gasset, that in the classic labours of «The rebellion of the masses» (1930) and «The dehumanization of art and Ideas about the novel» (1925) expounds own theoretical vision of this phenomenon. According to his presentations, a mass culture is not that another, as a culture of mass man.

A researcher considers that rebelling of the masses is the basic phenomenon that is observed in XX eyelid and it was prepared by previous epochs. That started transformations that change the structure of society cardinally. Society becomes mass, as a new type of man — mass man prevails in it. A mass man reposes in that can walk up a higher social level, he considers the desires and necessities most meaningful, and own aesthetic and moral presentations absolute. «Man of mass» — it not social and not class, and a psychological concept is clean. Domination of mass man is a direct threat for existence of western civilization. That is Ortega y Gasset determines a mass man: «Man of mass it that, whoever feels in itself no special gift or difference from all, good or bad, who feels that he is «exactly like all other», and not distressed with it, vice versa, happy to feel himself like all» [2, p.121].

Thus, the criterion of division of society on the «man of mass» and man of select minority (man of elite) is mans' reflexive attitude to himself and call of duty, duties in relation to other, and mass it is not crowd (as a concept is quantitative and visual), but process of transition of quantitative description «many» to quality.

J. Ortega y Gasset gives sharply a negative estimation to the mass culture and determines it as «banality and mediocrity that is sent to satisfaction of queries and tastes of inhabitant... the rapid increase of quantity of population and professional specialization that formed mass man weakened a cultural consensus and blew up modern civilization, conduces to instability and shipwrecks of culture on the whole» [2, p.139].

An important role in the theoretical comprehension of forms of mass culture was played by labours of Frank Raymond Leavis and his wife, Queenie Dorothy Leavis. The «Leavis-period» continued almost forty years, and criticism of mass culture within the framework of theory of literary modernism was carried out in such works, as «Mass Civilization and Minority Culture» (1930) by Frank Raymond Leavis (his work became the original manifest of literary modernism and declaration of non-acceptance of mass culture), «Fiction and the Reading Public» (1932) by Queenie Dorothy Leavis, «Culture and the Environment» (1932) by Frank Raymond Leavis and Denys Thompson.

F.R. Leavis estimated extraordinarily highly the role of elite culture of the enlightened minority in society life. How-

ever, exactly at the beginning the XX century a qualificatory a veritable culture minority appears in a crisis. Reason for loss of authority and displacement of the values-system he sees in americanization of culture that appears in standardization, in penetration of mass tastes in all areas of mass culture (the press, advertisement, television, cinema). Works of researcher are directed against the easy pleasures, delivered to wide public by the various forms of mass culture (by the best sellers, newspapers, films, advertisement), where visualness predominates with its' capacity for hypnotism. This does not suggest F.R. Leavis hopes to best future of culture, opposite, he is apt to the pessimistic estimation of prospects of cultural development, and the only hope he binds with the returnability of attention, respect and authority of cultural elite.

Critical attitude toward the phenomenon of mass culture, stopped up Jose Ortega y Gasset, it was continued after Second World War by the representatives of Frankfort school of social researches. The original mixture of Marxism and psycho-analysis, created by the institute of social researches at the Frankfort university (founded in 1923), was named a «critical theory». Walter Benjamin («The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction», 1936) belong here, Eric Fromm («Escape from Freedom», 1941), Theodor W. Adorno and Max Horkheimer («Dialectic of Enlightenment», 1944), Herbert Marcuse («One — Dimensional Man», 1964).

Theodor W. Adorno and Max Horkheimer do not use a concept mass culture, and formulate the category of «culture industry», totality of the phenomena of new culture is represented in maintenance of that. Culture industry prevents development of autonomous personalities that are capable independently estimate and make decision, opposite the producers of «cultural commodities» are interested only in the sale-increase and they tune society under their interests.

T. Adorno considered that culture industry is conscious integration of mass consumer in society, he intrudes «upon from above», but initially it is not inherent to humanity. The function of culture industry, in opinion of thinker, consists in that, to organize spare time the same as industrialization organized working. All culture industry promises us escape to paradise from conservative everyday work, but this paradise inevitably returns us in that place from that we got in him. Pleasure assists obedience that must help a man to forget everything. In other words, labour conduces to the mass culture, and it in turn returns to labour. Only «the real» culture that operates out of scopes of culture industry is able some time to tear this vicious circle [7, p. 142].

Mass culture supporters of Frankfort school, especially Herbert Marcuse bound to the ideological imposing capitalist values to workers. The question is about imposing of false necessities that are necessary for the system survival. As a result people do not realize that their veritable necessities remain dissatisfied, and culture industry inculcates false and represses veritable necessities. From here H. Marcuse draws conclusion, that society of mass culture is society of total unfreedom and oppressing. This society does not have

an alternative by virtue because of absence of the real social forces to resistance and revolution. Marginal social layers not consisting of mass society can become such force only. To them Marcuse attributes prostitutes, homosexuals, «counterculture» motions, students. Exactly this understanding of heat of the matter underplayed «new left» motion and events 1968 year in Europe.

One of major flows in the theory of culture at the end of 50th and at the beginning of 60th there were Cultural Studies with Center of modern culturological analysis at the Birmingham university. The set tendency to distinction of concepts «is mass» and «popular culture» got the theoretical ground within the framework Cultural Studies, and popular culture became the article of the special researches. As Stuart McPhail Hall marked, «in the British theory of culture of Cultural Studies was the most powerful, most characteristic flow» [6, p.19].

The basic moments of analysis of popular culture within the framework of researches of Cultural Studies are formed in labours of «The Uses of Literacy: Aspects of Working Class Life» (1957) by Richard Hoggart, «Culture and Society» (1963) by Raymond Henry Williams, «The Malting of the English Working Class» (1963) by Edward Palmer Thompson, «The Popular Arts» (1964) by Paddy Whannel and Stuart McPhail Hall. General for these researches is a statement, that the concept of popular culture (in a difference from mass) is understood both presented in practices of reception and interpretations, in experience of both readers and audience, listeners. Such position does an accent on «participation of man», on active creation of culture, but not on its' passive consumption. Cultural studies work on forms of social differentiation, control and inequality, identity, community — building, media, and knowledge production, for example, have had a substantial impact.

Large attention to the analysis of mass culture was spared by the theory of feminism. An especially important period in history of feminist analysis of popular culture are 1950th. Since this time feminist theory all anymore calls to the problem of presentation of woman in a popular culture and in medias, examines their representations as unfair, exploiter and binds in more wide context with tender inequality and oppressing.

Feminism straight binds a popular culture to the social context of epoch. The problem of interpretation of gender roles and gender equality is presented in researches of Tania Modleski «Studies in Entertainment: Critical Approaches to Mass Culture» (1986). The culturological analysis of the popular cinema is presented in-process Laura Mulvey «Visual Pleasure and Narrative Cinema» (1975), in research of Janice Stacey «Star Gazing: Hollywood and female Spectatorship» (1994). Role of woman in the cinema similarly was thoroughly studied in-process Teresa de Lauretis «The Cinematic Apparatus» (1989). Intercommunications of pleasure and sense of guilt in the context of mass culture are devoted works of Rosalind Coward «Female Desire: Women's sexuality today» (1984). Her research touches a

fashion, woman novels, pop music, horoscopes soapy fledge, woman magazines and other texts and practices that tighten a woman in the infinite computational loop of pleasure and sense of guilt.

On the whole, a feminism analysis pays attention to that a cultural production eliminates, marginalize, trivialize woman, that is presented in form a stereotype figure, embodiment of sexual attractiveness or domestic labour. In opinion of feminist theorists, academic researches, as well as popular culture, eliminate, ignore a woman as social category.

A problem of mass culture and its' aspects is in a center attention of post-modernisms, including Roland Gerard Barthes («Mythologies», 1957), Jean-François Lyotard («The Postmodern Condition: A Report on Knowledge», 1954), Michel Foucault («The Archaeology of Knowledge», 1969), Gilles Deleuze and Félix Guattari («Capitalism and Schizophrenia», 1972–1980), Jean Baudrillard («In the Shadow of the Silent Majorities», 1982), Fredric Jameson («Postmodernism, or, the Cultural Logic of Late Capitalism», 1991), Umberto Eco («Foucault's Pendulum», 1988).

The analysis of mass culture in discussion of post-modernism is characterized by the disturbance of researchers by expansion of visual forms and genres that oust «a book» culture. There is disappearance of border between «a high» and «subzero» art. In turn, it stimulates the origin of the real possibility of forming of the «guided mass» by means of communicative technologies. The basic theory and methodology setting of post-modernisms consists in that a mass culture is a that type of reality, to that the classic charts of analysis can not be applied. Executing quite a few publicly important functions, a mass culture can however, in their opinion examined in a axiological plane.

Since 70th of XX of century the row of works appears in western culturological literature, where the problem of mass culture is comprehended in a axiological plane, that differs from a sharply critical mood in relation to a mass culture in researches of before-war and post-war period. In works of Herbert Marshall McLuhan «The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man» (1962), Daniel Bell «The coming of post — industrial society: A venture of social forecasting» (1973), Alvin Toffler «The Third Wave» (1980) et al, a mass culture is examined as the personal touch of postindustrial, informative society.

In the researches scientists exposed social pre-conditions of origin of mass culture, analysed the mechanisms of its' development, conducted differentiation of kinds and genres of mass art, investigated the problem of intercommunication of mass culture and facilities of mass communication. An idea is grounded that the transition of society from industrial in the postindustrial stage of development conduces to averaging of culture. As a result of value, once were property only elites, become accessible to wide public, and the most mass culture changes substantially, acquiring lines that were once inherent to the folk and elite culture. In opinion of Daniel Bell, a culture bears the complete responsibility for today's changes in society, even public contradictions follow

from cultural circumstances, class contradictions grow into professional, economic, cultural, moral.

The positive estimations of the phenomenon of mass culture appear. So, Marshall McLuhan declares that there cannot be one culture in liberal society («the global village»), and an origin of different cultures is the certificate of freedom of speech, because everybody can realize itself in cultural space. Accordingly, mass culture, does not threaten and does not destroy a high culture, and only democratizes her, and, therefore, is blessing for society.

Thoroughly an idea about positive influence of mass culture on the process of development of personality and becoming of democratic political institutes was developed Zbigniew Kazimierz Brzezinski («Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era», 1970). Z. Brzezinski often repeated a phrase that became winged in course of time: «If Rome gave to the world right, England — parliamentary activity, France — culture and republican nationalism, then the modern USA gave scientific and technical revolution and mass culture» to the world [1, p. 9]. An author establishes that humanity entered into the new stage of development, that is determined by not social revolutions, and scientific and technical progress, where a decision role passes to the machines, computers and cybernetic systems, and science becomes decision force. In the world there will be main contradiction between the developed and undeveloped countries — technocratic, overcoming that, it is possible to create single world community, it is forever deprived from conflicts and contradictions.

Within the framework of this theoretical approach some researchers identify a mass culture with mass-medias, seeing in her a direct generation asserting such, that the self-mean of communication has influence on character and maintenance of transferrable information. If to take a statement for basis, that information it is communication, operation of translation of symbols, and to agree that a mass culture is related to the mass circulating of certain information, becomes clear that introduction of informatively-communication technologies assists distribution of the phenomena of mass culture. One of new tendencies of mass culture that arises up in an informative era, there is a virtualization of her products as aspiration to simulatively and creation of great

number of characters. The Internet as powerful media means that aims to eat up all other facilities of mass communication plays a leading role here, certainly.

Conclusions

On early comprehensions mass culture examined from frankly conservative, critical positions, in the context of disturbance by the origin of the phenomenon. G. Le Bon, J. Ortega y Gasset, F.R. Leavis and Q.D. Leavis examined mass as violent crowd, and the culture of mass society came forward as a threat of traditional elite culture.

The Institute for Social Research (now known as Frankfurt School of Critical Thinking) (E. Fromm, T.W. Adorno, M. Horkheimer, H. Marcuse) put in a center a concept «culture industry», guaranteeing stability of capitalism. A general conclusion the representatives of School came to that consists in that a mass culture forms conformism, retains the reactions of consumer in the infantile, static state, allows to manipulate his consciousness.

The theory of feminism does an accent on patriarchal ideology as basis of mass culture in that character of woman is exploited for the achievement of commercial success of her products. In their interpretation the phenomenon of mass culture is negative.

Post-modernism is seen in the forms of mass culture by embodiment of sweeping changes in a role of mass-media wearing away a verge between an image and reality, between a high and subzero art.

In the epoch of information technologies a mass culture is understood as the objective stage of development of civilization. In future this tradition of decline of critical fervor became basic, and the study of mass culture closely interlaced with the analysis of consequences of development of new information technologies.

The conducted review of theories of mass culture, arising up in the first decades of the XX century and continuing to arise up till today, far is not full. Some aspects of these theories lost the actuality, and some find the reflection in modern researches. The considered conceptions testify to complication and multifunction of mass culture.

References:

1. Brzezinski Z. Between Two Ages: America's Role in the Technetronic Era. — N. Y., 1970. — 296 p.
2. Jose Ortega y Gasset. Selected Works. — Kiev: Osnovy, 1994. — 420 p. (in Ukrainian)
3. Mac Donald D. A Theory of Mass Culture // Mass Media and Mass Man. — N.Y., 1968. — P. 12–24.
4. Mass Culture: Uchebnoe posobie. — Moscow: Alfa-M; INFRA-M, 2004. — 304. (in Russian)
5. Storey John: Cultural Theory and Popular Culture. — Kharkiv: «Akta», 2005. — 360 p. (in Ukrainian)
6. Stuart Hall. Some paradigms in cultural studies//Annali. — № 3. 1978. — P.13–48.
7. Theodor Adorno & Max Horkheimer. Dialectic of Enlightenment. — London: Verso. 1979. — 258 p.

Научное знание в системе духовных ценностей

Камбаров Абдужаббор Бохролиевич, преподаватель
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Человеческий гений, как метко заметил в свое время А. С. Пушкин, — «парадоксов друг». И парадоксы эти возникают, когда мы обращаемся к «вечным» проблемам — истины, добра, красоты, блага, смысла жизни, свободы, любви, справедливости и т.д. К числу этих жгучих проблем относятся гуманистические, социально-этические, эмоционально-духовные проблемы науки. Общеизвестно, что человек включается в познавательную деятельность всем богатством своего внутреннего мира — с интеллектуальными, эмоциональными, мотивационными, нравственными, эстетическими измерениями. К сожалению, современные гносеология и методология науки оставляют в тени эти обстоятельства. Гораздо реже мы сегодня обнаруживаем анализ так называемых интеллектуальных страстей, аффектов и эмоций духовных переживаний, связанных с постижением истины. Вполне правомерно утверждение А. В. Медведева, что эмоциональные переживания проявляются не только как акты отражения, но и как особые состояния «душевных сил» субъекта, активно воздействующие на его восприятие, воображение, мышление, миропонимание, на ценностные ориентации, творческую деятельность. Они могут стимулировать к действию (или бездействию), активизировать (или парализовать) волю человека, а также могут направлять и контролировать способы его деятельности, которые обуславливают его работоспособность. [1, с. 4–27]. Здравый смысл нам подсказывает, что познавательный процесс не может быть ограничен чисто логическим развитием знания, в нём важна и субъективная, духовно-ценностная сторона. Точно так же, как мозг человека, который обладает функциональной асимметрией, не может обойтись деятельностью одного полушария. Для его полноценной деятельности необходимы оба полушария. Правое полушарие, управляющее логическими процессами мышления, и левое — контролирующее чувственно-эмоциональные, образные уровни сознания. Именно последнее даёт целостный образ реальности. Соответственно, целостное образное представление о мире не менее важно и нужно для человека, чем локальные логические построения.

Научное знание об объективном мире естественно связано с рациональным и эмоциональным восприятием явлений, с волевыми качествами субъекта, с его естественными и культурными потребностями; с потенциальной возможностью проявления своей свободы, с мировоззренческими установками, определяющимися как его профессиональным опытом, так и социокультурным влиянием. Субъективный момент присутствует на всех этапах процесса познания, на наш взгляд, он присутствует и в его результате — научном знании. С возникновением субъек-

тивности возникает тот зародыш, из которого впоследствии произросли и психика, и сознание, и духовность, и воля, и познание, выразившиеся в форме пристрастности. «Наука тесно связана с духовной, ценностной компонентой не только на уровне «внешнего» использования ее результатов, но и на уровне ее «внутренней» мотивации», [2, с. 20] так как фундаментальным свойством научного знания является способность «развертываться» в деятельности. Эта деятельность имеет две стороны — объективно-познавательную и субъективно-пристрастную. И если истина как результат объективно-познавательного процесса предстает как освобожденная от субъективной пристрастности форма знания, то именно благодаря этой пристрастности становится возможным самое достижение истины [3, с. 20–21]. В пристрастности обретают свою реальность социальность, цели, мотивы, побуждения субъекта познания, его духовность, потому что мир для человека — объект познания и ценностного отношения. А человек как субъект общественно-исторической практики, познания, культуры, коммуникации немислим вне духовных ценностей, симпатий и антипатий, стремлений, мечтаний, веры, надежды, любви. Все это «открывается самосознанию субъекта научной деятельности прежде всего не на рациональном, а на духовно-эмоциональном уровне» [4, с. 232].

Познание — не самоцель для человека. «Поисковый рефлекс», «инстинкт познания» появились только потому, что они полезны. «Именно из пристрастности природы соткала ткань идеальности, способность видеть, слышать, обонять, осязать, то есть воспринимать мир в его субъективно преобразованных, но объективных в своей практической значимости качествах» [5, С. 77]. Само же мышление, без которого невозможны поиски объективной истины, как бы очистившейся полностью от этой самой пристрастности, возникло, как известно, на базе чувств. Одновременно с развитием разума столь же быстро и неотвратимо шло развитие человеческой «души». Именно на этом полюсе концентрируются ценностно-познавательные, духовно-эмоциональные процессы, развивающиеся и совершенствующие субъективно-пристрастную сторону нашего сознания. В этой пристрастной сфере обретают свою реальность гуманистические начала, в то время как истинностная, объективно-познавательная деятельность сознания позволяет адекватно выявлять причинно-следственные зависимости, понимать мир, его законы, самих себя, вооружать средствами в достижении целей и идеалов. Эта научная мысль имеет свои глубокие исторические корни. Например, ал-Фараби, выявляя основную для человека источник знания, выделял два полюса в познавательных способностях субъекта. «Знания полу-

чается в душе только путем чувственного восприятия. Интеллект не обладает, помимо восприятия, никаким особо присущим ему действием, кроме способности постигать совокупность вещей в их противоположностях.»... Примечательно то, что именно с эмоциональной сферой связывает мыслитель ценностные аспекты знания. «С ее (душевной силы) помощью человек познает умопостижимые объекты, интеллекции, науки и искусства. Благодаря ей возникает рассуждение и хорошее действие отличается от дурного» [6, С.78–81].

В основе любого ценностного знания лежит деление явлений на благоприятные (полезные) и неблагоприятные (вредные). Этот же общий знаменатель (польза — вред) мы обнаружим при генетическом подходе к таким человеческим ценностям, как свобода, истина, счастье, любовь, добро, справедливость. Тут естественным образом на передний план выходят чувственная неповторимость переживания, радость, счастье, смысл жизни, эмоциональная фактура. Каждая из духовных ценностей настолько своеобразна и несводима к чему бы то ни было, что никакие логические операции приблизить нас к постижению этого качественного своеобразия не в силах. Здесь уместно привести слова М. Полани, который считал, что «человеку свойственно не абстрактное проникновение в суть вещей самих по себе, но соотнесение реальности с человеческим миром» [7, С.7.]. Ведь мы живем не в абстрактном мире, а в мире очеловеченном. Этот мир имеет свою цветовую палитру, которая связана с нашим отношением к нему. Мы воспринимаем мир через сознание, а оно, как известно, соткано из опыта взаимоотношений с явлениями жизни, диалогов с природой, из человеческих смыслов. Жизнь есть любовь, добро, любовь движет истинной. А.С. Пушкин писал: «Нет истины, где нет любви!».

Философия любви занимает достойное место в творчестве А. Навои. Любовь выступает как составной элемент гуманистического идеала, гармонично развитой личности, творческого поиска истины. Любовь, по Навои, есть путь благородства и мужества, испытание верности и дружбы, горение сердца и непрерывное движение от одной цели к другой, проявление человеком всех своих способностей и духовных качеств. Для этой любви свойственны три качества: во-первых, жертвенность, идея самопожертвования во имя высшего блага, сочетание борьбы за личное счастье с необходимостью борьбы с социальным злом; во-вторых, она требует нравственной чистоты, очищения сердца от дурных наклонностей, сочетания знания с нравственным совершенствованием; в-третьих, любовь выступает как объединяющее социальное начало, соединяя в себе красоту и добродетель, укрепляет разум и волю [8, С.98–99.]. Любовь в творчестве А. Навои выступает как широкая социально-этическая категория, духовная ценность, которая представляет собой направляющую и организующую силу человеческой деятельности — интеллектуальной, нравственной, художественно-эстетической, воспитательной, физической и т.д.

Проблеме философии любви как гуманистической ценности уделяли много внимания мыслители последующих эпох. В своих концепциях мыслители подчеркивали приоритет любви над теоретическим научным знанием. Любовь не только конституирует человека как личность, но и является средством более глубокого, а потому и более точного открытия — реальности. Так, например, А.Ф. Лосев, комментируя Платона, писал: «Любящий всегда гениален, так как открывает в предмете своей любви то, что скрыто от всякого нелюбящего... Творец в любой области, в личных отношениях, в науке, в искусстве, в общественно-политической деятельности всегда есть любящий; только ему открыты новые идеи, которые он хочет воплотить в жизнь и которые чужды нелюбящему» [9, С.70].

Утратил свою привлекательность существовавший в научном мире взгляд, согласно которому научное знание достигается холодным умом, свободным от аффектов и пристрастий. Очень верно по этому поводу сказал Н.А. Бердяев: «... Я всегда сознавал, что познаю не одним интеллектом, не разумом, подчинённым собственному закону, а совокупностью духовных сил, также своей волей к торжеству смысла, своей напряжённой эмоциональностью. Бесстрастие в познании, рекомендованное Спинозой, мне всегда казалось искусственной выдумкой, и оно неприменимо к самому Спинозе» [10, С.462]. В науке страстность — это не просто субъектно-психологический эффект, а логически неотъемлемый элемент. Она присуща всякому научному утверждению и может быть оценена как истинная или ложная, в зависимости от того, признаем мы или отрицаем присутствие в нем этого качества. Ведь страстность делает сами объекты эмоционально окрашенными, и если эмоции позитивны, то объект приобретает в наших глазах исключительность. Страстность субъекта познания, делающего открытия, имеет интеллектуальный характер, свидетельствующий о наличии интеллектуальной, научной ценности. По М. Полани, эвристическая функция страстности состоит в возможности различения фактов, имеющих или не имеющих научный интерес. Наряду со страстностью в теории личностного знания важное место занимает понятие интеллектуальной самоотдачи, согласно которой «личностная причастность познающего субъекта тому процессу познания, которому он вверяет себя, осуществляется в порыве страсти» [11, С.43.] Самоотдача — это интеллектуальная вовлечённость, осуществляющая связь между субъективным и всеобщим, объективным.

В самом общем гносеологическом смысле вера есть позиция человека, который придерживается каких-либо представлений без достаточных эмпирических или рациональных оснований. Вера не является этими представлениями или суждениями, она есть именно установка, позиция сознания. В познавательной вере знание переходит в субъективную уверенность, которая побуждает, психологически настраивает человека на практическое действие, претворяющее идею в жизнь. В этом гносе-

ологическое содержание понятия сознательной веры, уверенности и ее необходимости для развития познавательного процесса, ведущие к постижению объективной истины. Вера имеет характер эвристический, она понимается как убежденность ученого, исследователя в своей правоте. Многие выдающиеся ученые обращали внимание на роль веры и убеждения в науке. В частности, А. Эйнштейн отвечал: «Без веры в то, что возможно охватить реальность нашими теоретическими построениями, без веры во внутреннюю гармонию нашего мира не могло бы быть никакой науки. Эта вера есть и всегда останется основным мотивом всякого научного творчества» [12, С.264].

Что же касается философской позиции, суть которой заключается в стремлении к научной строгости, она стала угрозой для положения самой науки. Внутреннее противоречие вырастает на основе неверно направленной пристрастности. Это возможно объяснить стремлением достичь абсолютно безличного, бессубъектного знания, не признающего существования личности, и предложить картину Вселенной, где сами мы отсутствуем. Показательна в этом плане концепция «третьего мира» или автономности знания К. Поппера, сущность которой сводится к признанию существования трёх миров, связанных между собой: мира физических объектов (первый мир); мира субъективных (ментальных и психических) состояний сознания, умственной деятельности, индивидуального знания (второго мира); мира объективного знания (третий мир) [13, с. 10]. Это знания, зафиксированные в языке, прежде всего в книгах и статьях, и благодаря этому приобретающие самостоятельность, объективность, автономию. К. Поппер утверждает, что благодаря языковой форме мир объективного знания становится независимым от субъекта. Основная идея Поппера сводится к утверждению: знание в объективном смысле есть знание без познающего субъекта. Если допустить, говорит он, что будут разрушены жилища, машины, инструменты, но сохранены библиотеки (хранители научного знания), человек, опираясь на этот «третий мир», может восстановить фрагменты первого мира-мира материальных вещей. Основная ошибка К. Поппера заключается в том, что он отрывает знаковые системы от их смысла, значения и от человеческой деятельности. Знания о природе, человеке и обществе должны отражать то обстоятельство, что их формирует человек, и способствовать укоренению этого факта в общественном сознании. Еще в 1927 году великий естествоиспытатель В.И. Вернадский высказал мысль, в которой проглядывает новое понимание положения человека в научно создаваемом строе мира, ясное осознание его роли не только как создателя собственной истории, но и как творца самого этого мира. «... Наука не существует помимо человека и есть его создание, как его созданием является слово, без которого не может быть науки. Находя правильности и закономерности в окружающем мире, человек неизбежно сводит их к себе, к своему слову и своему разуму. В научно выраженной истине всегда есть

отражение — может быть чрезвычайно большое — духовной личности человека, его разума» [14, С.238].

Знаменем времени можно назвать то, что естествоиспытатели сознательно обращаются к философии как синтетической форме мировоззрения. «В настоящее время физик вынужден заниматься философскими проблемами в гораздо большей степени, чем это приходилось делать физикам предшествующих поколений. К этому их вынуждают трудности их собственной науки» [15, С.248]. Им это необходимо уже в силу того, что философская проблематика реально присутствует на всех этапах ценностных, гуманистических, мировоззренческих обобщений, во всех их формах и видах. Духовные, ценностные элементы входят в структуру научного знания через философские основания. Философские идеи, принципы и концепции обосновывают идеалы и нормы научного знания, своеобразно в них преломляясь. Они, в свою очередь, обеспечивают «состыковку» частно научных и общенаучных нормативов и установок с установками более высокого уровня общности. Философские основания научного знания включают такие ценности, как онтологические и гносеологические постулаты, методологические парадигмы, стиль мышления, мировоззренческие ориентации и т.д. Наука как неотъемлемая часть культуры «генетически» включает духовные компоненты, определённые мировоззренческие основания и предпосылки. Мировоззрение же — это одна из форм существования знаний, высший по степени общности уровень систематизации. От философской культуры учёного зависит то, каким образом осознаётся эта проблематика, как она выстраивается в целостный образ реальности, представляющий собой наиболее полное ценностное, мировоззренческое обобщение. В этом обобщении отражено понимание данной науки, поэтому можно говорить о его «полноте» — за его границами существуют уже другие науки со своими образами реальности. Но в силу того, что границы научного знания все чаще ломаются, то и образы реальности «перекрещиваются», возникает проблемная ситуация не только в методологическом плане, но и в определении ценностной, мировоззренческой позиции.

Мы активно включились в процесс развития информационного общества. Очевиден тот факт, что компьютерная революция набирает новые обороты, бурно развиваются интернет технологии и робототехника, невиданные перспективы открываются генной инженерией и нанотехнологией. Человечество обретает новые, колоссальные возможности. Четко встаёт вопрос: «Как оно ими воспользуется?», Судьбоносная задача заключается в том, чтобы сохранить контроль над размножением этих новых проблем. Для этого необходимо преодолеть тот тип ментальности, который господствовал в индустриальную эпоху, ментальности, возводившей в высший ранг новацию саму по себе. В данном случае мышление творца новации отключено от осмысления ее возможных негативных последствий и ответственности.

Реальность требует развития нового типа научного мышления, которое нацелено как на производство новаций, так и на оценку её последствий негативного характера. Нужен новый поворот в развитии науки, чтобы ее творческая мощь концентрировалась на задачах прогноза, безопасности, противодействия деструктивным тенденциям,

сохранения и упрочения жизнестойкости земной самоорганизующейся системы. Современная парадигма науки предполагает новый тип творческого мышления, в котором основными доминантами будут чувство гражданской и этической ответственности, ценностно-гуманистические регулятивы высшего порядка.

Литература:

1. Медведев, А. В. Целостность духовности. Её типы и искусство// осмысление духовной целостности. — Екатеринбург, 1992.
2. Майбурова, Д. Я., Патлах Б. Ш. О духовном компоненте науки // Мустақил Ўзбекистон: фалсафа фанларини долзарб муаммолари. — Ташкент, 1997.
3. Нуйкин, А. А. Истинностная и ценностная компоненты познания // Вопросы философии. — 1988. — № 5.
4. Ал-Фараби. Философские трактаты. — Алма-Ата, 1970.
5. Полани, М. Личностное знание. — М.: Професс, 1985.
6. Арипов, М. Гуманизм Алишера Навои. — Ташкент, 1991.
7. Лосев, А. Ф. Вступительная статья к первому тому сочинений Платона / Платон. Сочинения. — М., 1968. Т. I. — с. 70. 2Бердяев Н. А. Опыты. — М., 1990.
8. Бердяева, Н. А. Опыты. — М., 1990.
9. Эйнштейн, А., Инфельд Л. Эволюция физики. — М., 1966; Митюгов В. Ф. Познание и вера // Вопросы философии. 1996. — № 5.
10. Поппер К. Логика и рост научного знания. — М.: Прогресс, 1983.
11. Вернадский, В. И. Избранные труды по истории науки. — М., 1981.
12. Эйнштейн, А. Инфельд Л. Эволюция физики. — М., 1966.
13. Лекторский В. А. О толерантности, плюрализме и критицизме // Вопросы философии. — 1997. — № 11.
14. Фейенберг, Е. Л. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке. — М.: 1992.
15. Новые информационные технологии и сульбы раіональжж-и н сопрмгннй культуре: Материалы «Круглого стола» // Вопросы философии. — 2003, — № 12.

Властные элиты в рискогенном обществе

Камышин Алексей Сергеевич, аспирант
Саратовский государственный университет

Современное общество за последнее время сильно изменилось, и эти изменения коснулись всех сторон его жизни. В системе социальных отношений образуются неизвестные ранние риски, которые приобретают формы глобальных рисков. Глобализация осуществляется через развитие высоких технологий и зависимости одних систем от других. Глобальная коммуникация превращает мир в «большую деревню», где существует единое информационное и смысловое пространство [4, с. 4]. Риски — именно, риск несущий глобальную угрозу, — становится неотъемлемой частью жизни. А современное общество все чаще называют обществом риска. То есть, обществом, где риски становятся его движущей силой.

Институты властных элит, в современном обществе также подвержены серьёзным переменам.

Первое изменение, которое сразу же бросается в глаза, это десакрализация правящего меньшинства. В развитых государствах этот процесс особенно заметен.

Властные элиты в обществе риска претерпевают серьёзное изменение в восприятии основной массы людей. Покров таинственности, избранности элит существовавший в традиционном обществе, сегодня исчезает. Правящая группа на протяжении всей истории пыталась утвердить в сознание людей, что управление государством это чрезвычайно трудное дело, являющееся уделом избранных. Покровом таинственности элита старалось всегда окружать свои действия. Такое положение вещей неизменно позволяло поддерживать стабильность в обществе, его устойчивость и позволяло ему двигаться вперёд.

Но сегодня, в транзитивном обществе, при развитии средств массовой информации, Интернета, вовлечённости огромного числа людей в политический процесс, ареол таинственности больше не может окружать властное меньшинство. Его деятельность подвергается серьёзной переоценки и становится достоянием всего общества.

В восприятии людей исчезло очарование властной элиты, ослаб её авторитет.

Современная элита больше не представляет собой единую сословную группу, которая своё доминирование объясняет устоявшимися традициями или мистическим предопределением. Сегодняшняя элита вынуждена апеллировать к рациональности. Опирается в своих действиях на законы. Она лишается своей «элитарности», «богоизбранности», замкнутости и непогрешимости. Решения политиков, глав государства, теперь оспариваются и публично высмеиваются. Разумеется, и раньше короли и императоры, а также и их окружение становились объектами шуток и сатиры, но не в таких масштабах как сейчас. В открытом обществе практически нет механизмов, способных сдерживать критиков. С развитием технологий, Интернета, все неверные шаги политиков, все их промахи, становится моментально известными избирателям. Если раньше, критики, это как правило, небольшая группа, то сегодня исчезает и «элитарность» критики. В Интернете, в социальных сетях, любой желающий может оскорбить, высмеять, какого-либо политика или найти компрометирующий материал с разоблачением на любого из них. Таким образом, девальвируется сама элитарность управления. Теперь государственный чиновник, не сиятельный вельможа, зависящий только от воли государя, а наёмный менеджер, отвечающий перед своим избирателем. Развитие демократических институтов приводит к изменению акцентов политиков. Теперь для них важно, прежде всего, заручиться поддержкой электората. Тем самым, зачастую, меняется и качество принимаемых политиками решений, которые, теперь принимаются с оглядкой на массового избирателя. Зачастую эти решения либо несут на себе немалую популистскую составляющую, либо правящая элита стремится уйти от личной ответственности, разделить её с кем-либо или, в идеале, угодить всем.

Очень часто смещаются акценты с действительно важных проблем на менее значительные. Современные правящие круги, как никогда отличаются от прошлой элиты своей трусливостью, и ярко выраженной инфантильностью. В современном обществе происходит измелчение правящего меньшинства. На смену выдающимся государственным деятелям, таким, какими были, к примеру, Уинстон Черчилль или Шарль де Голль, приходит образованная посредственность, заполняющая собой все институты власти. Историческое развитие подтвердило правоту утверждение Заратустры Ницше, о том, что земля «стала маленькой, и по ней прыгает последний человек, делающий всё маленьким. Его род неистребим, как земная блоха; последний человек живет дольше всех». [3, с. 11]

В обществе риска, несмотря на измелчение элиты, решения, которые она принимает, носят глобальный характер. Таким образом, последствия от её деятельности более значительны, чем последствия от деятельности элит прошлого. Примером могут служить современные войны. Никогда ещё война не могла быть столь разрушительной

и смертоносной для человечества в целом. Применять или не применять оружие массового поражения всецело зависит от правящего меньшинства. Тоже самое касается и решения глобальных экологических проблем.

Теперь проблемой является не то, как природа воздействует на жизнь человека, а то, какое влияние сегодня люди оказывают на окружающий мир. Эти перемены обозначили новые риски, с которыми глобальному обществу приходится сталкиваться сейчас. Как замечает Э. Гор, он пришёл к «более глубокому пониманию самого устрашающего факта из всех, с какими нам пришлось столкнуться в наш век: цивилизация способна уничтожить самое себя». [2, с. 13]

Стремительное развитие науки приносит в деятельность властвующей элиты всё больше и больше рационального начала. Идеология, своеобразие традиций вытесняется экономикой, экономической необходимостью. Так элита многих стран с радостью согласилась бы затормозить научную деятельность, запретить Интернет, свободный выезд и многое другое, но боязнь утраты влияния в глобальном мире, боязнь стать страной изгоем, и, в конце концов, отстать от других государств в своём развитии, удерживает их от этого.

Сейчас элитам при принятии решений всё чаще приходится обращаться за поддержкой к экспертному сообществу. А научные заключения зачастую становятся определяющими при принятии решений политиками. Так заключение экспертов о наличии химического и бактериологического оружия у какой-либо из стран изгоев может послужить поводом для начала войны. Ещё один пример может быть связан с утверждениями ученых об опасности глобального потепления, которое, теперь элита не может игнорировать.

Эксперты теперь не только входят в элиту, но и становятся политическими, экономическими и культурными создателями мифов. «При этом в отличие от древней жреческой власти власть экспертократии строится не на утаивании информации, а на спекуляции ее открытостью. В отличие от древнего сакрального знания ценность (потребительская стоимость) современной информации связана не с вечным пребыванием, а с ничем ни сдерживаемым становлением. В отличие от идей и представлений информация представляет собой структурную единицу не статичного, а меняющегося и преодолевающего самое себя бытия.

Власть экспертократии основана на повышении пластичности мира, получаемая ею прибавочная стоимость связана с аккумулярованием возможностей от спроса на изменения и риски. Полученные и присвоенные таким образом возможности именуются на экспертократическом языке «инновациями». [1, с. 9.] Развитие высоких технологий с одной стороны ставит властные элиты в зависимость от избирателей и не позволяет многое утаить, но с другой, даёт ей возможность манипулировать общественным мнением в невиданных ранее масштабах, выдумывать несуществующие проблемы и успешно их решать,

искажать действительность как им выгодно. Современные технологии открывают поистине безграничные возможности для правящего класса. Теперь, если то или иное событие не визуализируется, не появляется на экранах телевизора или монитора компьютера, то его просто напросто не существует для основной массы людей.

Глобализация и развитие образования изменяет и социальный состав избирателей. Эти изменения заставляют и правящую элиту подстраиваться под них. Рост населения городов, занятость большинства населения в сфере услуг, предписывают и элите ориентироваться на их интересы.

Избиратель общества риска, это не избиратель первой половины XX века, у него другие запросы и другое представление о том какой должна быть власть. Поэтому, и современному правящему классу приходится подстраиваться под их ожидания.

На первый план выходят проблемы субъекта, экологические проблемы и вопросы безопасности. Элита те-

ряет не только свою аристократичность, обособленность, но и масштабность своих замыслов. Теперь всё скромнее. Её цель на сегодня, это удовлетворять запросы избирателей. А для этого не нужны амбициозные, самостоятельные, «хищнические» натуры. Теперь общество нуждается в обыкновенных людях, в узких специалистах, наёмных менеджерах, которые не будут выходить за пределы своих компетенций.

В обществе риска правящая элита направляет немалые усилия на борьбу с всевозможными глобальными опасностями, однако, в тоже время, во всех её действиях потенциально скрываются не меньшие риски для жизни общества. Но, даже когда, она пытается уйти от принятия тех или иных решений, снять с себя ответственность, она не может избежать рисков.

Современное общество — это общество глобальных рисков, которые пытается минимизировать правящая элита, состоящая из образованной посредственности. И насколько это у неё получится, покажет время.

Литература:

1. Ашкерев, А. Эксперткратия. Управление знаниями. М., 2009. с. 9..
2. Гор, Э. Земля на чаше весов. Экология и человеческий дух. М., 1993. с. 13.
3. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра //Сочинения: В 2 т. Т. 2. с. 11
4. Федотова, В.Г. Факторы ценностных изменений на Западе и в России // Вопросы философии. 2005. № 11. с. 4.

Свобода и отчуждение в социальном развитии

Маматов Обидхон Ваккосович, кандидат философских наук, доцент
Наманганский государственный университет (Узбекистан)

Свобода труда тесно связана с общественным развитием. Социальное развитие постепенно превращает труд в творческий, сознательный процесс. Если труд не производится в сознательной форме на основе воли и желания, от него незачем ждать удовлетворения и производительности. Значит, труд не произведенный на сознательной основе нельзя назвать в полной мере трудом. Действия человека, не получающего удовлетворения и радости от результата своих трудов оценивается не как труд, а как работа. Конечно же, не удовлетворенность от своего труда проявляется в качестве чуждости к личности. В этом месте отчужденность мы используем именно в этом смысле. Отчужденность личности, производится в качестве неудовлетворенности от своего труда, не получение духовного и эстетического наслаждения. «Бесконечные права субъекта заключаются в том, что он сам находит удовлетворение в своей деятельности, в своем труде» [1, с. 22].

Если брать во внимание то, что отчужденность проявляется в умственной и в интеллектуальной сфере, то можно наблюдать не только его непродуктивность, но

и приведение его к вредным последствиям. Это особенно быстро развивается в условиях бюрократии. Если руководитель будет, показывать себя вышестоящему руководству, что он усиленно работает и усиленно прилагается бумажной волоките, требует заполнения ненужных бумаг, в этом случае и руководитель и его подчиненные останавливаются от свободной деятельности. Такой руководитель не должен ожидать от своих подчиненных плодотворных результатов.

Поэтому нельзя допускать таких проявлений. Особенно нужно усилить внимание людям умственного труда и творческим служащим, так как, именно они создают духовное богатство, поэтому забота о них, создание всех необходимых духовных и материальных условий является обязанностью и долгом каждого руководителя этой отрасли.

Как видно, свобода не является результатом материальных факторов, но и показывает преобладание значимости духовного фактора. Отчужденность личности происходит не только по причине душевной усталости, оно может возникнуть также по причине нравственной и духовной низости. Значит, на отчужденность нужно смо-

треть не как на мир с нарушением определенных нравственных и духовных критериев, пути от человечности к животному, а в качестве результата духовной и нравственной извращенности.

Труд в первую очередь, выходя на арену в качестве потребности, в развитом обществе проявляется в качестве права и свободы личности. Каждый человек должен иметь право на труд, на свободу выбора профессии, работу в справедливых трудовых условиях и защиту от безработицы. Нельзя допускать принуждение к труду.

Как видно из этого, право и свобода в осуществлении труда должны закрепляться законом, как это делается в развитых странах. То есть, государство гарантирует свободу в трудовой деятельности, но существуют и другие стороны этого вопроса которые показывают сложность данного процесса.

Значит, поиск свободы осуществляется только в политических и правовых сферах, хотя они являются необходимым, могут привести к односторонности и не смогут полностью раскрыть сути свободы труда.

По моему мнению, недостаточно взгляда на свободу в качестве политической и правовой категории. Свобода в основном должна рассматриваться в качестве душевного и духовного совершенства. Духовно совершенный человек в любых положениях и условиях сможет вести себя свободно, сможет понять сути деятельности и быть удовлетворенным от своей деятельности. С этой точки зрения рассмотрения свободы в качестве духовного фактора может привести его к признанию в качестве свойства совершенной личности и совершенного развитого общества.

Если демократию отделить от духовности — это может привести к духовному извращению и анархии, поэтому надо подходить к личности не только как к разумному и познающему, но и как к духовному существу. Современное общество нуждается в духовном и нравственном управлении. По этой причине существует необходимость глубокого анализа сущности понятия свободы. Эта необходимость появляется по причине не полного понимания сути и меры политических и правовых свобод.

Нарушение меры свободы приводит к отступлению от человечности и гуманизма в политических и правовых отношениях. С этой точки зрения, любая свобода только в условиях гармоничности духовных, культурных и нравственных критериев может называться свободой в прямом смысле этого слова.

Для понимания свободы необходим подход в качестве исторической категории. Свобода рождается, растет и в конечном итоге умирает так же, как и человек. Общество на ранних этапах его развития было слепо перед силами природы и являлось его рабом. Причиной этого является низкий уровень социализации ранних людей.

Свобода и социализация развивались в параллельном порядке. В этом случае свобода и социализация имеют большую значимость не только относительно человеку, но и в первую очередь относительно обществу. Если же общество не социализируется, то не приобретает чело-

веческий облик, то и о свободе не может быть и речи, так как человек осознает себя только в обществе. «... Личность и общество должны быть представлены растущими из одного корня. Таким корнем может быть только живой человеческий дух, который дает жизнь и соединениям людей в союз» [2, с. 105].

Так как развитие свободы связано с социальным прогрессом, можно сказать, то общество, которым считается развитым, то это общество будет оценивать свободу как развитую.

Связывая свободу с социализацией, нет возможности подойти к нему без системного подхода, то есть, если нравственные, политические, экономические и другие стороны дают понимание о «развитии социализации», то в этом обществе свобода также будет развиваться. В таких обществах уровень свободы человека связано с осознанием вышеуказанных процессов, так как свобода связана с развитием общества, так и социализация связана с осознанием человека самого себя.

С философской точки зрения в современных развитых обществах свобода и социализация приходят к гибели. В этих обществах происходят процессы отчужденности и превращения в раба нечеловеческих склонностей, это приводит к возвращению человека к первобытному стаду. Это стадо теперь не является первобытным, оно оценивается, как стадо с высокоразвитыми научно-техническими достижениями, с гаснущими человеческими чувствами и теряющимися духовными взаимоотношениями.

Если на раннем этапе развития в обществе преобладал каннибализм, то теперь возникает торговля людьми и его органами. Социализация съедает сама себя. Абстракция и романтизм, присущие человеку исчезают. Сегодня такие понятия как, права человека, правовое государство истолковываются неправильно и теряют свои нравственные и духовные основы, так как «... фундаментально-основополагающим качеством человека является его духовность» [3, с. 460].

Право также отчуждается. Эта отчужденность приводит к его механизации, то есть приводит к чисто формальным логическим механизмам, оторванной от содержания. Экспорт Западной демократии в страны Азии приводит к кризису семьи, и семейным отношениям, духовным и нравственным критериям во взаимоотношениях членов семьи, мужчины и женщины, государственных деятелей и простых граждан.

Это в свою очередь приводит к исчезновению такого священного чувства, как гордость. Человек и общество без гордости находятся в положении рабства. То, что мы называем «свободой», которая не имеет никаких отношений ни к духовности ни к нравственности знающего себя в молодом возрасте на самом деле стоит перед гибелью. Оно приводит себя и общество к гибели.

Исходя, из всего этого можно понять, что существуют строго установленные критерии таких понятий, как свобода и социализация. Разрушение этих критериев приводят к различным последствиям в обществе.

Литература:

1. Гегель, Г. Соч. Т. 8.
2. Новгородцев, Д. И. Об общественном идеале — М. 1991.
3. Барулин, В. С. Социальная философия. — М., ФАИР-ПРЕСС. 1999.

Гносеологические функции образа

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор
Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

В науке существует ряд понятий, к которым нелегко подобрать соответствующее определение. К таковым относится и понятие «образ». Трудность дефиниции здесь связана с тем, что приходится определять элемент сознания при помощи самого же сознания, которое само не имеет однозначного определения. «К сожалению, философия и наука не могут похвастаться тем, что они за тысячи лет своего существования и развития не пришли к сколько-нибудь однозначному определению сознания. Живое сознание упорно сопротивляется любым концептуализациям», — пишет известный психолог В. П. Зинченко [1, с. 11]. Заметим, что дефиниции образа, имеющиеся в психологической и философской литературе лежат в интервале от отождествления образа с материальными предметами (икона) до их сведения к ощущениям. Подробный анализ подобных определений нами был уже сделан в ряде публикаций [2; 3; 4 и др.]. Мы полагаем, что образ есть интегративное качество совокупности чувственных сигналов, субъективно переживаемое как модальности, структурно тождественные самому отражаемому объекту.

Целью статьи является раскрытие функций образа как гносеологической категории. Одной из таких функций является способность образа выступать в качестве средства обобщения знания.

Интегративные процессы пронизывают все уровни познавательной деятельности. Обобщение позволяет извлекать закономерности из хаоса событий и процессов, унифицировать и выразить их в образе, формуле, мысли. Без выявления общего, инвариативного невозможна наука. Многие ученые единодушны в том, что в науке ныне преобладают интегративные процессы.

Актуальность обобщения знания вызвана колоссальными изменениями мира информации. Ее стало много, и на передний план вышла проблема эффективной обработки информации. В научной литературе обобщение, как правило, рассматривается в качестве логической операции, а обобщающие возможности образов изучены сравнительно мало. Мы полагаем, что обобщение возможно как на рациональном, так и чувственном уровне. Многие образы являются эталонами, образцами, при помощи которых мы восприни-

маем и систематизируем информацию. Этого мнения придерживаются известные психологи (А. Н. Леонтьев, Дж. Брунер, У. Найссер, А. Р. Лурия и др.). Мы поддерживаем эту точку зрения и понимаем под обобщением психический процесс сведения в целостность определенной информации, осуществляемый как логическими, так нелогическими средствами. Наличие обобщающих черт образов заметил еще Гегель, считавший воспоминание подведением непосредственного образа (восприятия) к имевшемуся в памяти образу (представлению). В последние 40–50 лет психологами и философами накоплен интересный материал, доказывающий способность образов выражать общее (Р. Арнхейм, В. В. Давыдов, А. М. Коршунов, А. Р. Лурия, У. Найссер и др.). Инвариантность большинства образов по отношению к отражаемым в них объектам в современной психологии давно не вызывает сомнения. Н. Ю. Вергилес и В. П. Зинченко утверждают, что «образ должен быть инвариантным относительно многочисленных трансформаций стимула» [5, с. 65].

В чем особенность обобщения, осуществляемого на уровне образов? В опубликованной нами статье [6] мы обратили внимание на две особенности обобщения при помощи образных представлений: а) образ позволяет синтезировать в единое целое такие модальности, которые невозможно обобщить при помощи логического мышления (цвет, форму, идею, фон и т. п.); б) образ может выступать в качестве репрезентанта целого класса (образ треугольника представляет весь класс треугольников, образ атома — класс атомов и т. д.). Последнюю функцию мы называли генерализацией.

Другой важной гносеологической функцией образа является семантическая. Она связана с проблемой понимания, которая наиболее остро проявилась в XX веке и связана, прежде всего, с процессом математизации науки. Опубликовано множество работ, в которых выдвигаются различные концепции понимания. В процессе знакомства с этими источниками у нас сложилось мнение, что понимание в конечном счете базируется на чувственной сфере познания. По нашему мнению, в основе понимания лежит механизм редукции нового знания к образам, являющимся продуктом филогенеза. Появ-

ление в XX веке новой формы организации знания — научной картины мира — мы также усматриваем в обострении проблемы понимания научного знания [7]. Теория относительности, квантовая механика, генетика утверждают о существовании объектов, которые не имеют чувственных аналогов в наблюдаемом мире. Если классическая механика находила свои объекты с легкостью, то в зарождающейся новой физике приходилось создавать образы этих объектов творческой силой воображения. В XX веке физики впервые по-настоящему поняли необходимость конструирования теоретических объектов, а не поиска среди образов восприятия онтологического основания знания. Перед ними встала проблема изобретения научной онтологической базы для своей науки: раньше они ее просто открывали в чувственных образах, отображающих макромир. В ответ на это и возникает научная картина мира, включающая в себя так называемые онтологизированные образы. По этой причине образы научной картины мира можно рассматривать в качестве необходимого компонента языка науки, выполняющих семантическую функцию в научном познании и способствующих как внутринаучной трансляции научного знания, так и его пониманию во вненаучных сферах культуры.

Еще одной функцией образов является эвристическая. Эту роль, прежде всего, выполняют образы воображения. Как пишет И.П. Фарман, воображение есть «важнейший процесс мыслительной деятельности, состоящий в создании и преобразовании образов и образных представлений. Воображение обусловлено природой мышления, в соответствии с которой человек имеет дело не только с действительными объектами, но и с идеальными представлениями. Оно функционирует как система, дающая возможность соединять чувственное и рациональное и образно представить себе с разной степенью ясности практически любой предмет, процесс, ситуацию, в том числе не воспринимавшуюся в целом в действительности или вообще невозможную. Специфической особенностью воображения является *продуктивная творческая способность (выделено нами — Р.Р.)*, проявляющаяся во всех областях знания как отход, «отлет» от действительности, предвосхищение того, чего ещё нет» [8, с.120–121]. Исходя из цитируемой части определения И.П. Фармана, можно утверждать, что: 1) результат воображения — это образ; 2) оно является видом творчества; 3) в процессе воображения происходит синтез рационального и чувственного, поэтому в результате воображения (образе) имплицитно присутствует мысль.

Заслуживает внимания специалистов по творчеству и фрактальная концепция. Термин «фрактал» введен в науку в 1975 году Б. Мандельбротом для обозначения подобия различных систем, возникающих в разных местах, в разное время и реализующих себя в разном материале [9]. Объясняя природу фракталов, В.М. Таланов, пишет о существовании некоего универсального алго-

ритма, при помощи которого творит и человек, и природа [10]. Автор находит поразительное сходство структур известных минералов, молекулярное строение которых было изучено только в XX веке, с орнаментами средневековой мусульманской архитектуры: «Фрагмент орнамента мечети, построенной в 1094 году в Египте, передает структурный мотив минерала флюоборита, а архитектурные турецкие орнаменты XIII века являются точной копией мотива кристаллической структуры некоторых силикатов» [10, с. 92]. С таким пониманием природы фракталов согласуются и результаты, полученные в Брукхейвенской национальной лаборатории США С. Масловым и Т. Паном, обнаруживших удивительное сходство способа формирования цепочек ДНК и компьютерных программ [11].

Специфическим выражением этой идеи формообразования, на наш взгляд, является и концепция архетипов К.Г. Юнга, согласно которой первичные формообразующие детерминанты — архетипы — являются психической формой выражения находящегося за пределами психики коллективного опыта. В одной из своих работ Юнг обращает внимание на близость своего учения об архетипах к платоновской концепции творчества: «В былые времена <...> без особых затруднений понимали мысль Платона о том, что всякой феноменальности предшествует и надстоит идея. «Архетип» — не что иное, как уже в античности встречающееся выражение, синонимичное «идее» в платоновском смысле» [12, 30]. В отечественной эпистемологии эта идея неплохо изложена в статье Д.З. Хамзиной [13]. Архетипическая концепция Юнга позволяет объяснить открытый им феномен синхронии [14]. Он обратил внимание на существование одинаковых событий, которые происходят в разных почти одновременно. Известно, например, что дифференциальное исчисление было открыто одновременно и Г. Лейбницем, и И. Ньютоном, которые не общались друг с другом и не делились своими научными достижениями. Ученица и личный секретарь Юнга А. Яффе, объясняя природу синхронии, приводит пример из биографии Ч. Дарвина, когда тот получил свежую рукопись биолога А.Р. Уоллеса, в которой излагалась его — дарвиновская — теория естественного отбора, но другими словами и в более сжатом виде [17, с. 306–307]. Известно, что Уоллес не был знаком со взглядами Дарвина по теории эволюции и жил далеко от Англии — на Моллукских островах Малайского архипелага. Сам Юнг объяснял синхронию существованием за пределами психики (в «коллективном бессознательном») неких порождающих структур, проявляющихся в индивидуальной психике в виде определенных образов. В этой концепции архетипические образы, рассматриваются как матрицы, проекция которых на реальность способна создать новую систему. Образ в этом случае рассматривается как носитель структуры, при помощи которой элементы исследуемой реальности упорядочиваются и создают новую реальность.

Литература:

1. Зинченко, В. П. Предисловие к русскому изданию // Хант Г. Т. О природе сознания. М., 2004.
2. Рахматуллин, Р. Ю. Образ: проблема определения // Сборник конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 5.
3. Жуковский, В. И., Пивоваров Д. В., Рахматуллин Р. Ю. Визуальное мышление в структуре научного познания. Красноярск, 1988.
4. Рахматуллин, Р. Ю., Семенова Э. Р., Хамзина Д. З. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12–2.
5. Вергилес, Н. Ю., Зинченко В. П. Проблема адекватности образа // Вопросы философии. 1967. № 4.
6. Рахматуллин, Р. Ю. Образ как средство обобщения научного знания // Молодой ученый. 2015. № 7 (87).
7. Рахматуллин, Р. Ю. Научная картина мира как особая форма организации знания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 12–2.
8. Фарман, И. П. Воображение // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009.
9. Мандельброт, Б. Фракталы и хаос. Ижевск: РХД, 2009.
10. Таланов, В. М. Существует ли единый универсальный язык культуры? // Фундаментальные исследования. 2009. № 1.
11. Linux оказался бактерией [Электронный ресурс]. URL: http://www.gazeta.ru/science/2013/04/03_a_5237373.shtml (дата обращения 18.04.2015).
12. Юнг, К. Г. Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996.
13. Хамзина, Д. З. Роль мировоззренческих образов в научном творчестве // Молодой ученый. 2014. № 1.
14. Юнг, К. Г. О синхронии. М., 2003.
15. Яффе, А. Наука и подсознание // Юнг К. Г. и др. Человек и его символы. М., 1997.

About development of engineering thinking

Рашидов Абдулазиз Мухаммадмуратович, студент;
Куимова Марина Валерьевна, кандидат педагогических наук, доцент
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Rashidov Abdulaziz Mukhammadmuradovich, student
Kuimova Marina Valeryevna, PhD in Methods of TFL
National research Tomsk polytechnic university

A good scientist is a person with original ideas.

*A good engineer is a person who makes a design that works with
as few original ideas as possible*

Freeman Dyson

One of the priority practical tasks of higher technical education is to improve the quality of education in line with the requirements of high-tech contemporary industry. Modern alumni should possess critical thinking and creative thinking skills, the ability to predict the situation and think by the notions of the process, be able to define and realign goals “play by the ear”, as provided by new circumstances and act in light of several alternatives.

Technical universities train future alumni to be result-oriented, able to operate under constraints caused by deadlines, generate new concepts, estimate their accuracy or reliability, put forward engineering solutions to problems, provide an opinion or judgment on them [5]. The quality of higher technical education can be assessed according to the following criteria:

- competence of university alumni;
- the ability to think outside the box, generate new ideas, explore them and make effective decisions;
- the ability to realize one’s intellectual and spiritual potential;
- occupational mobility;
- the ability to respond quickly to changes in the constantly evolving practical and scientific activities;
- engineering thinking.

Engineering thinking is a kind of thinking appearing in the solution of engineering tasks, allowing to solve tasks quickly and accurately, aimed at meeting the technical needs [3]. It is a rational, unemotional, methodical thinking and a method for achieving success [7]. Engineering thinking must be based on a well-developed imagination and includes different kinds of thinking:

- logical;
- creative;
- eye-mindedness;
- practical;
- theoretical;
- technical;
- spatial, etc.

Engineering thinking is a pragmatic thinking designed to create, build, construct, test the correctness of results and carry out a technical plan through its practical implementation. The most important result of engineering thinking is the solution of specific technical, technological, industrial, managerial and organizational challenges through technical means and innovation to achieve the most cost-effective and high-quality results, to humanize the production, labor, equipment and technology [1].

Engineering thinking is a system of creative technical thinking, allowing one to see the problem from different angles, see the connections between its parts and see the past, present and future of the whole process [4]. Engineering thinking helps to offer, choose and justify engineering

concepts based on physical science, mathematics, law, medicine, literature, rhetoric and philosophy knowledge [6].

Engineering thinking is developed by:

- orientation on development rather than on teaching;
- use of innovative teaching methods and technologies (project-based learning, case-study method, etc.);
- use of computer technologies;
- interdisciplinary approach to teaching disciplines;
- students' creative cognitive activity in the educational process [2, 3].

Thus, engineering thinking and the ability of specialists to apply scientific and technical creativity is the key to progress in production engineering, increase in performance and quality of labour. The conformation of engineering thinking is largely dependent on the quality of the educational process at the university. The formation of a many-sided personality, harmonious specialist with system engineering thinking, is attributed to the use of interdisciplinary approach to teaching, variety of teaching methods, students' active research activities and creation of a comfortable learning environment stimulating creative processes and innovative technical ideas.

References:

1. Возникновение инженерии. Инженерное мышление и творчество. http://mobile.studme.org/1241122417686/filosofiya/vozniknovenie_inzhenerii_inzhenernoe_myshlenie_tvorchestvo (дата обращения: 25.04.2015).
2. Зиновкина М. М., Подкатилин А. В. Основы инженерного творчества и компьютерная интеллектуальная поддержка мышления. М.: Моск. гос. индустриал. ун-т. 1997. 173 с.
3. Мустафина Д. А., Ребро И. В., Рахманкулова Г. А. Негативное влияние формализма в знаниях студентов при формировании инженерного мышления // Инженерное образование. 2011. № 7. С. 10–15.
4. Сазонова З. С., Четчина Н. В. Развитие инженерного мышления — основа повышения качества образования. М.: МАДИ (ГТУ), 2007. 195 с.
5. McCready M. J. Defining engineers: how engineers think about the world <https://www3.nd.edu/~mjm/engineer.essay.pdf> (accessed April 25, 2015).
6. Robinson J. A. Engineering thinking and rhetoric <http://www.intuac.com/userport/john/writing/nthinking.html> (accessed April 25, 2015).
7. Why engineering thinking? <https://engineeringthinking.wordpress.com/> (accessed April 25, 2015).

Нужна ли наглядность науке?

Семенова Эльвира Разифовна, кандидат философских наук
Башкирский государственный аграрный университет (г. Уфа)

В гносеологии наряду с понятием «зрительный образ» нередко употребляется понятие «наглядный образ». Особенно часто понятием наглядности пользуются авторы, пишущие на темы, посвященные гносеологическим вопросам дидактики. И в гносеологии, и педагогике рассматриваемые понятия нередко употребляются как синонимы, что неверно. Но сначала обозначим свою позицию в понимании понятия «образ». Такая необходимость вызвана существованием больших разногласий в его определении [1; 2; 3; 4; 5]. Не вдаваясь в критический анализ

существующих определений образа, приведем свое определение, данное нами в одной из указанных выше статей: «образ есть совокупность чувственных сигналов, изоморфных содержанию объекта-оригинала и субъективно переживаемых в качестве самого объекта» [3, с. 169]. В приведенном определении акцент делается на три свойства образа:

- а) образ есть психический феномен;
- б) между образом и оригиналом существует отношение изоморфизма;

в) образ обладает свойством интенциональности.

По доминирующей модальности образы можно классифицировать на ряд групп: зрительные, слуховые, осязательные и т.п. По нашему мнению, наглядные образы — это вид зрительных образов, обладающих особыми свойствами. Зрительный образ можно называть наглядным только тогда, когда он применяется для объяснения или толкования какой-либо идеи. Например, образ спирали, применяемый сторонниками диалектического материализма при объяснении идеи повторяемости и преемственности в развитии, выполняет совершенно иные гносеологические функции, нежели образ, отражающий пружину в часовом механизме. Такое использование зрительного образа в сфере рационального — объяснения, выяснения, интерпретации — делает его своеобразным носителем мысли, её воплощением.

Существует еще одно свойство наглядных образов, отличающее их от обычных зрительных представлений: они нужны, чтобы представить сферу практической деятельности, в которую включены их прототипы. Согласно семантической концепции Чарльза Пирса, которую мы поддерживаем, значение есть применение. Основатель прагматизма считал, что мы только тогда понимаем сущность исследуемого объекта, когда можем представить его в структуре нашей деятельности. Какое место он там занимает и какие функции выполняет — это и есть его значение. Знание есть не только результат познания чего-то, но во многом оно нужно *для* чего-то. Как правило, это его вторая функция намного важнее, чем первая. Когда американский психолог Р. Холт писал о «возвращении образов из изгнания», он объяснил этот феномен именно потребностями инженерной деятельности, когда необходимо «перевести» теорию на язык практики [6]. Д. Гильберт и С. Кон-Фоссен, написавшие интересную работу, посвященную наглядным основаниям математики, замечают, что «в математике, как и вообще в научных исследованиях, встречаются две тенденции: тенденция к абстрактности — она пытается выработать логическую точку зрения на основе различного материала и привести весь этот материал в систематическую связь — и другая тенденция, тенденция к наглядности, которая в противоположность этому стремится к живому пониманию объектов и их внутренних отношений» [7, с. 6].

Есть еще одно свойство наглядных образов, ярко проявляющее себя в научном познании и обучении: они выполняют герменевтическую функцию [8]. Стремление исследователя и педагога представить научную идею наглядно объясняется тем, что информация, заключенная в образную форму, легче усваивается. Существует психологическое объяснение этому: ощущения, как основные «строительные конструкторы» образа, являются древнейшими формами мировосприятия и по этой причине они укоренены в психике человека с момента его возникновения как вида (скорее всего, и раньше). Один из первых исследователей проблемы наглядности в науке А.В. Славин пишет: «Человек по своей природе обла-

дает внутренней психологической потребностью в том, чтобы наглядная картина объекта познания постоянно витала перед анализирующей и синтезирующей деятельностью его разума» [9, с. 180]. Дело в том, что наша психика формировалась в условиях макромира, поэтому понимание осуществляется путем редукции информации к образам, порожденным в результате приспособления человека к этому миру. А. Эйнштейн считал, что само по себе абстрактно-логическое в физической теории еще ничего не говорит об объективной реальности. Абстрактно-логическое лишь в связи с наглядным отражает объективно-реальное и может стать объектом опытной проверки [10, с. 86].

Для справедливости отметим, что ряд известных ученых выступают против применения наглядности в научном познании. Наглядную форму выражения научного знания они считают его примитивизацией. Такой взгляд в научном пространстве формировался в связи с интенсивной математизацией физики в первой половине XX столетия, когда с подрывом авторитета механики И. Ньютона был подвергнут критике и введенный им в науку принцип наблюдаемости. В произведениях В. Гейзенберга, Э. Маха, М. Планка отмечается, что по мере развития физическая наука становится все более не наглядной. В отечественной эпистемологии такая точка зрения отстаивалась В.П. Бранским [11]. Противники визуализации научного знания при этом ссылаются на то, что ряд абстрактных объектов современной физики не имеют чувственных аналогов, и этим они отличаются от абстрактных объектов классической механики. На самом деле, выражающие микромир образы не являются копиями объектов этого невидимого мира. Но образы, применяемые в современной науке, — не столько заимствования из выработанных повседневной практикой человека чувственных образов, сколько модели, специально создаваемые им из чувственного научно-теоретического материала. Известный физик Д. Бом обращает внимание на то, что речь в современной науке идет о возможности представления физического знания «с помощью качественных и сравнительно наглядных представлений, которые, однако, имеют совершенно иную природу, чем представления классической теории» [12, с. 9]. Поэтому речь должна идти не об отказе от наглядности в квантовой теории или науке вообще, а о её качественном изменении.

Основным аргументом противников наглядности науки является утверждение, что сущность невыразима при помощи чувственных образов. Такое мнение в наиболее категоричной форме было выражено А. Лангом в работе «О понятии наглядности и её роли в процессе познания и обучения» [13]. Думается, Ланг смешивает понятия невозможности и неумения наглядного изображения сущности. Фигуры категорического силлогизма, диаграммы Венна, круги Эйлера в логике, образ Солнечной системы, молекулы ДНК для того и создавались, чтобы в наиболее понятном и простом виде выразить сущность рассматри-

ваемых объектов науки. Наглядный образ, возникший в недрах теории, всегда претендует на изображение сущности. Конечно, не всякий образ удачно отражает сущность своего прообраза, но ведь и далеко не всякая научная теория обладает таким качеством. И точно так же, как и теории, наглядные образы могут отражать разные уровни сущности, схваченные и умело (или неумело) переданные авторами. И так же, как и теории, они бывают неудачными, ошибочными (птолемеевская модель Солнечной системы, образы «эфира», абсолютного (ньютонковского) пространства и т.п.). Мы полагаем, что неудачный наглядный образ — это результат неверной теории или же ошибочной интерпретации научно-теоретического знания. Анализ истории науки показывает, что эволюция наглядных научных представлений является результатом развития научного знания. Например, с формулировкой Ньютоном законов тяготения связи между частицами вещества стали объяснять через законы притяжения-отталкивания, а атом начали представлять в виде гладкого шара.

Наглядный образ — не копия объекта, а итог познания, фиксирующий в чувственной форме его основные результаты, полученные рациональным путем. Он представляет собой синтез абстрактных рассуждений человека с его практическим опытом, мост, соединяющий теорию с объективным, чувственно воспринимаемым миром. Практическая реализация научного знания свидетельствует, что прямой путь от не обладающего нагляд-

ностью абстрактной теории к чувственно-предметной деятельности, как правило, невозможен. Во-первых, это объясняется тем, что продукты абстрактного мышления трудно сопоставлять с конкретными предметами, во-вторых, нередко материальные аналоги современных научных теорий нередко вообще отсутствуют (например, такие технические объекты, как компьютер, мобильный телефон, лазерное устройство появились лишь после теоретических изысканий). Для того, чтобы успешно действовать практически, необходимо умение соединять чувственное начало, от которого субъект отвлекается на этапе абстрактного мышления, с итогами рационального познания. На это, в первую очередь, и нацелена операция визуализации научной теории.

Мы считаем, что любая научная теория или учебная дисциплина, претендующие на развитость, могут и должны стать наглядными, ибо наглядность — внутренне средство развития основного содержания научной концепции, превращения абстрактного мышления в цель будущего конкретного практического действия. Наглядность выступает в качестве необходимого компонента научной теории, надстраиваясь над совокупностью понятий в виде адекватного им комплекса чувственных образов. Только с помощью чувственных образов (в основном, зрительных) оказывается возможным интерпретировать знаковые логико-математические системы теорий, перекинуть мост от абстрактной теории к конкретной практической деятельности.

Литература:

1. Жуковский, В. И., Пивоваров Д. В., Рахматуллин Р. Ю. Визуальное мышление в структуре научного познания. Красноярск, 1988.
2. Рахматуллин, Р. Ю., Сафронова Л. В., Рахматуллин Т. Р. Образ как гносеологическая категория: трудности определения // Вестник ВЭГУ. 2006. № 3.
3. Рахматуллин, Р. Ю., Семенова Э. Р., Хамзина Д. З. Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 12—2.
4. Рахматуллин, Р. Ю. Образ: проблема определения // Сборник конференций НИЦ Социосфера. 2015. № 5.
5. Рахматуллин, Р. Ю. О понятии «образ» // Теоретические и прикладные вопросы науки и образования. В 16 ч. Ч. 1. Тамбов, 2015.
6. Holt, R. R. Imagery: the Return of the Ostracized // American Psychologist. 1964. Vol. 19. # 4.
7. Гильберт, Д., Кон-Фоссен С. Наглядная геометрия. М., 1981.
8. Рахматуллин, Р. Ю. Герменевтическая функция образа в процессе обучения // Вестник Карагандинского университета. 2012. № 4.
9. Славин, А. В. Наглядный образ в структуре познания. М., 1971.
10. Эйнштейн, А. Собрание научных трудов: В 4 т. Т. 2. М., 1966.
11. Бранский, В. П. Философское значение «проблемы наглядности» в современной физике. Л., 1962.
12. Бом, Д. Квантовая теория. М., 1965.
13. Ланг, А. О понятии наглядности и её роли в процессе познания и обучения. Таллин, 1967.

Развитие и человечность — ведущие тренды социальной жизнеспособности

Цупренко Зореслава Владимировна, аспирант
Запорожский национальный университет (Украина)

В процессах, связанных с изучением уровня жизнеспособности успешных человеческих сообществ, наблюдается своего рода диалектика универсальности и человечности: достигнутая степень универсальности требует возвышение гуманизма — сначала в его негативной форме, как минимизации бесчеловечности, «звериности» в возникающем человеческом роде, а потом и в позитивной — как содействие развитию лишённого такой возможности человека.

Начиналось это с признания права на жизнь для военнопленных иноплеменников, которых, как это было заведено, например, в примитивных греческих племенах, «в очень древние времена» поедали «живьем или поджаренными на огне» (на что А. Боннар нашел указания в гомеровской «Илиаде» [1, с. 150]), а позднее — убивали. Племена, «не вышедшие еще из охотничьего состояния», то есть располагавшие экономикой присваивающего типа, «редко поработают побежденных врагов: если они не убивают и не съедают их, то обыкновенно просто принимают их в свою среду, усыновляют их», поскольку «при отсутствии промышленной деятельности рабство бесполезно» [2, с. 408]. Но там, «где племя уже перешло к пастушескому и земледельческому состоянию, возникают достаточные мотивы, чтобы щадить жизнь пленников, и, наложив на них клеймо рабства, приставить их к каким-нибудь работам» [2, с. 408]. Потому рабство и «представляется как бы парадоксально это ни звучало — явлением прогрессивным», что оно возникает, «когда уже предпочитают сохранить жизнь пленника — разумеется, не из человеколюбия, но чтобы извлечь пользу из его труда» [1, с. 150]

Как видим, уже на первоначальном этапе человеческой истории развитие «человечности» высокоразвитых гоминид, которые перешли к качественно новому, неизвестному в животном мире, поскольку недостижимого для животных, способу существования, проходил в основном в отрицательной форме — в форме преодоления в них животности, «зверскости». С достижением такого минимально достаточного уровня развития производительности труда, когда физиологический минимум потребления становится гарантированным, наблюдался постепенный отказ от каннибализма, от массового убийства военнопленных с последующим превращением их в рабов в эпоху зарождения патриархального рабства, которое, как более высокий по сравнению с первобытным экономический уклад, делает такие сообщества жизнеспособнее.

Достигнутый первобытными культурными сообществами более высокий уровень человечности (пусть даже и в такой ее отрицательной форме, как минимизации его

бесчеловечности), зафиксированный в новой системе общественных отношений, становится «стартовой площадкой» для нового этапа культурного развития, в течение которого этот последний утверждается. И затем он постепенно консервируется в застое тех социоантропных конфигураций, которыми и был обеспечен этот новый этап развития, ограничивая «гибкость» системы общественных отношений, а тем самым и их возможности к выживанию в условиях истощенности потенциала развития действующих систем общественных отношений.

На вторичном, цивилизационном этапе социокультурного развития человеческого рода, когда унаследованная от до-культурной, животной эпохи в истории этих успешных с точки зрения жизнеспособности гоминид, борьба между ними за средства существования сменилась борьбой за средства развития. Каждый новый тип общественных отношений как формы родового развития объединенных этими отношениями людей, содержал в себе свой предел такого типа развития, когда развитие одной (сначала меньшей) его части обусловлено умышленно культивируемой неразвитостью другой (сначала значительно большей) его части.

Затем за отстраненными в течение длительного времени человеческими массами признается право на определенный (определяемый интересами господствующих классов) объем культурного развития, что привело со временем к появлению такого социокультурного феномена, как «массовая культура» с таким характерным для нее явлением как массовое образование. Со временем наблюдается процесс повышения уровня (в Норвегии, Швеции и Финляндия высшим образованием охвачено от 80 до 93% населения [3, с. 110]) и длительности массового образования — в государствах — членах ЕС в различных формах непрерывного образования участвует от 10% (в Румынии) до 89,2% (в Австрии) населения [4, с. 127].

Достигнутая же человеческими сообществами более высокая степень человечности, в свою очередь, приводит к росту темпов, увеличению объема и возвышению уровня культурного развития, тем самым обеспечивая им высокую степень жизнеспособности. Так, по расчетам академика С.Г. Струмилина, средние темпы роста производительности труда в первобытном обществе составляли 1–2% за 10 тыс. лет, в рабовладельческом — 4% за 100 лет, в эпоху феодализма — 8% за 100 лет, а наиболее резко эти темпы выросли при капитализме. [5, с. 282–284]

Таким образом, жизнеспособность человеческих сообществ перед лицом природы обеспечивается непрерывным подъемом уровня универсальности человеческого

рода (сначала на уровне локальных человеческих сообществ), а именно этот подъем обеспечивается периодическим, прерывистым возвышением человечности человеческих сообществ. Носителями и проводниками каждого более высокого способа развития, становятся те человеческие типы, для которых развитие является предпосылкой их существования и утверждения в качестве доминирующих типов личности, способных через обеспечение собственных интересов путем достижения обусловленных ими целей определенное время поддерживать на должном уровне жизнеспособность подконтрольных им человеческих культурных сообществ. В первобытном обществе таким доминирующим человеческим типом был «коммунитарный человек», а на протяжении всей эпохи цивилизации — открытый Адамом Смитом «экономический человек», существеннейшей чертой которого является неумное стремление к максимизации личной выгоды за счет другого человека, что делает насилие «повивальной бабкой» истории цивилизации.

Поэтому война как наиболее убедительное проявления недочеловечности современного нам человека на некоторое время становится важным фактором естественного исторического отбора жизнеспособных форм развития, превращаясь на этапе рабовладельческого строя в один из основных (наряду с рождением, пиратством и частным правом) способов воспроизводства рабочей силы [1, с. 152]. На этапе феодального строя — способом захвата новых земель — основной формы богатства в указанную эпоху, а на этапе буржуазного строя, становится главным средством перераспределения между странами рынков сбыта и источников дешевых сырья, энергоносителей и рабочей силы.

И все же, тем основным ресурсом, за который, в конечном счете ведется между людьми борьба на этапе цивилизации, есть свободное время, содержащееся в свободных средствах и опредмечивающееся сегодня в свободных капиталах.

В отечественной социальной философии, вслед за европейской историографией, как известно, «наличие рабства и рабовладения считалось отличительной особенностью античной цивилизации», однако современные исследователи «избегают признания рабства в качестве доминирующего признака специфики античного общества» на том основании, что «на протяжении большого периода его существования основной силой, создававшей его материальную и хозяйственную базу, являлись не рабы, а свободные труженики» [6, с. 405]. Но это несколько не отменяет той несомненной истины, что главной социокультурной функцией раба является обеспечение своему господину свободного времени для свободного развития этого последнего, и не обязательно путем участия в непосредственном производстве свободных средств существования. Их может производить и свободный крестьянин, и колон. Но ни тот, ни другой не станут прислуживать другому свободному человеку, освобождая ему дополнительное свободное время для безграничного свободного

развития. Именно потому, что во времена Аристотеля было невозможно быть одновременно и развитым, и человеческим по отношению к другому человеку, Стагирит и определяет раба как «говорящее орудие», успокаивая, таким образом, свою интеллектуальную совесть. И все же, есть надежда на то, что с достижением человеческим родом того уровня его универсальности, при котором бы «ткацкие челноки сами ткали, а плектры сами играли на кифаре», и когда «зодчие не нуждались бы в рабочих, а господам не нужны были бы рабы» [7, с. 381], при котором отпадет необходимость лишать одну часть человеческого сообщества свободного времени как важнейшего ресурса развития для того, чтобы обеспечить им другую его часть, войны вместе с любым насилием вообще перестанут быть фактором поддержания или возвышения уровня жизнеспособности социальных организмов.

Более того, есть все основания полагать, что человечество уже достигло указанного уровня своей универсальности, поскольку выгоды более человеческих общественных отношений сегодня уже совершенно очевидны. Однако никто из современных интеллектуалов, насколько можно судить по известным нам публикациям, кроме писателя Юрия Крелина, так и не артикулировал более или менее внятно мысль о том, что «выгодна человечность» и выгодна она «обществу в целом» [8, с. 49].

И все же отсутствующая в дискурсах современной академической социогуманитаристики человечность, пробивает себе дорогу в практиках социального предпринимательства, одним из известнейших сторонников и пропагандистов которого является бангладешский банкир, лауреат Нобелевской премии мира Мохаммед Юнус [9]. Социальное предпринимательство, исключая из меновой стоимости своей продукции и услуг обязательную для типичного, коммерчески ориентированного «предпринимательства», прибыль, которая для этого последнего является главной целью, способствует высвобождению части доходов домашних хозяйств на цели более высокого или же непрерывного развития их членов.

Сегодня социальное предпринимательство рассматривается как часть так называемого третьего сектора общества, к которому, в отличие от первых двух — государственного и экономического/коммерческого, — относят всю совокупность негосударственных неприбыльных организаций, действующих практически во всех областях общественной жизни — экономике, политике, науке, образовании и культуре [10]. Сейчас неприбыльные организации существуют во всем мире. В США в третьем секторе работает около 7 млн. человек — больше, чем во всех государственных учреждениях, в Японии — около 4 млн., в Германии, Англии и Франции — по 1 млн. [11, с. 6].

В Украине процесс возникновения и формирования негосударственных неприбыльных организаций приходится на начало 90-х годов, после обретения страной независимости. Демократические процессы способствовали росту общественной активности населения, что проявля-

лось, в частности, в создании различных общественных объединений, которые в настоящее время являются важной частью политической и социально-экономической системы Украины. По состоянию на 2002 год количество неправительственных неприбыльных организаций в Украине составляло около 28 000, причем большинство из них (94%) осуществляло деятельность на региональном уровне [12, с. 289]. На сегодня количество неприбыльных общественных организаций в нашей стране превышает 64 тыс. [10, с. 5–6].

Одна из главных проблем, тормозящих развитие социального предпринимательства в Украине, — традиционный ложный стереотип о затратности социальной сферы как непроизводительной. До сих пор превалирует мнение, что финансовые ресурсы генерируются преимущественно в производственных секторах экономики, а расходуются в социальном секторе. Впрочем, если внимательно присмотреться, на что направлены эти расходы, которые с экономической точки зрения кажутся, на первый взгляд, бесполезными, становится понятным, что именно за счет этих расходов на социальный сектор происходит формирование человеческого капитала, который имеет решающее значение для экономического роста.

Несмотря на то, что сегодня в Украине это понятие еще не утверждено на законодательном уровне, в государстве функционирует немало предприятий, призванных решать конкретные социальные и экологические задачи. Они вовлечены в производство товаров и услуг для рынка, создают рабочие места, обучают население для достижения определенных социальных, экономических или экологических результатов деятельности. Вот лишь несколько примеров удачного социального предпринимательства в Украине:

Общественная организация «Сообщество взаимопомощи «Оселя»», Львов — мастерская по ремонту мебели, которая направляет полученные от основного вида деятельности средства на помощь беспризорным жителям города. Трудоустройство бывших беспризорных жителей Львова, которые прошли ресоциализацию в Сообществе взаимопомощи «Оселя», способствует их полноценной интеграции в общество.

Социальное предприятие «Выгода» (Житомир) — мастерская по изготовлению нестандартных металлических конструкций, где работают и учатся в прошлом алко- и наркозависимые люди, бывшие заключенные. Предприятие успешно преодолевает такие социальные проблемы, как безработица, отчуждение этих категорий граждан, оказывая им помощь в трудоустройстве и ресоциализации.

Литература:

1. Боннар Андре Греческая цивилизация, т. 1. — Издательство «Феникс», Ростов-на-Дону, 1994—448 с.
2. Спенсер, Г. Синтетическая философия: Пер. с англ. — К.: Ника-Центр, 1997. — 512 с.
3. Беляева, Л. А. Культурный капитал в социальном пространстве современной России как фактор модернизации страны // Вестник РГНФ. 2013. № 4. — с. 103—113.

Впрочем, не стоит думать, что развитие социального предпринимательства возможно лишь как проявление самоотверженности и безрассудного альтруизма. На самом деле развитие социальной сферы не только позволяет решить определенные социальные проблемы, но и удешевляет стоимость социальных услуг. Таким образом те, кто сегодня инвестирует в развитие социального предпринимательства, вскоре получают экономический эффект от снижения себестоимости рабочей силы, и, соответственно, добьются снижения себестоимости продукции и, в конце концов, повышения ее конкурентоспособности.

Социальное предпринимательство является экономически выгодным не только с точки зрения отложенного во времени экономического эффекта от развития человеческого капитала, но и с точки зрения ближайших во времени экономических выгод. К тому же, именно в его контексте сегодня рождаются инновации, позволяющие решить принципиально новым способом проблемы, которые казались «непреодолимыми». И именно социальное предпринимательство по своей сути направлено на развитие членов социума. Впрочем, для того, чтобы получить ощутимый эффект, усилий одних бизнесменов недостаточно. Необходимо законодательное внедрение этой инициативы, ее государственная и социокультурная поддержка, в том числе и путем проведения серьезной образовательной работы, а то и участия государства в инициировании и реализации социально значимых проектов в национальных масштабах — как это имело место в Бразилии в разгар борьбы с эпидемией СПИДа в этой стране [13].

Сегодня именно в социальном предпринимательстве наиболее естественным образом совмещаются взаимодополняющие и взаимоподдерживающие друг друга человечность и развитие, представляющие собой доминирующие тренды эволюции жизнеспособных человеческих сообществ, успешность которых в указанном отношении явилась гарантией существования человеческой цивилизации. Современные же поколения людей, похоже, в социальном предпринимательстве, наконец-то получили один из эффективнейших инструментов разрешения «проклятого» вопроса всей эпохи цивилизации, невозможности для развитого человека быть человеческим, а самой человечности — быть социальной формой и основной целью развития глобального человеческого сообщества, без которого ему сегодня не сохранить свою жизнеспособность, взлелеянную сотнями тысяч лет непростой истории медленного, но неуклонного возвышения человеческого рода к своей универсальности и человечности.

4. Брызгалина, Е. В. Философские проблемы управления образованием: история и современность // Философское образование. — 2011. № 1 (2). — с. 118–139.
5. Струмилин, С. Г. Проблемы социализма и коммунизма в СССР. — М.: Экономиздат, 1961. — 415 с.
6. Всемирная история: В 6 т. / гл. ред. А. О. Чубарьян. Т. 1: Древний мир / отв. ред. В. А. Головина, В. И. Уколова. — 2011. — 822 с.
7. Аристотель. Политика / Перевод С. А. Жебелева // Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. — М.: Мысль, 1983. — с. 376–644.
8. Крелин, Ю. Город без предместий [Текст]: в Израиле: [дневниковая книга] / Юрий Крелин; худож.: Б. Жутовский. — М.: Советский писатель: Олимп, 1991. — 202 с.
9. Юнус, М. Создавая мир без бедности: Социальный бизнес и будущее капитализма Мохаммад Юнус, Алан Жоли / Пер. И. В. Савельевой. — М.: ЦИПСИР, 2010. — 307 с.
10. Білецький Володимир «Третій сектор» як основа громадянського суспільства [Електронний ресурс] — режим доступу: <http://www.vesna.org.ua/txt/biletsky/trsec.html>
11. Хто він, третій? Школярам про третій сектор / Упорядники Колодяжний М., Селюкова Н. — Запоріжжя: «Укр-Простір», 2009. — 28 с.: іл.
12. Миндра, Л. В. Недержавні некомерційні організації України і Польщі як чинник демократичного суспільства // Україна і Польща в ХХ столітті: проблеми і перспективи взаємовідносин. — Київ — Краків, 2002.
13. Финк, К. Интеллектуальная собственность и ВТО // Торговая политика и значение вступления в ВТО для развития России и стран СНГ: Руководство / Под ред. Д. Г. Тарра. — М.: Весь мир, 2006. — с. 343–356.

ПРОЧЕЕ

Автомобильные дороги Багдада и их соответствие мировым стандартам

Алкхудхир Хайдер Салман, студент
Волгоградский государственный технический университет

В статье представлен материал, посвященный автомобильным дорогам Багдада. Предложены мероприятия по снижению ДТП на дорогах посредством их благоустройства.

Ключевые слова: транспортная инфраструктура, автомобильные дороги, автопарк, дорожные разметки, пешеходные и велосипедные дорожки.

Сейчас без автомобиля не обойтись, и где бы мы ни были, в какой город мира не приехали бы можно заметить, как увеличивается количество автомобилей у населения, интенсивность дорожного движения и как следствие увеличение дорожно-транспортных происшествий.

В каждой стране существуют не только государственные структуры, которые следят за дорожным движением, за его безопасностью, но и за состоянием самих дорог, разметок на дорогах и правильностью расстановок соответствующих знаков, которые помогают автомобилистам соблюдать правила дорожного движения.

Багдад один из густо населенных городов мира, количество жителей, несмотря на военные действия, уже составляет более 3 млн. чел.

Участки автомобильных дорог, имеющие высокую интенсивность движения и проходящие через г. Багдад и близлежащие населенные пункты, создают неудобства и дополнительную опасность для населения. Особенно опасными эти участки являются при высоких скоростях движения. В таких условиях существует высокий риск возникновения ДТП, повышенный уровень транспортного шума и загрязнения окружающей среды. Наличие автомобильной дороги с транзитным, высокоскоростным движением ограничивает также возможность социальных контактов населения.

Сейчас в Багдаде скорость движения по дорогам, которые проложены по периметру города и в его окрестностях, снижена из-за множества блок постов, но когда-то наступит и мирное время.

Поэтому с целью смягчения конфликта между транспортной функцией дороги и требованиями обеспечения безопасности и покоя в г. Багдаде, автомобильные дороги должны иметь повсеместно элементы обустройства, которые позволят снизить в будущем скорость движения и сделать окружающую среду более привлекательной для проживания.

С каждым годом количество автомобилей в самом Багдаде увеличивается, это идет за счет того, что покупаются новые авто, а старые не утилизируются, а восстанавливаются и они продолжают ездить не один десяток лет, плюс увеличивается количество велосипедов и мотоциклов, что отрицательно сказывается на показателях по аварийности, т.к. водители мотоциклов предпочитают ездить на высоких скоростях и без шлемов (так как современные шлемы это дополнительные расходы, а то, что они могут спасти жизнь — об этом многие забывают). В центре Багдада почти нет широких улиц, которые позволяют строить новые дорожные коммуникации, в этой связи целесообразно в самом Багдаде увеличить количество улиц и всего дорожек, где это возможно, для пешеходов и велосипедистов. Устройство пешеходных улиц и дорог даст, разумеется, резкое снижение ДТП на этих улицах, что объясняется, в первую очередь, исключением движения автомобилей на этих улицах.

В дальнейшем снизит строительство автомобильных и железнодорожных эстакад в самом городе, как это сделано в некоторых столицах мира, позволит снизить интенсивность движения автомобильного транспорта и снижение количество ДТП

В пригородах Багдада, где возведение микрорайонов идет с учетом строительства многофункциональных дорог, нужно предусматривать комплекс мероприятий по их обустройству, это устройство:

- пешеходных и велосипедных дорожек;
- пересечений в разных уровнях;
- поперечных возвышающихся полос и возвышающихся пешеходных переходов;
- попеременного сужения проезжей части в каждом направлении движения;
- бордюров на примыкающих улицах и дорогах в пределах перекрестков, подчеркивающих обязанность води-

теля уступить движение автомобилям, движущимся по главной дороге;

- уширений уже имеющихся («карманов») на остановках общественного транспорта с укладкой бордюра и строительством новых для парковки автомобилей;
- разметки стоянок и мест запрещения остановки автомобилей;
- островков безопасности на пешеходных переходах;
- озеленения и благоустройство тротуаров и придорожных газонов.

Все это приведет не только к снижению уровня ДТП, но и к улучшению и оздоровлению климата в городе. При наличии велосипедных дорожек многие смогут ездить на велосипедах, ведя здоровый образ жизни, как это делается на Западе.

Правила дорожного движения в Ираке мало отличаются от российских, за исключением 2-х основных положений: действует правило помехи слева, и при круговом движении преимущество имеет транспортное средство, находящееся на кругу.

Правила дорожного движения Ирака определяют требования по расположению, движению и маневрированию транспортных средств на проезжей части, в том числе регламентируют скорость движения в населенных пунктах и вне населенных пунктов, условия обгона и встречного разъезда, остановки и стоянки транспортных средств, устанавливают особенности движения на определенных объектах, таких как перекрестки, пешеходные переходы, места остановок маршрутных транспортных средств, железнодорожные пути, автомагистрали, жилые зоны и другие, закрепляют условия пользования внешними световыми приборами и звуковыми сигналами, требования по перевозке людей и грузов, устанавливают дополнительные требования к движению велосипедов, мопедов, гужевых повозок, а также прогону животных, а также регулируют иные вопросы, непосредственно относящиеся к дорожному движению и обеспечению безопасности дорожного движения.

Основные положения по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения определяют требования к техническому состоянию и оборудованию транспортных средств, положения, касающиеся обязанностей должностных лиц предприятий, организаций и учреждений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, но данные требования в Ираке и в самом Багдаде не всегда соблюдаются, хотя данным актом запрещается эксплуатация автомобилей, автобусов, автопоездов, прицепов, мотоциклов, мопедов, тракторов, троллейбусов, трамваев и других самоходных машин, если их техническое состояние и оборудование не отвечают установленным требованиям. Это очень негативно сказывается на показателях аварийности, хотя дорожная полиция Ирака строго следит за соблюдением правил дорожного движения на дорогах страны.

Максимально допустимая скорость в городе — 60 км/час, на отдельных скоростных трассах — до 100 км/час, на загородных шоссе — до 120 км/час.

Характерным для Ирака и для Багдада является то, что существует преимущество пешехода на проезжей части. Пешеходов необходимо пропускать всегда, даже если они переходят улицу в неположенном месте. При рассмотрении ДТП, с участием пешехода, суд, как правило, принимает сторону пешехода.

Как показывает мировая практика очень большое количество ДТП происходит с участием пешеходов, поэтому еще раз повторимся: Багдад нуждается в большем количестве пешеходных переходов, как наземных, так и подземных, чтобы минимизировать такую проблему как «человек на дороге».

Парковка машин в Багдаде крайне затруднена, парковочных мест крайне не хватает. Власти Багдада вынуждены были ввести тотальную систему платных парковок. В дневное время (с 8 до 21 ч.) все парковочные места на улицах города — платные. Бесплатно можно парковать машину только по пятницам или по будням в ночное время. Повсеместно на улицах города установлены парковочные счетчики.

Интенсивное транзитное движение в г. Багдаде, с высокой плотностью населения в сочетании с наличием многочисленных перекрестков приводит к сложным ситуациям, связанным с правом преимущественного проезда на перекрестках. На перекрестках дороги с высокой интенсивностью движения и дороги с низкой интенсивностью правило проезда при поворотах работает неудовлетворительно. Большинство участников движения едут так, как будто бы обладают безусловным правом преимущественного проезда на подобном перекрестке. Добросовестное выполнение правила правого поворота на перекрестках магистральных улиц города приводит к замедлению движения по основной дороге. Обозначение таких магистральных улиц как дорог с правом преимущественного проезда и вменение в обязанность водителей на второстепенных дорогах пропускать транспорт на главных дорогах упрощает проблему преимущественного проезда и увеличивает пропускную способность главных дорог.

При увеличении интенсивности движения часто возникают так называемые сложные ситуации с разъездом. Это касается тех ситуаций, когда многие участники дорожного движения взаимно обязаны уступать дорогу друг другу. В таких ситуациях многие участники дорожного движения испытывают неуверенность по поводу того, как они должны действовать. В результате этого движение становится нестабильным и медленным. В первую очередь, это может задержать движение на главной дороге, проходящей через город, или в том месте, где имеется много перекрестков. Нужно путем введения обязанности уступать дорогу на перекрестках упростить разъезд автомобилей, улучшить движение и повысить безопасность движения.

Обязанность уступать дорогу на перекрестках может вводиться путем установки указателя на дороге или на

примыканиях, где размер дорожного движения требует введения обязанности уступать дорогу. Указатель может быть дополнен разметкой проезжей части.

Регулирование на дорогах Багдада осуществляется с помощью сигналов светофора, которые переключаются как через определенные промежутки времени (фазы сменяются через определенные промежутки времени, независимо от интенсивности дорожного движения), так и с учетом интенсивности движения (продолжительность фазы приспосабливается к количеству проезжающих автомобилей вплоть до определенной максимальной продолжительности фазы).

Литература:

1. Мухаммедов, С. М. Транспорт Ирака / Моя Родина. — 2007. — № 5. — с. 8
2. Рахемов, А. Н. Дорога в Багдаде / Утро Багдада. — 2010. — № 4. — с. 3
3. <http://mirputeshestvii.ru/countries/Asia/Iraq/>
4. <http://www.volvotrucks.com/trucks/russia-market/ru-ru/aboutus/Environment/environment/Pages/Euro6.aspx>
5. Statistics of Private Sector Motorcars That Registered at General Directorate of Traffic until 31/12/2011 // <http://cosit.gov.iq/documentsstatisticsransportation>

Выводы

Дорожно-транспортная обстановка в г. Багдаде не совсем соответствует мировым стандартам, автомобильный фонд города состоит как из новых автомобилей, так и из транспорта, которому не один десяток лет, и который редко проходит техническую диагностику. Мало пешеходных и велосипедных дорожек. Если власти стараются как-то обустроить новые дороги в соответствии с общепризнанными стандартами, в центре этой возможности нет, и строительство автомагистралей через центр снизит данную проблему.

Проблемы современного архитектурно-дизайнерского образования

Игнатенко Ольга Андреевна, старший преподаватель
Дальневосточный федеральный университет

Методики подготовки проектировщиков неминуче меняются, реагируя на целый ряд **внешних факторов**: накопившиеся изменения в практике, инновации в области строительных технологий, тенденций в социально-экономической сфере, смене общегосударственной концепции образования и т.д. Уже в 90-е годы в нашей стране стала очевидной необходимость переосмысления ряда ключевых позиций в формировании методического подхода к проектированию, отражающих средовой подход к проектированию. В качестве ответа на эти вызовы было появление новых специальностей-связистов — архитектора-дизайнера и архитектора конструктора. Это была попытка решить проблему **изолированности отдельных областей** проектирования.

Но проблема изолированности изучения отдельных предметов в рамках одной специальности осталась актуальной до сих пор. Успешная отработка профессиональных навыков у студентов по решению композиционных задач, должна происходить одновременно и во взаимосвязи с приобретением навыков в рисунке, живописи и пластике, а также в решении инженерных задач и естественным образом «прорастать», проявляться в качестве проектов. Успешное приобретение студентами профессиональных навыков решения композиционно-художественных и инженерных задач, предполагает использование в проектах всего комплекса знаний и навыков,

полученных по каждой из дисциплин УП. Но часто, процент тех знаний и навыков, которые действительно применяются или стали органичной частью проектной деятельности студента, слишком мал.

Успехи студентов во время изучения материала связанного с композицией и другими дисциплинами не сразу отражается в полной мере в работе над архитектурно-дизайнерскими проектами. Все пройденные знания и навыки часто остаются изолированными в рамках дисциплины и не помогают студенту, не смотря на то, что на проектировании решаются подобные художественно-композиционные задачи, поскольку к ним добавляются новые функциональные и технические требования. Это происходит из-за того, что локальная композиционная задача попадает в сложный контекст разнородных задач (функциональной организации, конструктивного решения, экологических требований и т.п.). Подобный многослойный синтез различных направлений предметной подготовки, полученных знаний и навыков, и создает трудности в решении проектных задач. Всегда создавал.

Можно сказать, что студенты получают навыки в изучении различных знаний в отдельности, и не имеют обширного опыта в совмещении (объединении) их для решения каких-то общих проблем. Процесс синтеза знаний и навыков идет методически не организованно. По принципу — «вы это знаете и должны применять», т.е. синтез

не может проходить только по требованию в процессе учебного проектирования. Это **хроническая внутренняя** проблема, для многоаспектной подготовки архитектора, и тем более архитектора-дизайнера, связанного обязательствами средового подхода к проектированию, является актуальной для современного архитектурно-дизайнерского образования.

«Хронические», **внутренние проблемы** композиционно-художественной подготовки, которые возникали на протяжении XX века и по настоящее время не имеют своего решения. Настойчивое внедрение интерактивных методов обучения сегодня не может решить внутренние методические проблемы профессиональной подготовки проектировщиков, которые должны обладать универсальными знаниями.

Отсутствие внимания к средовым особенностям в композиционно-художественной подготовке приводит к формальному использованию знаний композиции в проектировании. **Формализм** композиционной подготовки, часто выливается в формализм в проектировании, когда в найденную форму помещается функция, при их изначальном несоответствии возникает не самый удачный для жизнедеятельности объект. Но если формообразование происходит с опорой на предполагаемые процессы и особенности связанные с объектом проектирования и его контекстом, общее композиционное решение не входит в диссонанс с целью проектирования, а на оборот, сильнее ее проявляют.

Практика с середины прошлого века демонстрирует **опыт нового формообразования** — и это еще один фактор, требующий переосмысления существующих ме-

тодик пропедевтики. Эти новации не получили своего отражения в программах композиционно-художественной подготовки. Традиционная система композиционной подготовки с поддержкой в художественных дисциплинах, не ставит перед студентом задач, направленных на понимание и приобретение представлений о возможностях композиционного формообразования, появившиеся с середины XX — начале XXI вв. на волне неомодернизма.

Проблема **недостатка времени** для полноценного усвоения и отработки знаний и навыков присутствовала всегда, но с переходом на ступенчатую подготовку встала наиболее остро.

Кратко, наиболее актуальными из накопившихся проблем можно назвать следующие:

- внутренняя изоляция дисциплин, их методическая не связанность;
- недостаток времени;
- проблема адаптации композиционных навыков к реальным задачам;
- отсутствие в курсе композиции отражения нового опыта формообразования в архитектурной практике;
- отсутствие внимания к специфике средового подхода проектирования в композиционно-художественной подготовке.

Все вышеперечисленные проблемы можно объединить в две группы по вектору решения:

1. Организация работы системы внешних связей курса композиционной подготовки;
2. Отражение специфики средового подхода проектирования в композиционно-художественной подготовке.

Языковые средства реализации суггестивного потенциала рекламного текста

Инжечик Анна Анатольевна, магистрант

Научный руководитель: Полуйкова Светлана Юрьевна, кандидат педагогических наук, доцент

Омский государственный педагогический университет

В статье описывается один из основных способов активного речевого воздействия на адресата — внушение, а также характерные особенности языковых суггестивных средств в рекламном дискурсе и их функции в тексте. Предпринята попытка выделить суггестивные средства на композиционно-содержательном и на лингвистическом уровнях. Статья адресована широкой читательской аудитории, в частности научным сотрудникам, преподавателям, молодым ученым, журналистам, практикующимся психологам и профессионалам по речевому имиджу.

Ключевые слова: речевое воздействие; суггестивность

В современном мире проблема рекламы все больше привлекает к себе внимание специалистов различных областей знания, таких как журналистика, филология, культурология, экономика, история, психология, социология и др., что указывает на многогранность и многоаспектность этого явления.

Актуальность исследования обусловлена интересом к проблеме изучения восприятия рекламы, способов повышения ее эффективности и отбор самых оптимальных

средств воздействия в условиях обострения конкуренции на рынке потребительских товаров.

Целью данного исследования является выявление языковых средств реализации суггестивного потенциала в рекламном дискурсе.

Определены следующие задачи исследования:

- на основе анализа работ отечественных и зарубежных лингвистов, определить сущность понятия „речевое воздействие“ и „суггестивность“;

– выявить и классифицировать суггестивные средства речевого воздействия рекламных текстов.

Для достижения цели использовались методы теоретического анализа литературы и дискурсивный анализ.

Реклама регулирует и меняет модели социального поведения, оказывая при этом эффективное воздействие на получателя информации. В этой связи особое значение приобретают вопросы речевого воздействия.

Речевое воздействие — это воздействие на человека при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели [2, с. 51].

Одним из основных способов активного воздействия на адресата является внушение (суггестивность).

Внушение (суггестивность), являющееся объектом изучения отечественных и зарубежных исследователей (М. П. Ахиджакова, В. М. Бехтерев, Дж. Гриндер, М. Р. Желтухина, В. Н. Мясисев, Б. Ф. Поршнев, В. А. Часов, И. Ю. Черепанова и др.) и понимается как процесс воздействия на психику адресата, на его чувства, волю, разум, связанный со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации [1, с. 21].

Внушение обращено к бессознательной сфере человеческой психики и осуществляется с помощью эмоций. Таким образом, информация воспринимается реципиентом без анализа, понимания и переосмысления.

Суггестивное внушение активно и успешно применяется в СМИ, педагогике, религии, медицине, спорте, военном деле, рекламе и т.д.

Основной целью суггестивного воздействия в рекламе является не только привлечение внимания покупателей, но и побуждение их воспользоваться услугами или приобрести рекламируемый продукт.

Суггестивное воздействие в рекламном дискурсе является объектом исследования (Б. А. Грушина, Б. Ф. Поршнева, Ф. Прель, И. А. Шашкова, Е. В. Шелестюк и др.).

Так, Ф. Прель выделяет три уровни суггестивно-лингвистического анализа: содержательный, композиционный и микроуровень (семантические, грамматические, фонологические и стилистические средства) [3, с. 140]. В данной работе представим средства содержательно-композиционного уровня и уровня лингвистических средств.

Материалом для проведения исследования стали рекламные тексты в объеме более 200, в том числе креативизованные, на немецком языке и представленные в печатной и электронной форме. Анализ фактического материала позволил выделить средства суггестивного воздействия всех уровней, которые будут проиллюстрированы в работе отдельными примерами.

1. На содержательно-композиционном уровне суггестор включает в свои тексты: *элементы повествования „реальной“ истории*:

„Bevor ich Ihnen die Lösung auf ihr Hautproblem zeige, möchte ich Ihnen kurz meine Geschichte erzählen, wie ich

jahrelang unter Pickeln und Akne gelitten habe und wie ich mich schließlich für *IMMER* davon befreit habe. Mein Name ist Anna Mauch. Angefangen hat alles als ich 16 war. Teilweise hatte ich so viele Pickel, dass mich die anderen Jugendlichen mit „Pickelgesicht“, „Streuselkuchen“ oder mit anderen Beleidigungen gehänselt und erniedrigt haben. Ich fühlte mich unattraktiv und litt ständig unter der Angst, in den Spiegel zu schauen und mich dadurch deprimiert zu fühlen. Ich hatte keinen Spaß an Partys oder Unternehmungen mit Gleichaltrigen.

Wenn jemand mit mir gesprochen hat, dachte ich er schaut die ganze Zeit nur auf meine Problemhaut. Niemand konnte sich meine Verzweiflung und Situation hinein versetzen. Ich dachte mir nur: „Warum muss gerade ich darunter leiden?“ Es war die Schlimmste Zeit meines Lebens. Menschen, die noch nie Akne und schlimme Pickel hatten, verstehen nicht ganz, wie schmerzhaft diese Situation ist — sowohl physisch als auch emotional. Oh Mann!“ (реклама книги, посвященной проблемной коже) [4].

В данном примере, автор повествует „реальную“ историю своей жизни. С 16 лет она страдала тяжелой угревой сыпью на лице, ее постоянно дразнили сверстники, и это было самым ужасным отрезком времени ее жизни. Откровенный, доверительный тон автора, самого пережившего проблему, вводит читателя в необходимое эмоциональное состояние и подводит его к решению воспользоваться предлагаемой в рекламном тексте услугой.

2. Уровень лингвистических средств. К средствам данного уровня можно отнести *прием игры с референтными индексами, изменение модуса, эмоциональную и экспрессивную лексику, прием метафоризации, и др.*

„Ich sprach mit Haut-Experten, interviewte Hautärzte und Dermatologen, sprach mit Heilpraktiker und anderen Betroffenen“ [4].

В приведенном примере используется прием-игра с референтными индексами (конкретными существительными, которые специфически именуют что-либо в опыте клиента). Автор заменяет конкретные имена людей на „люди, которых коснулась эта проблема“.

„Gleich zeige ich wie auch Sie ihre Pickel, Mitesser, Unreinheiten und Akne loswerden und endlich eine schöne, reine und makellose Haut erlangen, die Sie verdienen“ (реклама книги, посвященной проблемной коже) [4].

Эмоционально-окрашенные прилагательные schön, rein und makellos не только называют понятия, но и отражают отношение говорящего к называемому явлению, обеспечивают значительный потенциал эстетического и эмоционального суггестивного воздействия.

На грамматическом уровне используются *ассертивы и негативы, грамматические категории залога и наклонения, повторение слов и высказываний и др.*

„Spielen Sie nicht mit dem Leben von Menschen. Lebensmittelspekulation: ein gefährliches Spiel“ [5]. Cy-

ггестор призывает не играть с жизнями людей, так как спекуляция продуктами питания — опасная игра. Использование негатива в данном слогане формирует отрицательное отношение к сказанному.

„Fühlen Sie sich zu Hause wie ein König. Mit den neuen Farbrezepte Wandfarben. Starke Farbtöne, starke Namen und starke Deckkraft in bester Alpina-Qualität“ [6]. В данном примере сггестор склоняет потенциального покупателя приобрести мебель Alpina, с которой он будет чувствовать себя дома как король. Чтобы привлечь внимание, вызвать интерес, усилить воздействующий эффект и возбудит желание купить мебель Alpina, сггестор многократно повторяет прилагательное *stark*, которое внедряется в сознание людей и способно поменять мысли, чувства и поведение суггеренда.

На синтаксическом уровне используются *средства когезии, антитеза, софизм, эллипс, хиазм, силлогизм, инверсия, коммуникативный тип предложения, параллельная конструкция и др.*

„Andere **kaufen**, Du **verdienst** viel Geld!“ [5].

Автор использует антитезу для усиления смысла рекламного текста и оказываемого эффекта на потенциальных покупателей, при этом информация не искажается.

„**Besondere** Formen. **Besondere** Materialien“ [5].

Литература:

1. Желтухина, М.Р. Масс-медиаальная коммуникация: языковое сознание — воздействие — сггестивность / М.Р. Желтухина // Язык, сознание, коммуникация. — М.: МАКС Пресс, 2003. — Вып. 24. — с. 21
2. Стернин, И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001. с. 51
3. Prel, F.D. Suggestive Techniken des Tropismus: Variationen über eine Thema bei Nathalie ... Verlag: Tectum Verlag, 2003. — S. 140
4. Nie wieder Pieckel [Электронный ресурс]: URL: <http://nie-wieder-pickel.de/> (дата обращения 29.03.2015)
5. Schöner Wohnen 1.2012
6. Brot für die Welt [Электронный ресурс]: URL: www.brot-fuer-die-welt.de (дата обращения 29.03.2015)
7. Flussaufwärts \ Upstream: [Электронный ресурс]: URL: <http://timkeil.blogspot.ru/2006/09/was-sich-reimt-ist-gut.html> (дата обращения 29.03.2015)

Получение, трансформация, анализ информации о массе движущихся большегрузных дорожных транспортных средств

Исаев Иван Александрович, аспирант
Тюменский государственный нефтегазовый университет

Данная статья отразила наиболее актуальную проблемную ситуацию на автотрассах Российской Федерации, связанную с движением большегрузного транспорта. Достаточно объемно и в то же время лаконично сформулирован процесс от получения информации, ее трансформации, анализ сведений о массе движущихся большегрузных транспортных средств. При наличии всех объективных факторов отражены причины возможного износа дорог и возникновения на них дорожно-транспортных происшествий с учетом потока тяжелого транспорта. Сформирован принципиальный подход к необходимости соблюдения правил взвешивания большегрузного транспорта на постах весового контроля и как результат регулирования потока большегрузного транспорта и снижения негативных последствий.

Ключевые слова: транспортный поток, анализ информации, большегрузные транспортные средства, трасса, пост весового контроля, изучение ситуации на трассах

Современному научно-техническому обществу абсолютно точно известно, что одним из важнейших факторов развития экономики в стране является развитие автомобильной отрасли и автодорог. Несомненно, что эти два фактора прямо пропорционально друг от друга зависят, а соответственно и влияют на развитие многих географо-экономических, можно даже утверждать, стратегических, факторов нашей страны.

Проблема проведения анализа сведений, их обобщение о движущихся большегрузных дорожных транспортных средствах, а соответственно и дальнейшее эффективное применение сведений для организации повышения износостойкости дорог и коэффициента полезного действия при применении большегрузной техники на трассах и дорогах страны была затронута впервые в 2002 году в докладе заместителя Министра транспорта Новосельцева Б. Ф. «Инвестиционные потребности транспортного комплекса России. Проблемы и пути их решения»^[1]. И этот вопрос был поднят не случайно, так как транспортный поток постоянно увеличивается, необходимость применения большегрузной техники возрастает.

В настоящее время проблема получения и анализ информации о движении большегрузной техники по магистралям, трассам, автодорогам страны весьма актуальна и востребована.

Сбором, обработкой и анализом информации о движении на дорогах занимаются информационные дорожные центры страны, информация от которых передается единый центр Министерства транспорта Российской Федерации. Специалисты соответствующего уровня обобщают и формируют информационно-аналитический отчет и предоставляют его в Правительство Российской Федерации.

Однако, этих сведений явно недостаточно и сейчас в рамках федеральной целевой программы «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)» проводится разработка инновационных методов и средств для получения информации с автодорог о грузопотоке (с учетом критериев транспорта), ее оперативной передачи в информационный центр, анализа ситуации и, соответственно, подготовки детального отчета об обстановке на автодорогах^[2].

Соответственно, новизна исследования тематики, представленной в данном материале, неоспорима и подтверждается многими факторами изучения автодорожной обстановки.

Так, в созданных в России центрах организации дорожного движения круглосуточно проводится анализ состояния на автодорогах. Для получения объективной информации введены в действие в 2010–2014 гг. более 2 млн. детекторов транспортных потоков, сотни тысяч стационарных и мобильных комплексов автопотока, 1/3 транс-

портных средств, стоящих на учете в ГИБДД, оснащена системой ГЛОНАСС. Эти средства позволяют получать и оперативно обрабатывать с целью дальнейшего объективного реагирования на дорожную ситуацию, необходимую информацию с автотрасс.

Так, если взять отчет Мэра Москвы за предпоследний (2013) год, то в докладе указаны самые основные причины возможного затруднения организации движения транспорта (12 тонн и более — большегрузного), а именно несоблюдение водителями данных транспортных средств: требований к высоте (протекторов шин), норм оптимальной загрузки автомашины (перегруз), движение большегрузного транспортного средства по полосам, не предназначенным для движения грузового транспорта, перекрытие движения с целью перемещения большегрузного транспорта, блокирующего движение, при помощи дежурных тягачей и т.д.^[3]

Методика, апробированная для проведения анализа на автотрассах г. Москвы, проходит апробацию и на других авто участках нашей страны.

Некоторые положения проведения анализа и расчетно-экспериментальных исследований предложены лично автором и, следовательно, имеют актуальную практическую значимость для дальнейшего анализа рассматриваемой темы.

В практическом исследовании данной тематики автором были применены методы: наблюдение, измерение, эксперимент, что дали весьма объективные результаты изучения движения большегрузного транспорта по автодорогам. Соответственно для обоснования предложенных ниже заключений была разработана математическая (расчетная) модель воздействия большегрузных транспортных средств на дорожное покрытие дороги с точки зрения динамики, при чем зависящая от скорости их движения и позволяющая оценить перегрузки дорожных конструкций.

Кроме того, установлена прямая зависимость динамического воздействия большегрузов на дорожные конструкции от частотного распределения амплитуд автотранспортных средств, а также установлена зависимость перегрузок (динамических) дорожных конструкций от скорости движения автомобиля (при движении по неровной поверхности) с учетом возникновения резонансных режимов воздействия. Изучена проблематика перегруза автомобиля на возникновение ДТП на автодороге. В этом и заключается научная новизна представленной статьи.

Итак, постройка автотрассы в любом случае ведет к развитию того или иного района страны. С этим процессом неразрывно связаны следующие аспекты: возникновение новых заселений, развитие инфраструктуры, увеличение грузопотока, как результат износ дорожной одежды.

Что может повлиять на износ дорожного полотна? Во-первых, климатические и географические факторы, во-вторых, пропускная способность и грузостойкость, на которые рассчитана данная дорога.

При этом обратим внимание на методику математического расчета пропускной способности автодорог. За основу необходимо взять Руководство по оценке пропускной способности автомобильных дорог, утвержденное Минавтодором РСФСР 24.08.1981, с учетом разъяснений и поправок Министерства транспорта 2014 года. Эта методика основана на использовании коэффициентов снижения износостойкости с течением времени. Данный подход к учету влияния различных дорожных условий на пропускную способность является весьма удобным и экономически обоснованным в практическом применении.

Таким образом, P — пропускная способность, для определения которой используют результаты измерения скорости движения большегрузных автомобильных средств и плотность транспортного потока. Получается следующее:

$$P = \omega \cdot \alpha \cdot v_{св} \cdot q_{\max} \quad (1)$$

где ω — коэффициент, учитывающий загрузку движением встречной полосы, при равномерном распределении $\omega = 1$, при свободной встречной полосе движения ($N < 100$ авт./ч) $\omega = 1,3$, при загруженной встречной полосе движения $\omega = 0,99$; α — коэффициент, зависящий от дорожных условий, $\alpha = 0,18...0,23$, обычно принимают $\alpha = 0,19$; $v_{св}$ — скорость движения большегрузного транспорта на рассматриваемом элементе дороги, км/ч; q_{\max} — максимальная плотность большегрузного транспортного потока, авт./км.

В этом случае необходимо более точно определить показатель плотности именно большегрузного транспорта. Этот показатель получают с установленных детекторов (камер) на автотрассах. При чем при расчете показателя за сутки берут среднесуточный показатель, так как в разное время суток поток большегрузов различен и это не случайный факт. Несколько лет назад ввели временной регулятор въезда большегрузов в крупные промышленные центры и города, это также имеет в своей основе научное обоснование.

Анализируем и проводим построение математической модели далее. Совершенно очевидно, что коэффициент снижения пропускной способности автодороги можно определить, как отношение пропускной способности P трассы к пропускной способности дороги с особо благоприятными условиями прохождения автопотока, а именно:

P_{\max} :

$$\text{Соответственно, } B = P / P_{\max}, \quad (2)$$

Таким образом автоматически возникает вопрос о расчете максимальной пропускной способности P_{\max} , и при каких условиях данный показатель соответствует определенным дорожным условиям.

Данный показатель может быть достигнут при:

- Движении большегрузного транспортного средства по прямолинейному горизонтальному участку большой протяженности без пересечений;
- При ширине полосы движения не менее 3,75 м;
- В случае укрепленной обочины шириной не менее 3 м;
- Сухом дорожном покрытии с высоким показателем ровности автомобильной трассы;
- Транспортный поток состоит более чем на 50% от общего количества из легковых автомобилей;
- Отсутствуют препятствия (какие-либо) на обочинах, способных вызвать снижение скорости движения;
- Ну и, естественно, благоприятные погодные условия в рассматриваемый период.

Таким образом получаем в конкретных дорожных условиях пропускную способность:

$$P = B \cdot P_{\max}, \quad (3)$$

где B — возможный итоговый показатель или коэффициент снижения пропускной способности автотрассы.

Казалось бы, все просто, однако это лишь элементарный расчет. Для наиболее объективной оценки необходимо учесть еще множество факторов. На износостойкость явно может влиять переувлажненность автодороги. В соответствии с законами физики, масса движущегося большегруза вытесняет под колесами соответствующие объемы дорожной одежды. Так может получаться колея.

Следующим ярким примером влияния массивной техники на дорожное полотно может послужить образование волн или нагребней на автотрассе. Наиболее часто они встречаются перед сужением дороги, на автобусных остановках, перед пешеходными переходами и т.д. Это не случайно в определенных ситуациях большегрузному транспорту приходится резко тормозить. Вот это и приводит к данному эффекту.

В целях обеспечения сохранности автодорожных покрытий автохозяйством регионов и Инспекциями организации дорожного движения вводятся специальные ограничения движения по определенным дорогам, например, на трассах низших категорий вводят ограничения движения большегрузного транспорта до полнейшего просыхания основы дорожного полотна. А вот автотрассы I—III категорий должны подобный транспорт пропускать всегда.

Далее, знаки ограничения скорости ставят заблаговременно перед транспортной остановкой, чтобы снизить риски при резких торможениях.

Географический фактор, такой как близость грунтовых вод также весьма отрицательно влияет на сохранность автодорог в целом. Следовательно, по моему мнению, перед планировкой трассы всегда, а не в определенных случаях, следует делать геодезическую оценку почв и земляной поверхности. Данные предложение были сформулированы и представлены в Министерство транспорта для подготовки рекомендаций автохозяйствам страны.

Рассматривать каждый показатель в отдельности не имеет никакого практического смысла, так как кроме

уже перечисленных факторов особую роль на состояние трассы играют возможные технические и эксплуатационные качества дорожной одежды и земляного полотна, целостное состояние автомобильной дороги, условия организации движения, и как следствие, эффективность обеспечения транспортной работы трассы.

Анализируя полученную и трансформированную в единый центр информацию, которая в свою очередь подвергается анализу по определенным критериям. Соответственно, к одной из групп показателей можно отнести интенсивность движения, в том числе большегрузного, состав и объем движения, пропускную и провозную способность автомобильной дороги, среднюю скорость движения грузопотока и время сообщения.

В современном инструментарии расчета показателей работы автодорог под интенсивность движения N понимают — число автомобилей, проходящих через определенное поперечное сечение автотрассы за единицу времени (час, сутки).

Данный показатель является достаточно важным и сложным одновременно, изменяющимся во времени (в течение часа, суток, недели, месяца и года). При чем, в зависимости от интенсивности потока и, как правило, принято устанавливать категорию автодороги, а, соответственно, и выбирают сроки выполнения ремонта дороги и других мероприятий по организации дорожного движения.

Что же касается объема движения, то этот показатель можно представить, как суммарное число автомобилей, проезжающих через определенный участок дороги за конкретный период времени, измеряемый путем непрерывных наблюдений.

Под составом транспортного потока принято понимать распределение и представление в процентном отношении всех автомашин по видам транспортных средств (легковые автомобили, автобусы, грузовые автомобили: тяжелые, средние, легкие). Абсолютно естественно, что состав транспортотока зависит от района пролегания дороги, наличия промышленных предприятий, дня недели и сезона, что влечет за собой соответствующий выбор мероприятий по организации дорожного движения.

Грузонапряженность представлен особым показателем и измеряется, как суммарная масса грузов и транспортных средств, проходящих по данному участку дороги в обоих направлениях в единицу времени. Теперь можно абсолютно точно посчитать грузонапряженность большегрузных машин на конкретной автодороге.

Однако, для оценки работоспособности дорожной одежды чаще и точнее всего применяют показатель грузонапряженность, то есть общей массы грузов, перевозимых по участку дороги в обоих направлениях в единицу времени и на единицу пути.

При рассмотрении данной темы применялись и другие показатели, например, такие как коэффициент загрузки дороги, который определяется как отношение интенсивности движения к пропускной способности рассматрива-

емой дороги. Соответственно, этот показатель является одним из основных при расчете числа полос движения.

На основе данной методики и были приняты меры об отведении боковых правых полос на МКАДе для большегрузных автомашин. Но это очень сложная трасса и здесь были учтены множественные показатели для расчета, а именно: скорость движения расчетная; конструктивная; мгновенная; эксплуатационная; техническая; оптимальная; нормируемая.

При согласовании всех параметров и показателей, а также на основании технико-экономических расчетов устанавливают значения рекомендуемой скорости.

Так, в мировой практике проектирования и прокладки автомобильных дорог в настоящее время наметилась тенденция снижения расчетных скоростей грузопотока, это касается и скоростных трасс. Данный факт также объясним, высокие скорости в реальных условиях большегрузных машин не наблюдаются, а затраты на обеспечение подобного рода движения весьма велики.

Анализ последних научных исследований и расчетов дорожной обстановки страны показывает, что значение расчетной скорости движения, особенно при разработке проекта реконструкции трасс зачастую принимают меньшим, чем при проектировании новых дорог. Данный факт вызван тем, что автотрасса будет проходить в определенных условиях местности и застройки.

Существует еще одна группа показателей, к которой относятся прочность дорожной одежды, земляного полотна, ровность, шероховатость дорожного покрытия, сцепление шины с дорожным покрытием, износостойкость дорожного покрытия, а также работоспособность дорожной одежды.

Что же касается прочности дорожной одежды и земляного полотна, то это характеристика несущей способности дорожной одежды рассматриваемой конструкции; оценивается модулем упругости E .

Под шероховатостью же дорожного покрытия понимается наличие на поверхности дорожного покрытия малых неровностей, не отражающихся на деформации шины и обеспечивающих повышение коэффициента сцепления с шиной. Данный показатель определяется размером микровыступов и остротой угла вершины микровыступа.

Рассматривая данную актуальную тематику важно рассмотреть срок службы автомобильной дороги, как периода времени от сдачи построенной дороги в эксплуатацию до ее реконструкции или между ее капитальными ремонтами.

От проблематики учета данных на автотрассах Российской Федерации, их анализа и расчета технико-экономических показателей, формируется отдельный важнейший вопрос об относительной аварийности на дорогах страны, который можно представить, как показатель, характеризующий уровень аварийности на дороге, выражающийся в числе дорожно-транспортных происшествий на 1 млн. автомобилей и позволяющий оценивать степень опасности отдельных участков дорог. Коэффициент аварий-

ности для детальной оценки обстановки на конкретном участке дороги рассчитывают для определенной категории автотранспорта.

Коэффициент аварийности Б1 (для большегрузного транспорта) представлен как безразмерный показатель, применяемый для выявления опасных участков дорог, имеющих разные комбинации условий движения; представляет собой отношение числа дорожно-транспортных происшествий на 1 млн. км суммарного пробега автомобилей на каком-либо участке дороги к числу дорожно-транспортных происшествий на горизонтальном прямом участке с ровным шероховатым покрытием шириной 7,5 м и укрепленными обочинами.

Таким образом, коэффициент безопасности можно представить, как безразмерный показатель, характеризующий опасность отдельных участков дорог на основании изменения скоростного режима на дороге, представляет собой отношение скорости движения, обеспечиваемой тем или иным участком дороги, к наибольшей возможной скорости въезда на него с предшествующего участка дороги.

Итак, проблематика аварийных ситуаций, возникающих из-за деформированной дороги и самого большегрузного автомобиля, в настоящее время является наиболее актуальной. Так, по данным статистики ГИБДД в 2014 году количество ДТП сократилось на 1,6 р., но количество ДТП с пострадавшими и погибшими увеличилось на 19% и 21% соответственно. Проводя более детальный анализ, за последние 3 года количество ДТП

с участием большегрузных автотранспортных средств увеличилось на 17,7% (данные статистики представлены на сайте УГИБДД)^[4]

Как показывает практика основными причинами с участием большегрузной техники становится перегруз в автопоезде (особенно если масса прицепа больше массы основного большегруза), занос в случае плохих погодных условий. Технически неисправные автомобили с большой массой представляют на дороге гораздо большую угрозу, чем другие виды транспорта.

Опять же как показывает статистика количество большегрузов и автобусов в регионах нашей страны становится все больше и больше.

Наиболее полноценное представление о роли дорожных условий дают специальные обследования дорог специалистами с использованием передвижных дорожных лабораторий. Исследования данного рода и анализ получаемых сведений позволяет ежегодно делать заключения относительно категорий аварий с транспортом и выделить основные причины происшествий.

Кроме того, специалисты выделяют специальные факторы (их обычно несколько), способствующие возникновению ДТП; косвенные или второстепенные (их тоже, как правило, несколько), которые оказывают на ситуацию незначительное влияние.

Так, анализ последних лет показывает, что ошибки водителей в управлении большегрузным автомобилем и нарушение правил дорожного движения являются основной причиной большинства происшествий. К второстепенным

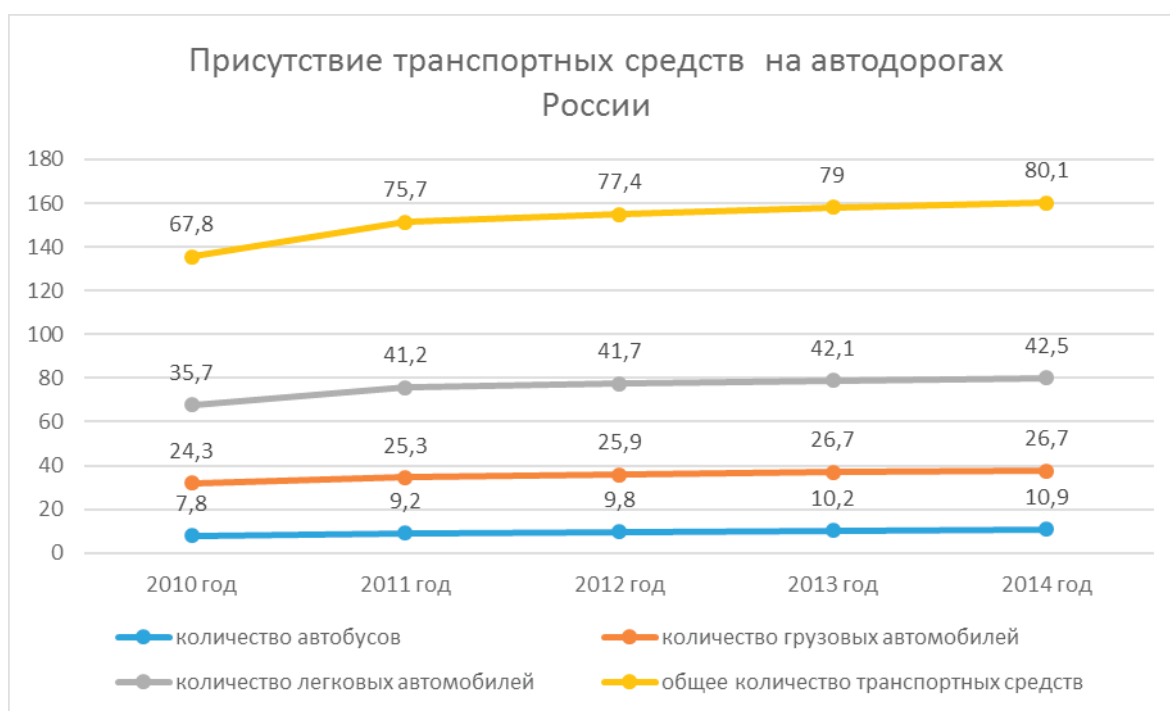

Рис. 1. Изменение численности парка транспортных средств в Российской Федерации: 1 — общее количество транспортных средств; 2 — количество легковых автомобилей; 3 — количество грузовых автомобилей; 4 — количество автобусов

факторам в этом случае следует отнести возможные недостатки автомобильных дорог и неблагоприятные погодные условия.

Следует отметить, что имеют место быть определенные закономерности распределения количества ДТП по сезонам года, эти закономерности прослеживаются из года в год, поэтому их влияние также необходимо учитывать. Если говорить о крупногабаритной технике и большегрузах, то парадоксальный факт — минимальное количество происшествий отмечается зимой, весной наблюдается рост количества происшествий, максимум ДТП приходится на осень, когда высокая интенсивность движения сочетается с неблагоприятными погодными условиями^[5].

Многие аналитики отмечают факт, что еще около десяти лет назад десятки и сотни грузовых автомобилей постоянно искали пути, минуя пункты весового контроля. И при этом выезжали на трассу с заведомым перегрузом (*до 20–25 тонн на автомобиль*). Что абсолютно точно приводило к следующему:

- досрочному износу и разрушению дорожного полотна, что является прямым намеренным нанесением ущерба Российской Федерации;
- созданию возможных аварийных ситуаций на данном участке трассы, несущим прямую угрозу жизни и здоровья граждан РФ, а именно: автомобилистов и пассажиров;
- незаконному обогащению государственных служащих, получающих взятки за своё молчаливое согласие с происходящим.

Однако, в связи с изменением законодательства Российской Федерации изменились и подходы к решению данных вопросов с грузоперевозками. В целом за последние три года значительно улучшилась и культура поведения участников дорожного движения, что несомненно сказывается и на выполнении всех необходимых норм и правил.

Одним из последних важнейших исследований стало изучение транспортной обстановки с соблюдением норм при выходе на трассы большегрузных автомашин. Исследования проводились на постах, осуществляющих весовой контроль транспортных средств.

На постах весового контроля инспектор фиксирует случайное значение из диапазона значений поосного взвешивания, имевшее место в конкретный момент времени. При поосном взвешивании принята практика вносить поправки погрешности показателей в пользу водителя.

Кроме того, по данным моих исследований, для большегрузных транспортных средств с числом осей более 3 (включительно) в протокол необходимо вносить не только результаты, показанные весами, но поправки в пользу водителя: по осевой нагрузке, не менее минус 10%, по полной массе ТС, не менее минус 5%.

Указанные поправки конечно же необходимо согласовать между Росстандартом, Ространснадзором, Федеральной таможенной службой, ГИБДД, Росавтодором и утвердить Приказом Министра транспорта РФ.

В последние годы на дорогах России внедряются системы предварительного весового и габаритного контроля (СВК) без торможения транспортного потока. Данную методику используют во всем мире пока только для предварительного выявления потенциальных нарушителей, что приводит к различным неблагоприятным последствиям. Такая система устанавливается, примерно за 0,5...3 км перед стационарным постом весового контроля, на контрольных весах которого осуществляется поосное взвешивание ТС традиционным методом.

Результаты сравниваются, передаются в аналитические центры и соответствующие исследовательские институты. Изучением процесса получения, передачи и анализа сведений о движущихся большегрузных транспортных средств занимаются многие специалисты. Отчеты и аналитика по определенным параметрам имеется и доступна в открытом доступе в сети. Так, подтвержденный многими параметрами очевиден факт при равномерном движении большегрузной автомашины по трассе подвески (многоосного транспортного средства) работают с минимальными негативными эффектами.

Таким образом, очевиден и неоспорим тот факт, что для федеральных трасс с большим грузопотоком необходимы посты весового потока для урегулирования нагрузки на автотрассу, снижения аварийности и регулирования загрузки автотрасс.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2011 г. № 272 «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом».
2. Технический регламент «О безопасности колесных транспортных средств», утвержденный Постановлением Правительства РФ № 720 от 10.09.2010 г.
3. Рекомендация № 134–1 «Автоматические весы для взвешивания транспортных средств в движении» Международной организации законодательной метрологии (МОЗМ)
4. Весы автоматические для взвешивания транспортных средств в движении. Общие требования и методы испытаний. Государственный стандарт Республики Беларусь СТБ 1845–2008
5. ГОСТ 30414–96. Весы для взвешивания транспортных средств в движении.
6. Методика расчета стоимости содержания автомобильных дорог, городских и сельских дорог и улиц Московской области, И. И. Косенков, М, 2002

7. Сенянский, М. В. «РОГАТКА» для дорожного весового контроля большегрузных транспортных средств. — М.: «Дорожная держава», спецвыпуск. — 2010.
8. Справочная энциклопедия дорожника, II том, Ремонт и содержание автомобильных дорог, под ред. зсл. деятеля науки и техники РСФСР, д-ра техн. наук, проф. А. П. Васильева, М., 2004
9. <https://www.gibdd.ru/stat/archive/>
10. http://www.mintrans.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=1082&sphrase_id=73674
11. http://www.mintrans.ru/activity/detail.php?SECTION_ID=204
12. <http://dt.mos.ru/upload/presentations/uds/sneg.pdf>
13. <http://inf-remont.ru/road/roa121/>

Золотое ремесло рукодельниц древней Бухары

Ражабова Гуландом Жабборовна, старший преподаватель;

Самиева Шахноз Хикматовна, ассистент;

Савриева Гулноза Ашраф кизи, студент

Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

Золотое шитьё — древнее ремесло. Это народный промысел, который является предметом исследования историков испокон веков.

В исторических источниках указывают на существование этого ремесла на территории республики, как уже о сложившемся народном промысле в 14 в., но есть и воспоминания более раннего периода.

В мире по преданиям золотое шитьё упоминается в Согдиане, в сторонах Передней Азии, на Кавказе, в Турции, Афганистане и даже в государствах Западной Европы.

В Самарканде были даже кварталы золотошвеев. Но постепенно это занятие сосредоточилось в Бухаре и обрело грандиозный размах. Крупнейшая мастерская золотого шитья находилась в резиденции Бухарского Эмирата.

Существовали мелкие мастерские семейного подряда. Контроль за исполнением и получением заказов и распределением их между мастерскими осуществляли почтенные и влиятельные лица — бобо и аксакал.

Золотошвейное дело это прерогатива мужчин в эти времена. По одной из легенд золотые нити потускнели при виде женской красоты, и чтобы не переводить дорогостоящий материал к этому делу привлекли мужчин. По другой версии мужчины издревле занимались этим ремеслом, начиная с пророков Давида Хазрати Ижриси и Юсуфа — дальнейшем стали покровителями золотошвейного ремесла.

Мальчиков в возрасте 10–12 лет отдавали в обучение на 4–7 лет. Получив у цехового мастера разрешение на самостоятельную деятельность можно было стать равноправны “золотошвеем”.

Основным материалом для золотого шитья является различные сорта металлических нитей.

Под шитьем использовались такие ткани, как бархат, привозной и местный, шелк, атлас, сукно, шерсть, полушелковая ткань “алоча” и даже кожа.

Особый подъем искусства золотого шитья наблюдается в XIX в.. Одежда состоятельных граждан непременно расшивалась золотом.

Блистал золотом с головы до ног в полном смысле этого слова эмир и его двор. Это тюбетейка, кулох, чалма, халат, камзол, штаны, пояс, сапоги — махси, кауши и даже портянки. Золотом сверкали попоны и гепрахи на лошадях.

Орнаменты золотого шитья отличались разнообразностью. В основном применялись узоры растительного характера, иногда геометрические.

Основные мотивы — это розетки пальметки, кусты, деревья, ветки, вазоны с цветками, миндаль, гранат, черешня, виноград.

По специальным заказам изготавливались женские тюбетейки с изображением птиц. Были позаимствованы растительные орнаменты с рисунков китайского фарфора, завозимого из Китая такие как: “гули-чинни” — хризантема, “гули-кашкари” — кашгарский цветок. А цветочные мотивы, заимствованные с узоров русских фабричных тканей, также как мотивы архитектурных памятников; пользовались большой популярностью бухарской элиты XIX нач. XX веков.

Особо применялись в золотом шитье три основных вида композиций: даукур, бутадор и дархам. За основу композиции даукур принимают определенный золотошвейный орнамент каймыкур для отделки полы мужского или детского халата, концы рукавов, военных мундиров. Спинка заполняется медальоном стилизованного растительного рисунка, а все остальное поле халата свободного от узоров.

На военных мундирах вышивались знаки отличия — нишон, в основном расположение их на груди и нижних углах передних полок.

Женская золотошвейная одежда славилась большей изысканностью и элегантностью. Она более облегающая, ткани применяются более лёгкие.

Бухарским золотошвейным жилетам, которые одевались поверх платья отдавалось особое предпочтение.

Тесьмой пешкура — золото швейная полоска в 8–10 см шириной и 110–120 см длиной отделялись женские платья.

В основном в орнаменте преобладают геометрические фигуры — ромбы, окружности, треугольники в совокупности с растительными мотивами. Эти узоры выполняют функцию оберега.

Нет предела фантазии мастеров золотошвеев в отделке головных уборов. Тюбетейка — каллапуши зардузи, зардузи — заминдузи, зардузи — гулдузи — это одна из необходимых деталей костюма придворной знати, позже свадебного костюма и т.д.

Калтапушак с золотым шитьем или пешонобад — наlobная повязка, телпак носили жены и дочери высокопоставленных лиц.

Украшали золотым шитьем мужские, детские и женские сапожки — махси с высокими голенищами. Голенища изготавливали из гладкого бархата и расшивали в основном растительным орнаментом — техникой заминдузи.

Для особого шика золото швейные изделия украшали драгоценными и полудрагоценными камнями: бриллиантами, изумрудами, жемчугом, рубинами, сапфирами.

Находилась применение на изделиях и ювелирным изделиям — золотым и серебряным бляшкам различной формы.

Технология золотого шитья — многоступенчатый процесс. В нем принимали участие очень много ремесленников. Это прежде всего закройщик. После одобрения рисунков, предоставляемых эмиру, художниками, они поступали к золотошвеям.

На белую плотную бумагу наносился рисунок черной тушью, прокалывали иглой и наносили на толстую бумагу, припорошивая толченым углем. Рисунок обводили и вырезали. К бязевой основе приметывали натянутую ткань вышивки, подрезали основу так, чтобы вышиваемая ткань держалась только на полосках бязи боковых брусьев пальцев. Прикрепив вырезанный из бумаги узор, вышивали узкие полоски по кайме, а затем заполняли основное поле.

Распределение узора на ткани из отдельно заготовленных элементов и создание гармоничной композиции — это творческий процесс, которым обладали редкие специалисты.

Золотое шитьё производилось в несколько приемов: зашивался узор прядильными или волоченным золотом, затем разделяли его крученым или — тофта — дузи или-сим — дузи золотом, нитями калечатун джигили уруа, шелком, беришим — дузи, ска золотом, смешанным с шелком.

Образцы предметов золотошвейной одежды XIX–XX вв. являются памятниками культуры прошлых поколений и представлены в экспозициях не только в музеях Узбекистана: Государственный музей истории Узбеки-

стана, Государственный музей искусств Узбекистана, музей прикладного искусства Узбекистана, Самаркандский музей истории и культуры им. А. Икрамова, Бухарский государственный архитектурно-художественный музей — заповедник, но и в собраниях Государственного Эрмитажа, Музее антропологии и этнографии им. Миклухо Маклая в Санкт-Петербурге и мн. других.

Золотошвейное мастерство постепенно переходит в сферу массового производства преимущественно сувенирных изделий в советский период 1920–1980 гг. В послевоенные годы вошли в популярность изделия крупных монументальных форм: большие настенные панно с образительными мотивами из современной жизни, театральные занавеси.

К их изготовлению привлекались высоко профессиональные художники, такие как Столяров, мастера: Рахмат Мирзаев, Пулат Хакимов, Гулям Мухамедов, Нугман Аминов, Нурмат Султанов, максум Ахмедов, Муяссар Темирова.

Женщины, никогда не привлекаемые к этому искусству, стали искусными мастерицами.

В настоящее время в Бухаре есть несколько мастерских, где трудятся мастера своего дела, имеющих уже свои школы.

С возрождением национальных традиций стали пользоваться популярностью изделия золотошвейников. Расшитые мужские халаты дарят почетным гостям, являются частью свадебного гардероба жениха. Тюбетейки,

сумочки, туфли и пояса, расшитые золотом пользуются спросом у туристов.

Исходя из вышесказанного, следует заметить, что преемственность поколений существовала и будет существовать всегда. Благодаря сохраненным нашими предками старинным узорам, орнаментам мы любимся

этими экспонатами в музеях, запасниках. А молодое поколение художников, дизайнеров, мастеров золотого шитья приносят в это искусство свои свежие идеи, замыслы.

Ведь недаром говорят, что все новое — это хорошо забытое старое.

Литература:

1. П. А. Гончарова «Золотошвейное искусство Бухары». Ташкент, 1986.
2. А. И. Сидоренко и др. «Золотошвейное шитьё Бухары» Ташкент, 1981.
3. Министерство по делам культуры Республики Узбекистан Бухарский Государственный архитектурно — художественный музей заповедник Ташкент, 2004.
4. Х. И. Исмаилов «Традиционная одежда узбеков» Ташкент, 1978.
5. Н. Садыкова Музейное дело В Узбекистане. Ташкент: Фан, 1975.

Маркетинговые исследования при проектировании формы для девочек профессиональных колледжей

Солиев Искандар Содикович, ассистент
Бухарский инженерно-технологический институт (Узбекистан)

Маркетинговые исследования позволяют выявить максимально возможное количество средств, воздействующих в той или иной степени на покупательский спрос, ставят производство швейных изделий в функциональную зависимость от запросов и требуют производить продукцию в ассортименте и объеме, нужном потребителю. В качестве ведущих признаков формы для девочек — учащихся профессиональных колледжей отобраны следующие: стиль, вид одежды, длина, цвет. Выделенные признаки положены в основу составления анкеты для маркетинговых исследований.

Целью маркетинговых исследований было определение потребительских требований по формированию формы для девочек — учащихся профессиональных колледжей.

Маркетинговые исследования проводились по ранее разработанной в МГУДТ методике и включали в себя 4 этапа:

- определение цели и выбор методов маркетинговых исследований;
- определение объема выборки;
- сбор информации;
- формирование рекомендаций по разработке формы для девочек профессиональных колледжей.

В качестве объекта исследования выбран ассортимент существующих видов одежды для девочек-учащихся профессиональных колледжей: пиджак с юбкой, платье, са-рафан и жакет. Опрос проведен в январе 2015 года среди учащихся профессиональных колледжей. Опросом была охвачено 300 человек в возрасте от 15 до 18 лет.

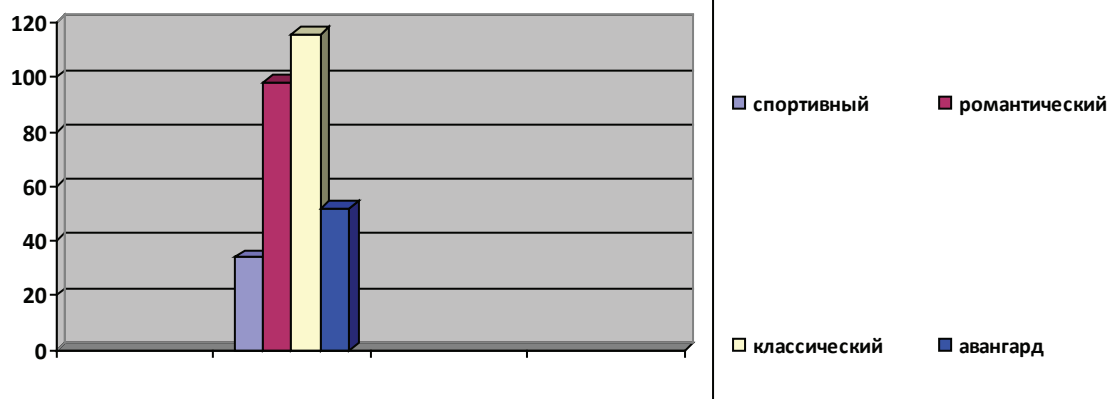

Рис. 1. Предпочитаемые стили одежды: 1 — классический; 2 — романтический; 3 — спортивный; 4 — авангард

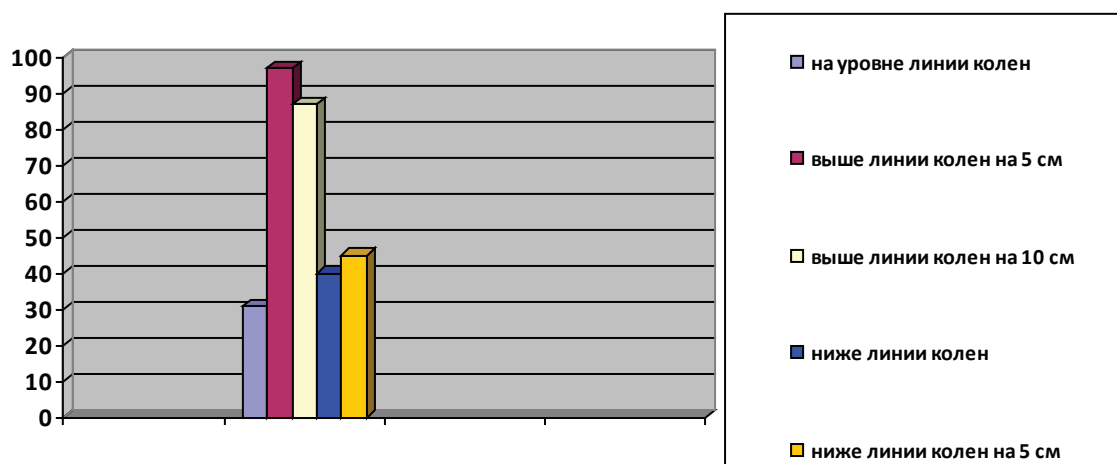

Рис. 2. Предпочитаемая длина: 1 — на уровне линии колен; 2 — выше линии колен на 5 см; 3 — выше линии колен на 10 см; 4 — ниже линии колен; 5 — ниже линии колен на 5 см

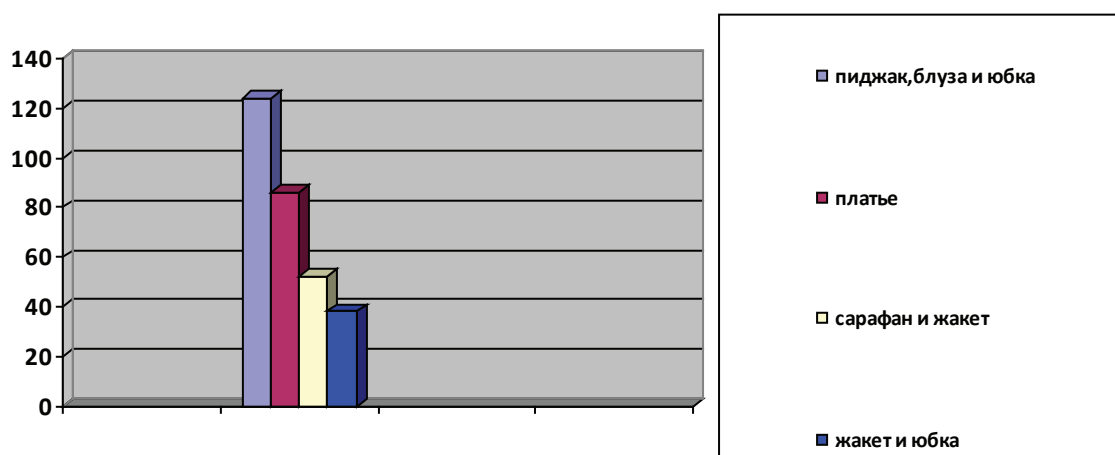

Рис. 3. Предпочитаемые виды формы для девочек 1 — пиджак, блуза и юбка; 2 — платье; 3 — сарафан и жакет; 4 — жакет и юбка

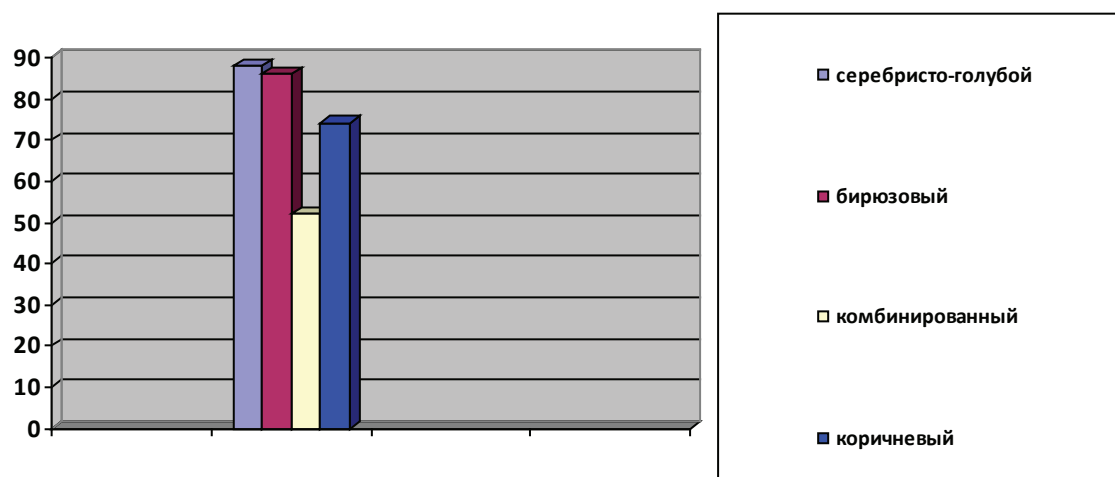

Рис. 4. Предпочитаемая цветовая гамма формы для девочек: 1 — серебристо-голубая; 2 — бирюзовая; 3 — коричневая; 4 — комбинированная

Анализ результатов опроса респондентов показал, что большинство опрошиваемых предпочтение отдают классическому стилю в одежде — 38,6%; романтический стиль (утонченный, женственный) предпочитают — 32,6%; спортивный — 11,3%; авангард — 17,3%.

По вопросу о цветовой гамме формы для девочек большинство респондентов отдали предпочитаемые насыщенные, спокойные цвета и сочетания. Выбор цветовой гаммы был связан с конкретным видом одежды, возрастной группой респондента и назначением изделий.

В цветовой гамме лидируют четыре цвета: серебристо-голубой (29,3%), бирюзовый (28,6%), коричневый (24,6%), комбинированный (17,5%).

Следует отметить, что большинство опрошенных предпочитают блузу, жакет и юбку (28,6%). Это подтверждается и данными по анализу ситуаций потребления одежды, связанных с учёбой. Учащиеся предпочитают костюм, блузу и юбку, хорошо сочета-

ющиеся с двух предметными костюмами: юбка-жакет, жакет-брюки, которые можно комбинировать друг с другом.

Сумма баллов взаимосвязи для каждого фактора является числовым выражением общей дисперсии результативного признака, объясняемой данным фактором.

Таким образом, в результате маркетинговых исследований установлено следующее:

- форма для девочек-учащихся профессиональных колледжей должна быть в виде пиджака, блузы и юбки;
- при моделировании формы для девочек целесообразным является использование классического стиля;
- потребительские предпочтения на основные художественно-конструктивные признаки: длина — на 5 см выше колен, силуэт — полуприлегающий, цвет — серебристо-голубой и бирюзовый.

Проведенные маркетинговые исследования позволили выявить наиболее предпочтительные конструктивные элементы формы для девочек-учащихся профессио-

нальных колледжей и явились фундаментом при разработке новых моделей. Рекомендации по подбору тканей послужили исходной информацией для выбора формы для девочек, её пропорций, фактуры и других стиливых признаков.

Особое значение при создании эскизов моделей уделялось обеспечению соответствия эстетических признаков современным тенденциям моды и результатам маркетинговых исследований.

Литература:

1. Мартынова, А. И., Андреева Е. Г. Конструктивное моделирование одежды. М., 2002, 214 с.
2. Файзрахманов, И. М., Файзрахманова А. Л. Конструирование и моделирование детской одежды. Елабуга, 2012, 92 с.
3. А. Тихомиров. Теория планирования эксперимента. М., 1985, с. 154–178.

Разработка детского игрового комплекса

Тоноян Сурен Самвелович, студент;

Логинова Анна Владимировна, старший преподаватель

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Детские игровые площадки являются источником позитивных эмоций для детей и дают им возможность осуществлять самостоятельную игровую деятельность. Они предназначены для физического развития, отдыха и игры детей на улице.

В состав детских площадок входят: игровые и спортивные комплексы, качели, карусели, песочницы, горки, уличные тренажеры и т. д.

В процессе проектирования были изучены аналоги существующих площадок в России и в зарубежных странах.

Зарубежные площадки имеют отличия от российских аналогов. На пример, одно из отличий — это используемые материалы. Большинство площадок за рубежом построены из пластика. В России же чаще используется дерево и металл. Преимуществом пластика является возможность получения любых форм, легкий вес, эстетичный современный внешний вид. Преимущество металла — большая устойчивость к температурным перепадам, также он не настолько скользкий, как пластик. Именно благодаря этим характеристикам металл чаще используют в России. Дерево же привлекательно по экологическим характеристикам и легко доступно в нашем регионе.

Детские игровые комплексы следует территориально зонировать согласно функционалу. Детям необходимо, как открытое пространство для подвижных игр, так и закрытое, для спокойных занятий.

Так же необходимо предусмотреть игровое оборудование для детских площадок. Не секрет, что основным развлечением для детей, являются разнообразные игры. Оборудование детских площадок, независимо от места их расположения (детский сад, парк, сквер, двор жилых домов, ТРЦ и др.), представляет собой стандартный набор различных приспособлений и устройств — качели, качалки, горки, устройства для лазания (вышки, лианы, шестигранники и др.), бревна для равновесия и др.

Этот широкий спектр оборудования решено было объединить и создать модульный, мобильный и универсальный по возрастной категории, детский игровой комплекс. В основе проекта лежит идея создания единого модуля, от которого будет разветвляться общий комплекс, габаритные размеры которого будут зависеть от территории и конкретных требований.

Для каркаса модуля планируется использовать металлические трубы, что позволит эксплуатировать данное сооружение в различных погодных условиях. Металлические трубы создадут прочный каркас, и на его основе будет возможно собрать целый комплекс. Так как, комплекс универсален по возрастному критерию, высота модуля будет составлять 2500 мм. Это даст возможность свободно передвигаться родителям, сопровождающим маленьких детей. Длина и ширина одного модуля 1250 мм * 1250 мм.

Металлические трубы соединяются друг с другом с помощью соединяющихся элементов, которые имеют сферическую форму.

Для более легкой и безопасной конструкции материалом, выполняющим зонирование отдельно взятого модуля, был выбран пластик (см. рис. 1). Используемый пластик имеет достаточную толщину, чтобы обладать противоударными свойствами, и выдерживать необходимую нагрузку. Прозрачность пластика 20–25 %, для возможности прохождения сквозь него естественного освещения.

Так же для увеличения дневного освещения были придуманы элементы с некой структурной решеткой, за счет которых достигается достаточно большая освещенность внутри игрового комплекса.

Предполагается, что из модулей можно собрать не более чем двухэтажный комплекс, при этом безопасное нахождение на втором уровне игрового комплекса будет обеспечено различными перегородками между модулями.

Следующим этапом был проведен поиск элементов для интерьера комплекса, которые увлекут детей внутри игро-

Рис. 1. Модуль для игрового комплекса

вого комплекса. В качестве образа игровой площадки был взят образ и некоторые элементы всем известной игры «Большие гонки». Создается антураж лабиринта, в котором ребенку предстоит найти выход. С этой целью были разработаны элементы игрового комплекса.

Каждый элемент выполняет определенную задачу, связанную с физическими, логическими, и другими возможностями детей. Особое внимание при разработке уделялось элементам, связанным с упражнениями для физической подготовки, так как с ранних лет это очень важно для детей (рис.2).

Каждый элемент будет выполнен из материала, который соответствует всем требованиям безопасности и прочности.

Краска, используемая для покрытия элементов конструкций, должна быть экологичной и безопасной для детей, что подтверждается соответствующими сертификатами. Если детские игровые площадки имеют в своей комплектации элементы, выполненные из дерева, то они должны иметь гладкую, хорошо зашлифованную поверхность, обработаны противопожарной и противогрибковой пропиткой.

Часто **производство детских площадок** предполагает использование пластика, который должен быть прочным, однородным и не токсичным. Материалы используются строго в соответствии со своими характеристиками.

Все детские спортивно-игровые комплексы разрабатываются на основе ГОСТов, и предполагают наличие таких обязательных элементов, как бортики и перила, необходимые для защиты от падения. Кроме того, должны отсутствовать не эргономичные отверстия, которые способствуют застреванию частей тела и одежды детей. Если есть тоннели, то их длина должна быть не менее 750 мм. Оборудование, имеющее возможную высоту падения ребенка более 500 мм, должно пройти испытания по ударопоглощению поверхности, на которой оно установлено.

Основные строительные процессы при возведении спортивных сооружений должны осуществляться в следующей технологической последовательности: снятие растительного слоя и обвалование растительного грунта, разметка площадки; устройство поверхностного водоотвода; подготовка подстилающего слоя из связных, дренирующих или фильтрующих грунтов; послойное устройство покрытия; устройство слоя износа покрытия; установка спортивного оборудования и нанесение разметки.

Основными цветами для детского игрового комплекса были выбраны красный, зеленый, синий и желтый. Выбор таких ярких цветов объясняется психологическими особенностями восприятия цвета в детском возрасте.

В процессе выполнения работы, были изучены все ГОСТы и СНиПы для детских игровых комплексов,

Рис. 2. Элементы для физических упражнений

Рис. 3. Внешний вид игрового комплекса

а также допустимые и желательные материалы для их создания.

Разработан новый универсальный и многофункциональный детский игровой комплекс, который своим внешним видом придает яркие черты экстерьеру любой

местности, и станет интересным для любого ребенка, своими привлекательными игровыми элементами (рис.3).

В проекте были соблюдены все нормативы цветовых решений, для правильного влияния на детей и среду.

Литература:

1. Шимко, В. Т. Основы дизайна и средовое проектирование Учебное пособие. — М.: ИМДТ, 2005. — 58 с.
2. Л. П. Ермолаева. Основы дизайнерского искусства: учебное пособие / — Москва: Архитектура-С, 2009. — 152 с.: ил.
3. Цветоведение. Влияние цвета на человека [Электронный ресурс]. URL: <http://mikhailkevich.narod.ru/kyrs/Cvetovedenie/main6.html>. (дата обращения: 18.12.2014)

Методы использования колористики в дизайн-проектировании

Федоткина Александра Ивановна, студент;

Понаморёва Юлия Викторовна, специалист по учебно-методической работе
Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Актуальность работы вызвана необходимостью применения методов цветовых решений при проектировании упаковочной продукции.

Цель: поиск цветовых решений, учитывая особенности использования и назначение упаковочной продукции, выявление параметров влияния цвета на психологию и физиологию человека.

Методы исследования: поиск образа логотипа и его цветовое решение; исследование и определение цветовых решений для модулей упаковки; исследование теорий колористики и выбор цвета для элементов упаковки.

Результаты: Выявлены методы и основные принципы колористики при проектировании упаковочной продукции. Исследовано влияние цвета на психологию и физиологию человека. Разработано композиционное решение цветовых акцентов, благодаря которому достигнута функциональная нагрузка упаковки.

Товар, который появляется на рынке, имеет свою марку и оформление, которые постоянно и ежедневно общаются с потенциальными покупателями. Броская, привлекательная упаковка, способная остановить на себе взгляд покупателя при первом же контакте на месте продажи, может сэкономить производителю значительные суммы рекламного бюджета, поскольку сама является лучшей рекламой товара. По статистике около 80% решений о покупке принимается непосредственно в торговой точке.

Особое впечатление придается цвету упаковки, потому что в пространстве его замечают первым. Своеобразие психологического воздействия цвета проявляется в том, что по сравнению с текстом он имеет более древнее происхождение и затрагивает чувства, а текст — интеллект [3].

Наука о цвете, знания о природе цвета, гармоничное сочетание цветов в наши дни является важной темой исследова-

дований в области дизайна. После того, как были проведены многочисленные тесты, результатами которых было выявлено, что отдельные цвета и оттенки воздействуют на психологию и физиологию человека, цвета стали использовать целенаправленно: в рекламе, в сфере моды, в кино и журналах. На пример, в рекламе детской одежды преобладают пастельные тона, в рекламе молочной продукции-белые, в рекламе кофе-коричневые.

Так же цветовая гамма играет большую роль в жизни общества в целом (в промышленности, транспорте, искусстве, современной технике для передачи информации). В таких случаях цвета используются как символы, которые заменяют понятия в правилах поведения. Так сигнальные огни на транспортных магистралях меняются и разрешают или запрещают движение. В промышленности цвета используются как символы для маркировки трубопроводов с различными веществами или температурами, информационных карт, спецодежды. Цвета используются для создания психологических акцентов, которые увеличивают производительность труда и уменьшают утомляемость работников.

У человека восприятие цвета частично изменяется в зависимости от его психофизического состояния, например, усиливается в опасных ситуациях, уменьшается при усталости. А сами же цвета воздействуют на физио-

логические процессы человека и на его психологическое состояние.

В рамках учебного процесса Томского Политехнического Университета по дисциплине дизайн-проектирование было выдано задание, которое заключалось в проектировании противоударной упаковки для ёлочных игрушек, правильном подборе цветов. Само понятие упаковка подразумевает внешнюю оболочку товара, выполняющую роль хранения, защиты, а также рекламы и бренда компании. Материалы, которые часто используются для создания упаковки — это бумага, картон, полиэтилен, дерево. В данном случае в качестве материала был выбран цветной картон, так как он может обеспечить необходимую прочность изделия и оригинальный внешний вид.

Для начала было необходимо разработать логотип, который бы ассоциировался с праздником. Логотип — это оригинальное специально разработанное начертание, являющееся важнейшим элементом, от качества разработки которого, зависит общее впечатление обо всем фирменном стиле. В первую очередь важно найти сам образ логотипа. Это может быть изображение, надпись или сочетание изображения и надписи. В дальнейшей работе в качестве основы художественного образа был взят рисунок ёлочки со звездой, так как это изображение наи-

Рис.1. Логотип

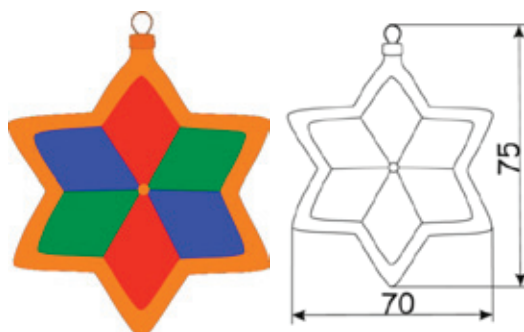

Рис.2. Предполагаемая ёлочная игрушка и её размеры

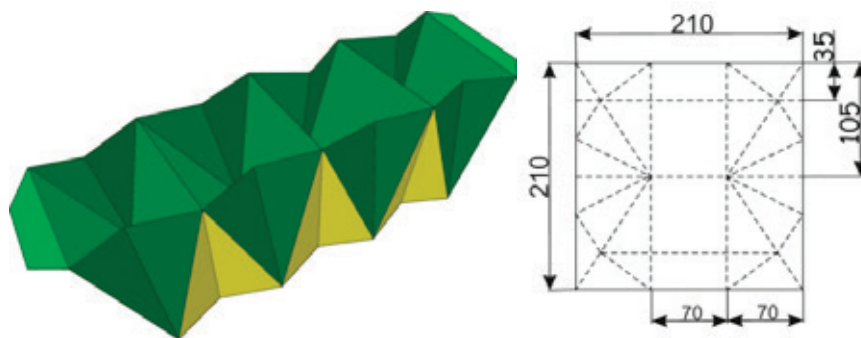

Рис.3. Модули и размеры одного модуля

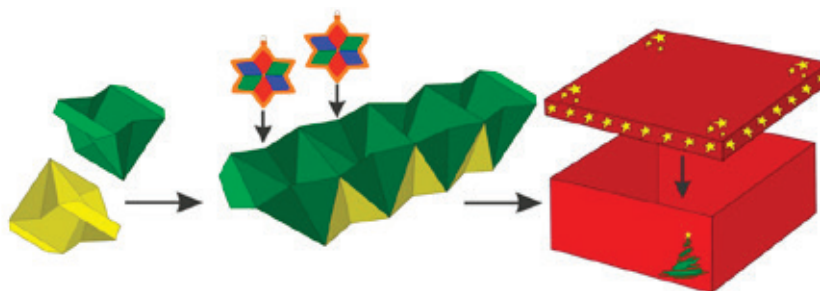

Рис.4. Схема сборки

более точно характеризует суть данного изделия. Основные свойства логотипа это: оригинальность, лаконичность и простота восприятия. Благодаря цвету он должен быть выразительным, это качество, которое отвечает за узнаваемость логотипа. Исходя из упомянутых критериев в качестве цветового решения были выбраны оттенки зеленого и желтого (Рис.1. Логотип). Зеленый цвет вызывает чувство уравновешенности, снижает усталость, помогает сконцентрироваться. Зеленый — это цвет ели, которая является главным украшением новогоднего праздника. Желтый цвет способствует решению задач, стимулирует мозг, вызывает положительные эмоции. Этот жизнерадостный цвет позволяет расширять горизонты. Он ассоциируется с детским смехом, весельем, забором, предпраздничным настроением.

Упаковка включает в себя модули, в которые помещают игрушки (Рис.2. Предполагаемая ёлочная игрушка и её размеры), коробку и пакет. Модули (Рис.3. Модули) можно комбинировать, они состоят из двух цветов (желтый и зеленый), это обуславливается расположением модулей. Выдержано цветовое равновесие. Цвета не кажутся чуждыми один другому и ни один из них не преобладает над другими, потому что подобрана равномерная насыщенность зеленого и желтого.

Цвет коробки и пакета красный, поскольку это цвет праздника, подарков. Выбирая красный, было решено

опираться на теорию Гёте. По его мнению, красный и зеленый гармонично сочетаются. Он считал, что классическая гармония должна избегать сочетания цветов в среднем интервале цветового круга: оранжевый-зеленый, фиолетовый-голубой, пурпурный-оранжевый. Эти цвета и не близкие, и не далекие, они не имеют ясности выражения. Справа на одной из сторон коробки расположен логотип. На крышке коробки изображены желтые звезды. На пакете логотип расположен в центре. Такое сочетание цветов и расположение логотипа на элементах упаковки придает пропорциональность, уравновешенность, меру композиции, то есть нечего добавить и убрать.

Подбор правильного сочетания цветов при проектировании противоударной упаковки для ёлочных игрушек является актуальной и достаточно интересной задачей, в осуществлении которой приходится решать широкий перечень вопросов таких как, узнаваемость логотипа за счет цветового решения, цветовое равновесие, гармоничность, ясность выражения, мера композиции. Все эти вопросы приходится решать дизайнеру, учитывая особенности каждого элемента упаковки.

Таким образом, упаковка является важным элементом, который должен придавать завершенность товару и «усиливать» его. Этого можно добиться грамотным размещением цветовой гаммы.

Литература:

1. Алексеев, С. О колорите: книга/ С. Алексеев — Москва: Изобразительное искусство, 1974. — 175 с.

2. Иттен, И. Искусство цвета: книга/ И. Иттен — Москва: Д. Аронов, 2014. — 96 с.
3. Ковалева, Л. А., Кострыкин С. А. Воздействие цвета в дизайне упаковки молочных продуктов на восприятие потребителей. URL: http://www.amursu.ru/attachments/article/9533/N50_37.pdf. (дата обращения: 10.04.2015)
4. Подбор гармоничных цветовых сочетаний из двух — трех тонов для выражения психо — эмоциональной сферы человека. URL: <http://studopedia.info/1-41077.html> (дата обращения: 19.03.15)
5. Четыре правила профессионального дизайна. URL: <http://imi.asf.ru/Library/Book/HTML/4rules.html> (дата обращения: 19.03.15)

Значение и роль логистики для строительной отрасли в условиях загруженности территории г. Москвы

Цветкова Светлана Михайловна, студент
Государственный университет управления (г. Москва)

В современном мире применение логистики очень актуально практически во всех областях. Принимая во внимание тот факт, что строительство входит в число базовых отраслей народного хозяйства любого государства, в том числе и для российской экономики оно не является исключением. Небольшие сбои в снабжении и кратковременные перерывы в любой стройке уже могут привести к проблемам, а впоследствии и к экономическим потерям. Чтобы этого избежать, нужно добиться хорошего уровня снабжения и бесперебойных поставок строительных материалов, поэтому без логистики тут не обойтись.

В данной статье я хочу обосновать значение логистики конкретно для строительной отрасли г. Москвы, выделить имеющиеся проблемы и привести некоторые возможные пути их разрешения.

Для этого необходимо провести системный анализ^[1], использовать возможности логистического консалтинга^[2], осуществить моделирование и расчет логистических цепей^[3,4,5]. Логистика проникла во все сферы хозяйственной жизни человека, в связи с этим встречается большое количество толкований данного термина. Приведу, на мой взгляд, наиболее точное и простое для понимания определение: «Логистика — это совокупность различных видов деятельности с целью получения с наименьшими затратами необходимого количества продукции в установленное время и в установленном месте, в котором существует конкретная потребность в данной продукции»^[5]. В настоящее время появилось и более широкое, емкое толкование этого термина. Логистика — это наука и область практической деятельности по формированию и управлению потоковыми средами и их импульсами кинетических процессов преобразований в естественных, искусственных и смешанных системах, органично входящих в интеллектуальные, инновационные, экономические, социальные, культурные, технические, политические и военные сферы^[6]. Таким образом, предназначение логистики заключается в обеспечении и получении продуктов и услуг там, где они необходимы, и тогда, когда они требуются.

Строительство, как сфера национальной экономики, характеризуется широким ассортиментом потребляемых материально-технических ресурсов и высокой материалоёмкостью строительной продукции, что повышает роль логистики как основного инструмента рациональной организации материальных потоков и ресурсосбережения. Москва, как столица России, является самым большим мегаполисом страны, а вследствие этого одним из самых сложных городов с точки зрения строительной и транспортной логистики. На сегодняшний день в транспортно-логистической системе Московского региона накопилось большое количество проблем, без решения которых невозможно эффективное функционирование хозяйствующих субъектов и бесперебойной работы строительной отрасли.

Согласно исследованиям ЗАО «Смарт Лоджистик Групп» подсчитано, что сегодня город Москва имеет среднюю скорость перемещения автотранспорта 22–25 км/ч. Показатель городской застройки по отношению к проезжей части в Москве составляет минимальную величину в 8,7%. Для сравнения: в самых тесных мегаполисах мира — Гонконге, Сеуле, Сингапуре, Токио доля улично-дорожной сети составляет 10–12%. Для городов Европы — 20–25%. А в самых комфортно обустроенных городах, в частности в США, Канаде и Австралии, этот показатель стремится к 30–35%. Москва, таким образом, является самым неудобным городом мира для всех автомобилистов^[7]. Также, по мнению аналитиков, на сегодняшний день отмечается общая тенденция замедления среднего движения по улицам городам (например, средняя скорость в дневное время около 24 км/ч).

Кроме этого транспортную ситуацию в Москве огораживают склады. Склад — это всегда скопление большегрузного транспорта и тяжеломаневренных машин. Вопрос о выводе большегрузного транспорта, а вследствие и складов ставился уже очень давно. На мой взгляд, складские мощности не просто нужны, а необходимо переводить за пределы МКАД и сейчас в Москве есть все требуемые

условия. Вокруг МКАД практически во всех направлениях уже построены и успешно работают крупные логистические парки. Например, ПЛК «Северное Домодедово», ПЛК «Крекшино», «Томилино», «Пушкино», СК «Подольск», МЛП на Ленинградском шоссе, «Кулон» на Рижском шоссе и еще более десяти меньшей площади. Если верить практике, все логистические центры так и должны располагаться (в 15–30 км от МКАД). Это оптимальное расстояние для обслуживания Москвы товарными потоками, как в дневное, так и в ночное время суток. Именно по такому принципу сформирована складская логистика в крупных городах мира. Также, логистические центры и парки следует располагать между двумя основными магистралями, так как в случае пробки на одной из трасс, можно выполнить маневр и, воспользовавшись другой, за более короткий срок выполнить поставки. При этом должна функционировать единая информационная система, которая будет оповещать о появляющихся пробках и тем самым оптимизировать транспортные потоки на крупных магистралях.

Но поставки производятся не только автомобильным транспортом. Значительная часть логистических операций на пути движения материального потока осуществляется с помощью различных транспортных средств. В связи с технологическими особенностями и логистической возможностью предприятий поставка инертных материалов осуществляется преимущественно железнодорожным транспортом. Поставка автомобильным транспортом (35% от общего количества грузовых автомобилей) осложняется запретом на движение большегрузных автомобилей в дневное время внутри города Москвы и по МКАД, а также, в связи с большими объемами перевозимых материалов создается колоссальная нагрузка на дорожную инфраструктуру города Москвы. Введенные в настоящее время ограничения на поставку инертных материалов железнодорожным транспортом приводят к срыву производственной программы по обеспечению особо значимых строительных объектов города Москвы строительными изделиями.

В связи с расширением и модернизацией действующих производств и внедрением инновационных технологий планируется создание новых рабочих мест, а также увеличение производственных мощностей, что потребует дополнительных поставок минерально-строительных грузов железнодорожным транспортом.

Литература:

1. Воронов, В. И. Системный анализ в логистике «УМКД для студентов заочной формы обучения специальности «Логистика и управление цепями поставок» 080506. М.: ГУУ сайт, 2010 г.
2. Воронов, В. И. Основные аспекты логистического консалтинга / В. И. Воронов, А. С. Пичейкина // Вестник университета № 1 (19) / 2007. — М.: «Государственный университет управления», 2007. — с. 152–160.
3. Воронов, В. И., Лазарев В. А. Некоторые задачи моделирования логистических цепей. Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета им. Академика С. П. Королева (национального исследовательского университета) № 1 (7) / 2005. — с. 42–49.
4. Логистика: тренинг и практикум. Аникин Б. А., Вайн В. М., Водянова В. В., Воронов В. И., Гапонова М. А., Ермаков И. А., Ефимова В. В., Заичкин Н. И., Кравченко М. В., Пузанова И. А., Родкина Т. А., Серова С. Ю., Серышев Р. В., Федоров Л. С. Учебное пособие / Москва, 2014.

В настоящее время Правительством Москвы совместно с ОАО «РЖД» реализуются инициативы по перераспределению существующих грузопотоков с учетом ввода в эксплуатацию 4-х мультимодальных терминально-логистических центров «Ховрино», «Кунцево II», «Северянин» и «Люблино», создаваемых на базе железнодорожных станций Ховрино, Кунцево II, Москва-Товарная-Ярославская, Люблино-Сортировочная, а также закрытия неэффективно используемых подъездных путей промышленных предприятий и грузовых дворов, расположенных в пределах Малого кольца Московской железной дороги (далее — МК МЖД). Для оптимизации грузовой работы на железнодорожных станциях и подъездных путях необщего пользования в августе 2013 года Департаментом транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы создана межведомственная Комиссия по согласованию открытия или закрытия железнодорожных переездов в городе Москве (далее — Комиссия)^[8].

В настоящее время Комиссия осуществляет свою деятельность, опираясь на следующие основные критерии при принятии решений о сохранении примыканий подъездных путей необщего пользования к железнодорожным станциям МК МЖД и к предприятиям-собственникам (арендаторам) путей необщего пользования:

- наличие производства (объектов) стратегического значения;
- наличие производства (объектов), деятельность которых необходима для обеспечения нужд города Москва и не создающих препятствий для реализации проекта организации пассажирских городских перевозок;
- объемы выполняемой погрузочно-разгрузочной работы на собственных (арендованных) подъездных путях необщего пользования в 2012–2015 годах.

Реализация вышеуказанных мероприятий позволит оптимизировать внутригородские грузопотоки, исключив транзитную составляющую при перевозке грузов автомобильным транспортом, что значительно перегружает улично-дорожную сеть, а также организовать своевременное обеспечение столичных жителей и предприятий жизненно необходимыми товарами, предназначенными для потребления внутри города, в том числе и для нужд строительного комплекса города Москвы.

5. Логистика и управление цепями поставок. Теория и практика. Основы логистики. Аникин Б. А., Родкина Т. А., Волочиенко В. А., Заичкин Н. И., Межевов А. Д., Федоров Л. С., Вайн В. М., Воронов В. И., Водянова В. В., Гапонова М. А., Ермаков И. А., Ефимова В. В., Кравченко М. В., Серова С. Ю., Серышев Р. В., Филиппов Е. Е., Пузанова И. А., Учирова М. Ю., Рудая И. Л. Учебное пособие/Москва, 2014.
6. Воронов, В. И., Воронов А. В. Формирование понятия, миссии, целей, задач, функций, интегральной логики: принципов и методов международной фармацевтической логистики. Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. с.1792.
7. Елин, В. А. Транспортно-логистические проблемы Москвы. ЗАО «Смарт Лоджистик Групп» (SLG)
8. Ликсутов, М. С. Актуальные и перспективные направления развития дорожно-транспортной инфраструктуры города Москвы. «Транспортная стратегия XXI век», № 26, 2014 г.

Проектирование детской площадки «Пиратский корабль»

Яковлева Анна Валентиновна, студент;

Логинова Анна Владимировна, старший преподаватель

Национальный исследовательский Томский политехнический университет

Для обеспечения детям здоровых условий пребывания на свежем воздухе, для укрепления их организма, правильного физического развития, а также для разумного проведения досуга в коллективе своих сверстников, в каждом микрорайоне предусматриваются детские игровые площадки. Особенно существенное значение детские площадки приобретают в микрорайонах больших городов, где дети оторваны от природы.

Организация таких площадок помимо положительного влияния на развитие детей освобождает родителей от излишнего беспокойства за них, снижает количество несчастных случаев с детьми на улицах и способствует лучшей сохранности зеленых насаждений микрорайона. Кроме того, при правильном расположении площадок удается избавить жителей от шума и криков, сопровождающих обычно детские игры [1].

В наше время имеется большое количество детских площадок, они имеют множество образов и каждая из них имеет свои особенности. Однако не все площадки подходят для безопасного времяпрепровождения. Детская площадка должна соответствовать весу, возрасту и росту ребенка, так же разделяться на зоны по возрастному признаку. Обустройство детской площадки следует осуществлять в соответствии с определенными требованиями безопасности для игровых зон, а именно:

- максимальная высота падения,
- безопасность материалов детской площадки,
- и другие.

При проектировке должно учитываться освещение, оптимальное расположение, ограждение от проезжей части, межквартальных проездов и других мест, где игры опасны для жизни детей.

До 2003 года в РФ не существовало каких-либо нормативных документов, регулирующих эксплуатацию детских игровых площадок. С 2003 года был создан «Технический комитет по стандартизации ТК-455 «Оборудование

детских игровых площадок», который разработал специальные госстандарты.

Строительство и эксплуатация игровых площадок должна проводиться в соответствии с этими стандартами, в них содержатся нормативы по безопасности и методы испытаний оборудования и покрытий детских площадок. Так, в стандартах прописаны требования к применяемым материалам, к прочности и другим техническим показателям конструкций, к отсутствию застреваний (рук, ног и пр.) при перемещениях ребенка. Там же содержится описание того, какими должны быть игровые зоны, элементы доступа (лестницы, стремянки), канаты и цепи, а также фундамент.

Детская площадка — это территория, специально оборудованная для досуга детей различного возраста. Целью детской площадки является организация досуга детей на свежем воздухе. Игры на детской площадке оказывают благоприятное воздействие на социальную адаптацию детей.

Игровое оборудование — комплекс конструктивных элементов, способствующих физическому и умственному развитию ребенка.

Детские площадки делятся на:

- площадки, оборудованные для детей определенного возраста;
- площадки для детей с определенными функциональными особенностями.

Оптимальным вариантом служат универсальные детские спортивно-игровые площадки, разбитые на определенные игровые, спортивные и парковые зоны. Правильное деление площадки на территории в соответствии с возрастом детей, которые будут являться конечными пользователями площадки — одно из самых важных мероприятий.

Согласно действующим нормативам, у каждой игровой площадки должен иметься паспорт безопасности (ГОСТ 2.601).

На игровых площадках по регламенту должны быть установлены информационные щиты, в которых можно найти правила эксплуатации при пользовании площадкой, номера телефонов служб спасения и скорой помощи, номера телефонов, по которым можно сообщить о неисправности того или иного оборудования.

Здесь же должно быть специальное ограждение, препятствующее попаданию детей на дороги.

На игровых площадках не должно быть:

- незакрепленных качелей,
- повреждений перил горок,
- острых углов,
- бетонных бордюров.

Ступеньки должны быть прорезиненными.

Детская площадка «Пиратский корабль» относится к универсальной детской площадке, потому что на ней могут заниматься дети в возрасте от 4-ех до 14-ти лет. Детям данного возраста интересно играть на площадке данного типа, так как о пиратах и о жизни на корабле снято множество фильмов и мультфильмов.

Площадка для разных возрастных категорий имеет свои особенности, и различные зоны включают в себя определенные элементы. Для младшего возраста — нижняя часть корпуса корабля, резиновые модули — полоса препятствий, карандаши для рисования на прозрачном корпусе корабля; для среднего возраста — канатные сетки и верхняя часть палубы корабля.

Площадка расположена на мягкой резиновой поверхности, что позволяет избежать травм. На резиновой площадке расположена песочница, что напоминает берег моря.

Вокруг площадки расположены 4 лавки по форме напоминающие морскую волну.

Игровое оборудование детской площадки соответствует возрасту, весу, росту и физическим возможностям ребенка.

Материалы для строительства площадки должны быть экологически чистыми и безопасными для пользования, такие как: дерево, оргстекло (толстое), краска для дерева, резиновое покрытие и металл.

Дерево имеет высокую экологичность, прекрасные декоративные качества, и сочетается с любым природным ландшафтом. Дерево используется для изготовления верхней палубы и мачт.

Оргстекло — акриловый листовый материал, имеет положительные качества как: ударопрочность, не большой вес и может отливаться в любые формы. Оргстекло используется для изготовления нижней части корабля. Дети, заходя на нижнюю палубу, могут рисовать на оргстекле специальными маркерами, после чего рисунки можно легко удалить с поверхности стекла. Для того чтобы оргстекло не сломалось под весом деревянной конструкции делается металлический каркас, который держит дерево.

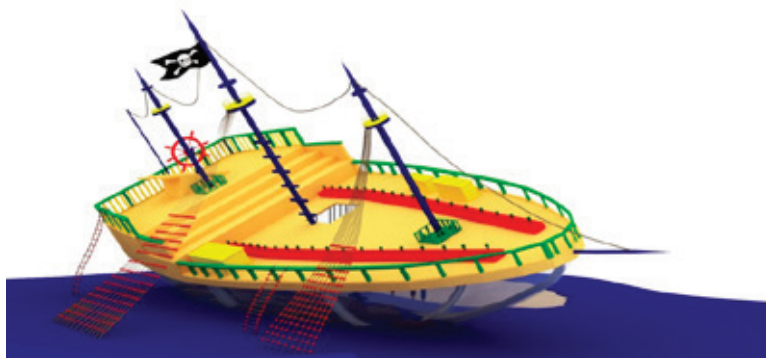

Рис. 1. Детская площадка «Пиратский корабль»

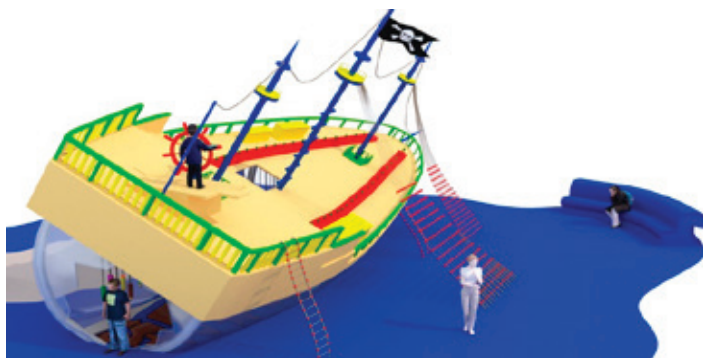

Рис. 2. Детская площадка «Пиратский корабль»

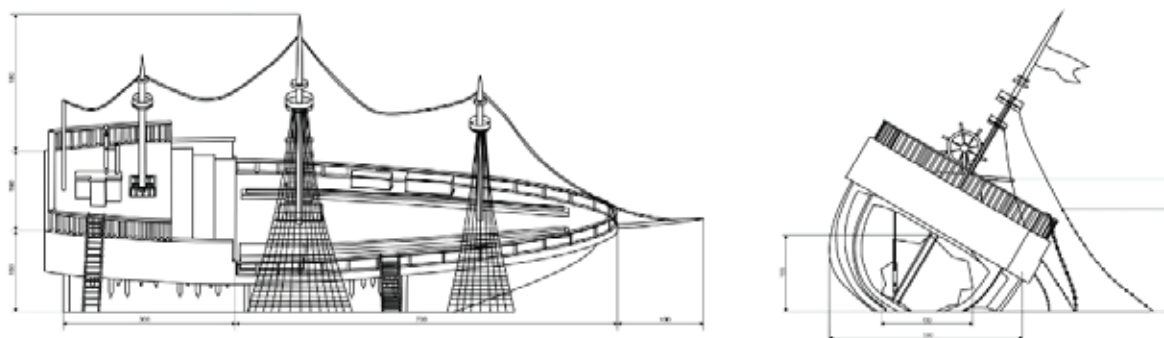

Рис. 3. Размеры корабля

Каждая деревянная деталь на площадке должна быть отшлифована и покрыта органическими красителями. Краска должна быть устойчива к воздействию света и температур.

Немало важен и выбор покрытия. Прорезиненная вспененная поверхность идеально подходит для детской площадки.

Конструкция детского игрового оборудования такова, чтобы риск, предполагаемый в игре, был явным для ребенка, и он мог его предвидеть. Если ребенку стало плохо при игре, конструкция позволяет взрослому беспрепятственно проникать внутрь оборудования для оказания помощи ребенку.

Цветоведение и колористика в проектировании площадки также играют не маловажную роль. Нужно иметь в виду, что цвет имеет большое воздействие на психологию ребенка.

Цветоведение — это комплексная наука о цвете, включающая систематизированную совокупность данных физики, физиологии и психологии, изучающих природный феномен цвета, а также совокупность данных философии, эстетики, истории искусства, филологии, этнографии, литературы, изучающих цвет как явление культуры [2].

Колористика — это раздел науки о цвете, изучающий теорию применения цвета на практике в различных областях человеческой деятельности [2].

В проектировании детской площадки использованы такие цвета как: желтый (светлый), желтый (лимонный), красный, синий, зеленый, коричневый.

Желтый цвет — способствует концентрации внимания ребенка, помогает преодолеть трудности и олицетворяет ум.

Красный цвет — воля к победе, так же олицетворяет мужество и воодушевляет.

Синий цвет — систематизированность во всем, настойчивость, упорство и серьезность.

Зеленый цвет — выражает авторитет и работоспособность.

Коричневый цвет — олицетворяет стабильность и преданность.

Высота детской площадки 5 метров. Длина корабля 11 метров. Высота верхней палубы 160 см, ширина 350 см. высота прохода в нижнюю часть корабля 155 см, ширина 150 см. Корабль стоит под углом 20°. Высота канатных лестниц 180 см.

Высота лавки 75 см. Высота сидения 40 см. Ширина лавки 250 см. Глубина лавки 70 см.

Повышение качества проектирования является актуальной задачей практики ландшафтной архитектуры. Существует насущная проблема создания рационально-организованной, эстетической среды для удовлетворения рекреационных потребностей различных возрастных групп населения.

Композиционные приемы и художественные формы, используемые при проектировании должны помогать людям удобно и хорошо отдыхать. Простота без обыденности — один из принципов, который должен быть положен в основу организации ландшафтных объектов.

Результаты сознательной организации среды обитания человека архитектурно-ландшафтными средствами активно воздействуют на образ жизни людей, их отношение к природе и предметной обстановке, влияют на формирование эстетических вкусов детей.

Литература:

1. Сотникова, В. О. Проектирование элементов благоустройства. Учебное пособие для студентов специальности 27030265 «Дизайн архитектурной среды» по дисциплине «Архитектурно-дизайнерское проектирование». Ульяновск, 2008.
2. Введение в цветоведение и цветовые системы. <http://mikhailkevich.narod.ru/kyrs/Cvetovedenie/main1.html> (дата обращения 28.04.2015)
3. Детская площадка. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D0%BB%D0%BE%D1%89%D0%B0%D0%B4%D0%BA%D0%B0 (дата обращения 28.04.2015)

Молодой ученый

Научный журнал
Выходит два раза в месяц

№ 9 (89) / 2015

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметова Г. Д.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Игнатова М. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матроскина Т. В.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенюшкин Н. С.
Ткаченко И. Г.
Яхина А. С.

Ответственные редакторы:

Кайнова Г. А., Осянина Е. И.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешиев А. М. (Кыргызстан)
Игисинов Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Голубцов М. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

E-mail: info@moluch.ru

<http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Арбузова, д. 4